

ЭТА КНИГА-
ПРИЧИНА ТОГО,
ПОЧЕМУ ВСЕ ДЕВУШКИ
МЕЧТАЮТ О РОМАНЕ
С РОК-ЗВЕЗДОЙ.
Джей Краувер

БЕЗУМНЫЕ

Книжный червь Переводы книг
ДЖЕЙМИ ШОУ

Когда первокурсница Роуэн Майклз знакомится с великолепной восходящей рок-звездой Адамом Эверестом, она понимает, что такой игрок, как он — последнее, что ей нужно, после того как бывший разбил ей сердце. Но она не может выбросить из головы их поцелуй в его гастрольном автобусе. В первый учебный день Роуэн впадает в ступор, когда Адам ленивой походкой входит в класс по французскому. Вскоре он терпит фиаско, и, неожиданно для самой себя, Роуэн предлагает ему репетиторство. Адам не узнает её — студентку без макияжа и в очках, совершенно не похожую на прекрасного, таинственного Персика, которого он встретил на концерте. Во время сумасшедших выходных, проведенных в турне с группой, Роуэн влюбляется в Адама — романтика, который скрывается за образом рок-звезды. Тем не менее, она знает, что никогда не сможет соревноваться с девушками, постоянно бросающимися ему на шею. В конечном итоге всё сведется к тому, что ей будет больно... снова. Да вот только Адам постоянно вспоминает о таинственном Персике. И тогда Роуэн понимает: ей предстоит принять решение — остаться друзьями, дабы сберечь своё хрупкое сердце... или рассказать правду о ночи, когда они встретились, и признаться, что она абсолютно безнадежно в него влюблена.

Оригинальное название: Mayhem (Mayhem #1)

by Jamie Shaw 2015

Безумие (Безумие #1)

Джейми Шоу 2017

Перевод: Юлия Почапская

Редактор: Дарья Фарутина

Корректор: Наталья Губачёва

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Глава 1

— Не могу поверить, что поддалась на твои уговоры.

Одергиваю подол черной стрейчевой нейлоновой юбки, в которую меня вырядила подруга. К сожалению, другого выбора нет, если я не хочу светить своим нижним бельем. Метнув еще один смущенный взгляд на длинную очередь людей, которые выстроились позади вдоль тротуара, снова перевожу свой взгляд на зажатую между пальцами и нагретую солнцем ткань и ворчу:

— Хоть бы леггинсы разрешила надеть, ей-богу

Ди лишь посмеивается и убирает мои руки от ткани.

— Прекрати брюзжать, Роу. Ты поблагодаришь меня, когда мы будем старыми и седыми. Вот вспомнишь эту ночку и поймёшь, что однажды, лишь *однажды*, — она тычет указательным пальцем мне в лицо, подчеркивая последнее слово, — ты красовалась своей сексуальной, миниатюрной фигуркой, прежде чем всё постарело и обвисло.

— Я выгляжу смешно, — жалуясь, отталкивая её палец от лица и закатив для убедительности глаза.

Я выгляжу так, будто шкаф Ди напился, и его вырвало на меня. Она каким-то образом уговорила меня надеть эту мини-юбку — обтягивающую настолько, что даже не описать словами — и ярко-розовый топ, демонстрирующий ложбинку меж грудей больше, чем

должно быть позволено законом. Спереди ткань ниспадает красивыми складками вплоть до пупка, нижняя часть обличает бледную полоску кожи между краем блузы и верхней частью юбки. Ярко-розовая ткань соответствует моим убийственным ярко-розовым каблукам.

В прямом смысле убийственным. Потому что я знаю, что навернусь на них и умру.

Когда один из парней, стоящих рядом с нами в очереди, прижимается ко мне с глупой улыбкой, начинаю снова теревить юбку:

— Думаю, ты выглядишь секси.

Конечно же, он думает, что я выгляжу секси. Как долбаная проститутка!

— У меня есть парень, — парирую я, но Ди просто издевается надо мной.

— Она имела в виду *спасибо*, — отстреливается она отчитывающим тоном, пока парень не сверкает нам еще одной высокомерной улыбкой.

На нем футболка в обтяжку с графическим принтом и серебристой надписью, которую можно смело заменить словом «придурок». Перед тем как мы поворачиваемся, даже Ди не может не состроить гримасу. Мы стоим первыми в очереди на сегодняшнее ночное шоу у двери «Mayhem» под красно-оранжевым светом заходящего летнего солнца. Ди в течение многих недель с нетерпением ждала этой ночи, да и я от нее не отставала. До тех пор, пока мой парень, с которым мы вместе три года, не был вынужден отказаться составить мне компанию.

— Брейди — придурок, — говорит Ди, а я лишь вздыхаю, потому что жалею, что эти двое не могут поладить друг с другом. Диандра и я были лучшими друзьями с детского сада. С Брейди мы встречаемся с десятого класса, а последние два месяца живём вместе.

— Он должен быть здесь, чтобы заценить, как великолепно ты выглядишь сегодня ночью, но неееет, у него всегда на первом месте работа.

— Ди, он переехал сюда, чтобы быть со мной. Закрой на это глаза, ладно?

Она раздраженно ворчит до тех пор, пока не замечает, как я в сотый раз за вечер касаюсь век. Убирая мою руку, Ди приказывает:

— Прекрати. Ты размажешь макияж.

Я опускаю взгляд на пальцы и потираю их друг о друга.

— Скажи мне правду, — говорю я, смахивая комочки теней, — я выгляжу, как клоун?

— Ты сногсшибательно выглядишь! — уверяет меня она с улыбкой на лице. — Будь я лесбиянкой, у тебя были бы неприятности!

Я смеюсь до тех пор, пока Придурок снова не наклоняется, лопая наш личный пузырь своим чудовищно крючковатым носом.

— Не позволяй этому остановить тебя.

Мы обе смотрим на него с такой злобой, что парень немедленно отступает назад, так увлеченно разглядывая свои вызывающе красные кроссовки, словно видит их впервые в своей жизни. Ди и я поворачиваемся обратно, поглядывая друг на друга и стараясь не засмеяться. Она игриво толкает меня локтем, а я хихикаю и слегка подталкиваю её в ответ. Моя улыбка возвращается на место, и я наконец-то чувствую, что начинаю расслабляться, но в этот момент какой-то парень идёт напрямик мимо нас, словно собирается пролезть вне очереди. На нём темные очки и мешковатая черная вязаная шапка, свисающая назад. Он бросает сигарету на землю, и я, прищурившись, наблюдаю за ним.

Мы с Ди ждали слишком долго, чтобы позволить какой-то самовлюбленной сволочи вклиниться перед нами, так что, когда он стучит в дверь клуба, я, осмелев, вставляю свое слово:

— Они ещё не впускают людей, — говорю я, надеясь, что он поймёт намёк.

Даже на своих «небоскрёбных» каблуках я чувствую себя карликом рядом с ним. Он, должно быть, по крайней мере 6,2 фута (*прим. пер.* — приблизительно 189 см) ростом, может быть выше.

Парень оборачивается и, ухмыляясь, опускает темные очки, будто его что-то развеселило. Его запястье покрыто верёвочными и резиновыми браслетами, толстыми кожаными напульсниками, а три пальца на каждой руке украшают татуировки. Но его глаза... лишают меня слов — они светлого серо-зеленого оттенка. Потрясающие.

Когда открывается дверь, он снова разворачивается и пожимает руку вышибале.

— Ты опоздал, — произносит мужчина, а парень в тёмных очках, смеясь, проскальзывает внутрь. Как только он исчезает, Ди толкает меня в плечо.

— О БОЖЕ мой! Ты хоть знаешь, с кем только что говорила?

Я отрицательно качаю головой.

— Это был *Адам ЭВЕРЕСТ*! Он чертов фронтмен группы, которую мы пришли послушать!

О... Боже... Нет.

— Ты шутишь...

Она качает головой, едва сдерживая смех.

— Ты видела, как он смотрел на тебя?

— Как на идиотку!

Она притягивает меня в объятия и наконец выпускает сдерживаемый смех.

— Почему ты не сказала мне?

Ди обнимает меня еще крепче.

— Он стоял прямо там! Что мне было делать? — она смеётся еще сильнее. — Ой, детка, прости! Это был... — её тело всё еще трясёт от смеха, когда я чувствую, как она поднимает руку за моей спиной, чтобы вытереть слёзы с глаз.

Я стону и заканчиваю её предложение:

— ...самый унижительный момент в моей жизни.

— Да ладно, бывало и хуже. Гораздо хуже, — она отстраняется, с улыбкой глядя на меня. — Помнишь тот раз в доме Дэвида Миллера, когда ты...

— Ага. Ди? Не заставляй меня почувствовать себя еще «лучше»!

Она довольно хихикает, покрывая губы еще одним слоем розового блеска, а затем заносит руку, чтобы проделать то же самое со мной.

— Назовём это первым эпическим воспоминанием из тех, которые останутся после сегодняшнего вечера

— Почему, ради всего святого, я хотела бы запомнить это? — причмокнув губами, спрашиваю я.

— Потому что ты говорила с Адамом Эверестом!

Позади меня звенит тонкий голосок:

— Твоя подруга права, — говорит девушка, кивая сама себе. — Он смотрел прямо на тебя. Он *улыбнулся* тебе.

— Разве он не великолепен? — спрашивает Ди, никогда не упуская возможности, захлёбываясь от восторга, говорить о парнях.

В то время как я погружаюсь в размышления, она начинает сплетничать об Адаме со стоящей позади нас девушкой. Я только что говорила с рок-звездой. ДОЛБАНОЙ рок-

звездой. Это при том, что я и понятия не имела, кем он был. Но, черт побери, всё же он выглядит соответствующе. Что бы я сказала, если бы могла повернуть время вспять, зная, кем он являлся? Наверное, ничего, и тогда я бы никогда не увидела ту улыбку или те глаза.

— Ты краснеешь, — говорит Ди, вырывая меня из размышлений.

— Здесь жарко! — лгу я.

— Ты практически голая и это *не* тот «жар».

Её губы вытягиваются в понимающей ухмылке, заставляющей меня покраснеть еще сильнее.

Меня спасает открывшаяся дверь в «Mauihem». И я практически перелетаю через себя, чтобы попасть внутрь. Хоть и уверена, что никогда снова не заговорю с Адамом, я действительно не должна прокручивать в памяти тот момент, жалея, что не поступила иначе. У меня есть парень.

В тускло освещенном задымленном клубе вышибала осматривает наши поддельные удостоверения личности и штампы на руках, а затем Ди тащит меня прямиком в бар. Она показывает два пальца, чтобы привлечь внимание бармена и заказывает два коктейля «Грязная девчонка-скаут», но не успевает и руку опустить, как какой-то парень уже заискивает к ней, угрожая удушить нас запахом своего одеколона.

— Ты выглядишь слегка... — он тщательно оглядывает нас, и я чувствую, будто на мне еще меньше одежды, чем на самом деле, — *зрелой* для девочки-скаута, но я поверю чему угодно, что скажет мне такая красивая девушка, как ты.

Тупейший. Подкат. В истории. Он улыбается как придурок.

— Что я могу предложить вам выпить, дамы?

Ди поворачивается ко мне и одними губами произносит: «Просто смирись с этим», я так и делаю. И, вуаля, бесплатные шоты! Придурок, которого, судя по всему, зовут Винни, платит за первую порцию, и какой-то парень по имени... ладно, я понятия не имею как, чёрт возьми, его зовут, покупает вторую порцию, после чего Ди тащит меня на переполненный танцпол. В преддверии шоу клуб гудит от хаус-музыки, и это подпитывает её возбужденное настроение.

Я смеюсь от того, что подруга подпрыгивает передо мной, держась за мои плечи. Ди как всегда выглядит просто потрясающе, одетая в гофрированную синюю мини-юбку и белый топ с исключительно глубоким вырезом. Он с открытой спиной, выставляет напоказ золотистый загар, над которым она работала всё лето. Длинные шоколадно-каштановые локоны подпрыгивают из стороны в сторону в такт её движениям. В конечном итоге я сдаюсь — низко приседаю и поднимаюсь с оттопыренной вверх задницей как долбаная стриптизерша. Ди смеётся надо мной и вращает руками в воздухе. Мы тот час же перестаем чувствовать алкоголь, пульсирующий в венах, и вибрацию музыки под ногами.

К третьей песне мои густые светлые локоны прилипли к задней части шеи. Я смахиваю их в том момент, когда Ди наклоняется и крутит задницей, прижавшись к моим бёдрам. Мы обе так сильно смеёмся, что я удивлена, как до сих пор ещё не упали. Мои бока сводит судорогой, будто я уже давно не в форме.

Моя улыбка исчезает, когда чувствую прижимающуюся ко мне сзади грубую ткань чьих-то джинсов. Пытаясь отстраниться, плотнее прижимаюсь к Ди, но человек позади следует за мной, а затем грубые руки хватают меня за талию. Танцпол так переполнен, что я даже не смогу развернуться, так как буду прижата толпой к какому-нибудь пресмыкающемуся, поэтому прижимаюсь губами к волосам Ди и говорю ей, что направляюсь в бар. Когда я

начинаю расталкивать толпу, её пальцы сжимаются вокруг моих, и она следует за мной. Мы удаляемся с танцпола вместе.

— В чём дело? — кричит Ди, как только мы выбираемся из разгоряченной толпы.

— Какой-то мудака слишком открыто добивался своего.

— Чёрт. Он был горяч?

— Я не смотрела на него.

— Что ж, в следующий раз, если он милый — отправь его ко мне.

Она подмигивает, а я смеюсь, положив руки на барную стойку, всё ещё пытаюсь отдышаться. Ди прислоняется спиной к стойке, опираясь локтями о столешницу, и выпячивает грудь в самой нечаянно-соблазнительной позе, которую только может изобразить. Это действует безотказно, так как спустя несколько секунд два парня стоят перед ней.

— Вы, девчонки, выглядели потрясающе на танцполе.

Я не заинтересована и всё ещё отворачиваюсь от них. Когда они просят нас потанцевать, Ди тянется и хватается меня за руку.

Оборачиваюсь и виновато улыбаюсь парням:

— У меня есть парень.

— Ну и что? — говорит Ди. — Пожааалуйста, Ро? Только один танец!

— Ты иди, — настаиваю я, подталкивая её в сторону танцпола.

— Точно?

— Да, иди. Я потусуюсь здесь какое-то время. Мне нужен перерыв.

Её брови идеальной формы сдвинулись вместе:

— Если хочешь, я не пойду ...

Я знаю, что она останется, но, так или иначе, прогоняю её из бара:

— ИДИ!

Она смеётся, а карие глаза заразительно излучают восхищение.

— Хорошо! Я скоро вернусь!

Оба парня следуют за ней, как щенки, и я улыбаюсь про себя, зная, что они влипли.

Потеряв Ди из виду, достаю из клатча мобильник и вздыхаю, когда вижу, что от Брейди нет пропущенных вызовов. Уже практически десять часов вечера, и я очень хочу, чтобы он позвонил и пожелал мне спокойной ночи. Но Брейди, видимо, знал, что здесь будет шумно и, вероятно, валился с ног из-за продолжающейся весь день работы. Он снова уехал из города на выходные, на очередную выездную работу для рекламного агентства, которым владеет его дядя, поэтому я привыкла сидеть у телефона и ждать его звонка. Брейди пришёл в компанию сразу после выпускного — на тот момент я всё ещё была десятиклассницей — и выездные встречи с клиентами всегда играли важную роль в его работе. Тем не менее, в последнее время поездки стали более частыми. Они всегда кажутся более продолжительными, чем есть на самом деле.

Я набираю смс.

Скучаю по тебе. Отрываюсь по полной, но жалею, что тебя здесь нет! Надеюсь, у тебя был не слишком трудный день. С нетерпением жду нашей завтрашней встречи! Люблю тебя.

Прячу телефон в сумку и оборачиваюсь; смеюсь, когда обнаруживаю Ди в толпе — она зажата между двумя клубными гориллами, затмевая их своей красотой. Моя подруга потрясающе выглядит и знает об этом. В старшей школе она не была в группе поддержки, но

перевстречалась с большей частью футбольной команды. Большинство девушек ненавидело её, но ни её, ни меня это не волновало. У Ди была заслуженная дурная репутация, но она никогда не пыталась быть той, кем не являлась. Она *настоящая*, и за это я люблю её.

Когда возле бара освобождается стул, я немедленно запрыгиваю на него. Мой последний коктейль канул в лету, так что я достаю свой тонкий, как бумага, кошелёк и машу им бармену.

Заказываю ещё одну водку с клюквой и пытаюсь вытащить деньги, чтобы расплатиться, но прежде чем мне это удастся, толстая рука накрывает мою.

— Такая красотка, как ты, никогда не должна оплачивать свою выпивку.

Другой рукой парень подсовывает бармену свою кредитку, и я вздыхаю, глядя в карие, глубоко посаженные глаза «тупого качка».

— У меня есть парень, — говорю, стараясь не показаться грубой, но чувствую себя довольно-таки раздраженной. Учитывая, сколько раз за сегодняшний вечер я повторила эту фразу, было бы проще вытатуировать её у себя на лбу.

— Он здесь?

— Нет...

— Значит, он идиот. Потанцуй со мной.

Парень одной рукой хватается мой напиток, а другой, приобняв меня, пытается стащить со стула.

— Спасибо, нет.

— Да ладно тебе, — настаивает он, не прекращая тянуть меня за руку. — Не заставляй меня умолять.

— Извини.

Я вырываюсь из его хватки и сажусь обратно на своё место.

— Какого черта ты приходишь сюда в таком наряде, если ты динамщица? — огрызается он, но я полностью игнорирую его, снова подзывая бармена.

Когда «тупой качок» называет меня шлюхой и уходит, — с моей выпивкой — я, закатив глаза, заказываю ещё один напиток и оплачиваю его, прежде чем у любого другого придурка появится шанс сделать это вместо меня. Если я шлюха, значит, и Мать Тереза была шлюхой, потому что я с таким же успехом могу быть ею. Отец Брейди — священник, поэтому Брейди принял решение за нас обоих, что мы будем ждать до женитьбы — когда бы *это* не произошло. Он согласился жить вместе при условии, что у нас будут отдельные спальни, но становится всё труднее и труднее придерживаться второй базы. Я знаю, что мне всего-навсего восемнадцать, но мы уже три года встречаемся, а сейчас живём вместе и... блин, какого чёрта он ждёт?

Разглядываю людей и постепенно забываюсь, потягивая коктейль и ожидая, когда Ди утомится от танцев. Рядом со мной у бара стоит группа молодёжи. Все они, похоже, студенты. Вроде милые. Это обнадеживает меня на то, что в понедельник у меня появится, как минимум, парочка новых друзей. Рядом с ними находится девушка, одетая гораздо вульгарнее меня, в окружении троих парней, которые неприлично пристают к ней. Интересно, дружат ли эти ребята друг с другом — мне любопытно, кто из них выиграет это небольшое соревнование, которое они тут затеяли. Тот, который блондин со стрижкой «канадка» — чертовски милый; ставлю на него.

Он поднимает глаза, поймав меня с поличным за разглядыванием, и улыбается. Я отворачиваюсь, прежде чем он сделает неправильный вывод и решит подойти ко мне.

Рядом с ним, спиной ко мне, стоит парень и разговаривает с девушкой с ярким фиолетовым макияжем. Она великолепно выглядит — её пышные каштановые волосы выстрижены в стиле «длинное каре». Девушка смеётся над чем-то, что говорит парень, он кладёт руку на её предплечье, нежно лаская большим пальцем и посылая ей нужные сигналы. Она слегка наклоняется к нему, хлопает ресницами и проводит пальцами по своим волосам. Я всё ещё пялюсь на них, когда парень поворачивается к бару, чтобы заказать еще один напиток.

В этот момент моё сердце разбивается на миллион осколков.

Брейди.

Я моргаю, на секунду подумав, что не могу доверять своим глазам. Протираю их и усерднее вглядываюсь в парня, однако это определенно он. Что, черт побери, Брейди здесь делает?

Может быть, он пришёл сюда, чтобы встретиться со мной. Я поспешно проверяю телефон.

Ни пропущенных смс. Ни пропущенных звонков. Я перевожу взгляд с Брейди на телефон и обратно, припоминая, что Ди по ошибке сказала мне, что мы едем в другой клуб на противоположной стороне города, и я сообщила это Брейди. Он не ожидал встретить меня здесь. Не сводя глаз с телефона, набираю еще одно смс.

Ты всё еще работаешь?

Я наблюдаю, как он достает телефон из кармана рубашки, проверяет и прячет обратно. Девушка говорит ему что-то, а он наклоняется и шепчет ей на ушко, а затем целует в щеку.

Может, они просто друзья. Пожалуйста, пусть будет так.

Я вижу, как они смеются, разговаривают, а потом Брейди наклоняется и целует её. И это не дружеский поцелуй. Он даже не останавливается, чтобы отдышаться, и я не помню, когда он в последний раз целовал меня так. Я фактически сваливаюсь со стула и, не оглядываясь, судорожно пытаюсь найти выход, прежде чем прилюдно превращусь в рыдающую бесформенную массу. Я с трудом могу видеть сквозь пелену слёз, когда расталкиваю руками людей, глазающих на меня или бросающих в мой адрес проклятья. Наконец я врезаюсь в большую металлическую дверь и вылетаю наружу, когда из моего горла вырывается всхлип.

Хватаюсь руками за холодные лестничные перила и изо всех сил пытаюсь дышать. Всасываю воздух, отчаянно пытаюсь восстановить некое подобие спокойствия. Как он мог?! Как он мог?!

Три года. Три грёбаных года. Он попросил меня переехать к нему! Ради всего святого, мы живём вместе! Я никогда не делала *ничего* такого, чтобы заслужить это. Да я даже не танцевала с теми парнями в клубе! Действительно привлекательными парнями!

У меня подкашиваются ноги, так что я присаживаюсь на верхнюю ступеньку и обнимаю руками колени. Стало прохладно, но это меньшая из моих проблем. Что же мне делать? Я не могу спать с ним под одной крышей следующей ночью. Не могу. Просто не могу.

Темно, хоть глаз выколи, свет исходит лишь от одной лампочки над дверью и нескольких фонарей по периметру парковки. Надо мной в лучах света роятся насекомые, и в любой другой ситуации у меня случился бы приступ паранойи от того, что они так близко ко мне. Всё из-за аллергии на укусы практически всех известных человечеству насекомых. Но в данный момент мне плевать. Они могут съесть меня заживо; надеюсь, эти твари доведут дело до конца.

Поднимаю руку, чтобы вытереть слёзы со щек, впервые осознавая, что всё это время плакала. Господи, что же мне делать? Должна ли я вернуться? Рассказать Ди? Она убьёт Брейди.

Я зарываюсь лицом в колени и затем позволяю себе по-настоящему расплакаться.

Рыдания сотрясают моё тело. Я любила его. Любила каждой своей частичкой. Я отдала бы ему всю свою жизнь. Всё своё будущее...

Когда позади меня открывается дверь, я выпрямлюсь и, поспешно шмыгая носом, трясущимися пальцами вытираю мокрые от слёз щеки. Слышу щелчок зажигалки, а затем кто-то, курящий сигарету, присаживается рядом на лестнице. Я практически задыхаюсь, когда смотрю на него.

Он пристально оглядывает меня, начиная с ярко-розовых каблучков, постепенно поднимая взгляд, а затем усмехается:

— Они уже впускают людей?

Адам. Он снял очки и шапку, и теперь его темно-каштановые волосы, обрамляя великолепное лицо, свисают практически до подбородка. Я быстро отворачиваюсь от него, надеясь, что он не заметит, что я плакала.

— Извини, — говорю и слышу свой охрипший печальный голос, но не могу сдерживаться.

Я напрягаюсь, когда он протягивает руку к моему лицу и убирает спутанные волосы с глаз.

— Всё в порядке? — спрашивает он, и я посмеиваюсь.

Нет, всё плохо.

— Всё хорошо.

— Тогда почему ты плакала?

— Да так, не важно.

— Ты так расфуфырилась, чтобы сидеть снаружи клуба, рыдая в одиночестве?

Я поднимаю взгляд, чтобы посмотреть в его глаза, и что-то в них убеждает меня, что ему действительно не всё равно. Или, возможно, это как раз то, что я хочу увидеть. Тем не менее, мне внезапно захотелось рассказать кому-то.

— Мой парень там.

— И?

— С другой девушкой. Я только что поймала его на измене.

Адам делает глубокую затяжку и, кивая головой, выдыхает дым.

— Хочешь, я надеру ему задницу?

Я смеюсь, и он улыбается мне.

— Серьезно?

— Если ты захочешь.

— Почему?

Он пожимает плечами:

— Потому что я предложил.

— С какой стати ты предложил?

— А черт его знает? — он смотрит на меня, пока я жду ответ, — вот просто взял и предложил.

Меня устраивает такое объяснение, так что я снова опускаю взгляд на колени, судорожно вздыхая. Не могу поверить, что я только что смеялась. Адам Эверест рассмешил

меня в такой момент.

— Так или иначе, твой парень — придурок, — ни с того ни с сего произносит он.

— Откуда ты знаешь?

Адам разглядывает меня своими серо-зелеными глазами.

— Посмотри на себя.

Я моментально заливаюсь румянцем от смущения, но знаю, что он лишь пытается поднять мне настроение.

— Ты подумал, что я идиотка, когда впервые увидел меня.

Адам усмехается и качает головой.

— Я подумал, что ты сладкая, как персик.

Он встает, держа сигарету губами, и протягивает мне руку. Моё сердце останавливается: Адам Эверест подаёт мне руку. Одетый в выцветшие джинсы с дырками на коленях и оливково-зеленую рубашку с закатанным по локоть рукавами, он заставляет моё сердце мчаться к несуществующей финишной черте.

— Ну же, Персик.

Я соглашаюсь, он помогает мне встать на ноги и уводит прочь от здания.

— Куда мы идём?

— За выпивкой. Думаю, тебе нужна порция спиртного.

— Я уже выпила несколько бокалов, — подумав, произношу я вслух и останавливаюсь.

Адам смотрит на меня через плечо и спрашивает, удивленно подняв бровь:

— Хочешь сказать, откажешься от еще одного?

Я мгновение обдумываю вопрос парня.

Лишь мгновение, а затем следую за ним.

Глава 2

Во время прогулки с Адамом набираю смс Ди, чтобы она не волновалась, когда не найдет меня в баре.

Вышла подышать свежим воздухом... с горячим парнем. Скоро вернусь.

Скажи я, что вышла просто подышать свежим воздухом, эта дамочка в мгновение ока последовала бы за мной на улицу. Но, если она узнает, что я проявляю интерес к какому-либо парню, который не является Брейди — знаю, Ди оставит меня в покое.

Думаю, на данный момент единственный человек, который ненавидит его больше, чем она — это я.

В любом случае это не ложь. Адам сексуален, как грех, но ничто в аду не заставит меня рассказать Ди о том, с кем я вышла. Съезживаюсь, представляя пронзительный визг, который сорвался бы с её губ. Моя подруга была здесь еще до того, как я закончила набирать смс, проверяя в действии какую-нибудь вуду телепатию и толкая меня в объятия Адама.

Адам растирает ботинком сигарету, а затем открывает дверь. Кажется, это его гастрольный автобус. Он черный и двухэтажный снаружи, а внутри витает запах кожи и мужского одеколona. Позади водительского сидения расположен ряд кожаных сидений диванного типа, и на одном из них со скрещенными на груди руками и наполовину уткнувшись в серую кожу лицом спит парень, одного с Адамом роста. Одна одетая-в-рваные-джинсы нога свисает с края дивана.

Адам оглядывается на меня и прижимает палец к губам, затем подкрадывается и приседает рядом с сидением. Он наклоняется ближе, — со стороны выглядит так, будто Адам собирается поцеловать парня в щеку — но затем облизывает ее, от чего тот с криком

просыпается.

— ТВОЮ МАТЬ, Адам!

Адам громко смеется, пока парень вытирает щеку рукавом.

— Блять, чувак! Фу! Как мерзко.

— Шоу начнется через двадцать минут, — говорит Адам, направляясь на мини-кухню и доставая из шкафчика бутылку ликера.

Парень садится и небрежно взлохмачивает свои коротко стриженные черные волосы.

— Вот блин.

Наконец-то он замечает меня, и затем его взгляд скользит по моему лицу, моей на-десять-размеров-меньше юбке и каблукам стриптизерши. Он вздыхает.

— Двадцать минут, Адам, — затем проскальзывает позади меня и выходит за дверь.

— Кто это был? — спрашиваю я.

— Шон. Наш соло-гитарист, — Адам протягивает мне стакан виски и присаживается, развалившись в том кресле, где только что спал Шон. — Что ж, видимо, у тебя есть два варианта.

Я сажусь рядом с ним, и это кажется таким странным, потому что Адам явно не из моей лиги.

— Правда? Только два?

Он с улыбкой смотрит на меня и делает глоток.

— Первый — мы можем остаться здесь и напоить тебя так, что ты и не вспомнишь как-его-там-зовут имя.

Я хихикаю.

— А второй?

— Ты можешь отомстить.

Ладно, теперь мне любопытно.

— Как?

Адам опускает свой стакан и затем смотрит на меня так, словно *заглядывает в душу*. Его глаза встречаются с моими, и я с трудом сглатываю. Внезапно остро осознаю, насколько близко к нему нахожусь. Чувствую его каждой клеточкой. Взгляд парня падает на мои губы, и, когда он начинает наклоняться, я паникую. Сомнений нет: Адам собирается меня поцеловать, поэтому прежде чем пожалею о своем решении, я отскакиваю от него.

Парень внимательно на меня смотрит.

— Ты уверена?

Я прикидываюсь дурочкой, потому что неожиданно чувствую десять оттенков смущения. Ди никогда не узнает об этом, в противном случае она отчитает меня по полной программе.

— Уверена в чем? — проглатываю остатки своего напитка, пытаюсь успокоить бушующие нервы.

Адам еще мгновение сидит, наклонившись вперед, прежде чем отнести наши стаканы обратно в бар, и я облегченно вздыхаю.

— В том, чтобы напиться в стельку, Персик, — говорит он, наливая мне очередной стакан.

— Где остальная часть твоей группы? — спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

— Разогревается.

— Разве *ты* не должен разогреваться?

Он оборачивается и наливает янтарную жидкость в свой стакан, а на его губах блуждает улыбка.

— Именно этим я и занимаюсь.

Мое внимание привлекает стук в дверь, но взгляд всё еще сосредоточен на Адаме, когда он идет в переднюю часть автобуса, чтобы открыть.

— Привет, Адам, — это женский голос и он неприлично обольстительный.

— Что тебе нужно, Фарра? — Адам звучит незаинтересованно, возможно, немного раздраженно.

— Можно войти?

Парень отходит в сторону ровно на столько, чтобы Фарра могла заметить меня. И я вижу ее — абсолютно рыжеволосая секс-бомба и ноги, ноги, ноги. Бесконечные ноги. Адам машет рукой в мою сторону.

— Я занят.

Она улыбается мне и сладко спрашивает:

— Разве не найдется местечка для еще одной?

— Нет, — отвечает он и затем закрывает дверь прямо у нее перед носом.

Моя челюсть падает на пол, когда Адам поднимается по ступенькам автобуса и садится на диван напротив меня, упираясь локтями в колени.

— Прости за это, — говорит он.

Нахмурившись, я прошу прощения за то, что испортила его вечер.

— Если бы ты портила мой вечер, — отвечает он, — я бы без задней мысли выбросил тебя из этого автобуса.

Парень улыбается мне, а я не уверена, как себя чувствовать после сказанных им слов. Он на самом деле выгнал бы меня?

— Теперь расскажи мне об этом твоём неверном парне.

— Мы можем не говорить о нём? Я даже думать о нём не хочу.

— Помоги мне. Чем ты хочешь заняться?

Я залпом выпиваю второй стакан виски — мой пятый стакан за вечер. И это начинает быстро сказываться на мне.

— Может, проведешь экскурсию?

Встаю и сразу чувствую шаткость в ногах. Адам бросается ко мне и прижимает руку к моим ребрам, поддерживая.

И я хихикаю. Глупо, как сумасшедшая, смеюсь над собой от того, что почти падаю перед Адамом долбаным Эверестом в его долбаном гастрольном автобусе, а он улыбается мне, будто я самое восхитительное создание, которое он когда-либо видел.

— Держись.

Я наклоняюсь и расстегиваю обувь, снимаю ее и оставляю в положенном месте.

— Всё, пошли.

Внезапно я становлюсь значительно ниже Адама, едва доставая ему до груди. Он делает шаг вглубь автобуса, чтобы начать экскурсию, но я протягиваю руку и хватаю его за плечо.

— Подожди.

Адам оглядывается.

— Мне нужна еще выпивка.

Он смеется и без вопросов наливает еще, вручает мне стакан и затем проходит впереди меня в автобус.

— Это, — говорит он, указывая на сидения диванного типа, — то место, где Шон любит отключаться перед шоу и где облизывают его не-очень-вкусное лицо.

Я пытаюсь не хихикнуть снова, но ничего не могу с собой поделать. Он ведет меня вглубь, указывая на телевизор с плоским экраном в углу, стоящий над развлекательным центром, наполненным до краёв игровыми приставками.

— Здесь живет и умирает мозг Майка.

Я ухмыляюсь, а Адам проводит меня в маленькую кухню, изобилующую бытовой техникой из нержавеющей стали и стеклянным мини-холодильником, заполненным пивом и энергетическими напитками. Он протягивает руку, вытаскивает Red Bull и вручает его мне.

— Насколько ты пьяна?

— Недостаточно.

Он понимающе улыбается.

— Считай в обратном порядке от десяти.

Без проблем справляюсь с заданием, а затем Адам делает шаг ко мне, из-за чего я прижимаюсь спиной к столешнице.

— В таком случае, это — то место, куда я привожу девушек, чтобы предпринять вторую попытку соблазнить их.

Я прижимаю руки к груди Адама и смотрю на него снизу вверх, стараясь не упасть в обморок от его взгляда и того, как он уламывает меня. Блин, этот парень *так хорошо* пахнет. На моем лице вспыхивает улыбка.

— Это так часто происходит, что у тебя есть специально отведенное место?

Его руки задерживаются на моей талии.

— Если честно, наверное, ты первая. Но, думаю, оно должно быть названо в честь тебя. Ты этого достойна.

— Ооо, — произношу я, высмеивая его слова. — Это было оочень приятно, Адам Эверест.

Он смеется, открывает мой Red Bull, делает глоток и протягивает его мне.

— Так и не передумала, а? Может быть весело...

— Ооо, даже не сомневаюсь, — я вожу пальцами по его рубашке и внезапно начинаю сомневаться в том, что хочу отшить его. Адам мог бы заставить меня забыть. Смотрю на парня снизу вверх, понимая, что такие, как он, бросают девчонок с разбитыми сердцами. Эверест не из тех, с кем девушка заводит роман и спокойно расстается, будто ничего и не было. Он тот тип, который уничтожает всё после себя. — Но нет, — удается произнести мне. И я знаю, что это правильный выбор, даже несмотря на то, что мне хочется ударить себя.

— Черт, — говорит он, отступая. — Разбиваешь мне сердце, Персик.

Подмигивает и выходит из кухни, а я следую за ним, чувствуя слабость в коленях, но не от алкоголя.

Мы идем обратно в переднюю часть автобуса, где по лестнице поднимаемся на второй этаж. На переднем плане еще одна зона отдыха с кожаными креслами, а за ней шкафы и 12 кроватей, по шесть с каждой стороны. Все, за исключением трёх, опрятные и аккуратные.

— Здесь спят ребята, — говорит Адам, указывая на кровати, после чего ведет меня вглубь автобуса и открывает дверь в конце коридора. Почти всё пространство комнаты занимает массивная кровать с черными атласными простынями.

— А здесь происходит волшебство? — запрыгиваю на кровать и подгибаю колени под себя, подпрыгивая вверх и вниз от ударной волны.

— Опасно, Персик, — говорит Адам, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки на груди. — Именно здесь я хочу увидеть тебя больше всего.

Я смеюсь, пока он не делает шаг вперед, прижимаясь коленями к краю кровати. Резко поднимаю взгляд на него и допиваю остатки Red Bull.

— Сколько времени осталось до шоу?

Адам достает телефон из заднего кармана и проверяет время.

— Не успеем.

Смеюсь и закатываю глаза.

— Я не хочу спать с тобой, Адам.

— Неправда, — уверенно отвечает он. — Но по какой-то отстойной причине сегодня мы останемся без сладкого. В любом случае *нежелание* — это абсолютно другое.

Не в силах спорить, повторяю:

— Сколько осталось?

— Семь минут.

Я передвигаюсь дальше по кровати, а он, изучая меня, садится на край.

— Почему ты так добр ко мне?

Непринужденно пожав плечами, он отвечает:

— Я говорил тебе — я делаю то, что мне нравится. Не пытайся понять. Я не заморачиваюсь.

— Почему ты не выбрал рыжую? Избавился бы от меня, всего-то делов. Уверена, она бы заставила тебя подняться сюда еще минут десять назад.

Он сдавленно смеется и отвечает:

— Вместо этого я хотел попытаться удачи с тобой.

Я хмурюсь и осознаю, что снова извиняюсь перед ним, но он лишь улыбается мне. Это улыбка, от которой слабеют колени и тает сердце, поэтому, когда Адам протягивает мне руку, я, не раздумывая, принимаю её.

— Перестань, — говорит он, а затем поднимает меня на ноги и направляется к двери.

На выходе я произношу:

— Адам?

Он поворачивается.

— Я не собираюсь спать с тобой, даже заигрывать не буду, но... как думаешь, у тебя хватит силенок, чтобы я забыла как-его-там-зовут на следующие семь минут?

Адам изучает меня, а затем вновь выуживает свой телефон.

— Шесть минут, — поправляет он, прежде чем положить его обратно в карман. — Ты всё еще можешь считать в обратном порядке от десяти?

— Да.

— Значит, начинай считать.

Когда я досчитываю до пяти, он делает шаг ближе. Четыре — его левая рука кружит вокруг моей талии и прижимается к пояснице. Три — правой рукой он тянется к моему подбородку и приподнимает его. Два — наклоняется ниже, и его губы в сантиметре от моих. У меня перехватывает дыхание, и ни с того ни с сего я не могу говорить. Адам прижимается ко мне, и я чувствую его *всего*.

Рот парня растягивается в улыбке.

— Чего же ты ждешь, Персик?

— Один.

Глава 3

Адам не прерывает поцелуй, когда звонит его телефон. Он прижимается ко мне всем телом, вдавливая в черное атласное покрывало. Его нога зажата между моими ногами, джинсами он трется о мои обнаженные бедра, и такое ощущение, словно я могу почувствовать каждую ниточку. Одной рукой парень сжимает мое бедро, а другой — затылок, пока его губы изучают мои. Поцелуй Адама мучительно искусный. «Забудь о том как-его-там-зовут» — я даже не могу вспомнить своё *собственное* имя.

Телефон снова звонит, и Адам стонет.

Я отклоняю голову, и он припадает губами к моей шее. Сдерживаю дыхание, пока парень поцелуями опускается ниже, и произношу:

— Не хочешь ответить?

Его губы опускаются ниже, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль ключицы. Я закрываю глаза и запускаю пальцы в его мягкие каштановые волосы.

— Адам, — говорю я, но он словно отказывается слышать меня.

— Не обращай внимания, Персик.

Его телефон звонит в третий раз, и я тяну Адама за волосы, чтобы заставить взглянуть на меня. Пытаюсь сказать, что ему нужно проверить телефон, потому что, думаю, он может опоздать, но прежде чем я успеваю это сделать, Адам целует меня, вытворяя своим языком ту штуку, которая заставляет меня забыть всё, что я собиралась сказать.

Его телефон звонит снова, и я, ёрзая, опускаюсь ниже и лезу в задний карман его джинс. Проверяю время на телефоне и вижу, что он опоздал на пять минут, плюс, пришло четыре смс от Шона.

— Ты опоздал, — говорю я между поцелуями.

— Я всегда опаздываю.

Внезапно дверь в комнату распахивается, и там, закатив глаза, стоит Шон.

— Какого хрена, Адам? Прошло двадцать пять чертовых минут. А ты просто *сосался*?

Не могу удержаться от смеха, я слишком пьяная сейчас, чтобы смущаться. Адам улыбается, глядя на меня сверху вниз.

— Она очень хорошо целуется.

Шон подходит и, схватив Адама сзади за джинсы, оттаскивает его от меня.

— Давай, чувак. Увидишься с ней потом.

Глядя на меня, он добавляет:

— Извини.

Я разглаживаю свой топ и сажусь, чувствуя себя ужасно возбужденной. Я только что зажималась с Адамом Эверестом, который, несомненно, целовался лучше всех в моей жизни.

— Шон, это Персик, — говорит Адам, как только я встаю. Шон, скрепя сердце, наклоняется, чтобы пожать мне руку.

— Привет, Шон.

— Привет, Персик.

Адам дергает застёжку своих джинс, приводя себя в порядок, и неистовый румянец заликает мои щеки.

— Видите, — говорит он, — теперь мы все друзья. Прекрати загоняться, Шон.

Шон вздыхает.

— Персик, можешь потусить за кулисами во время шоу, если хочешь.

Он бросает взгляд на Адама.

— Но у нас *действительно* по плану выступление, которое пора бы начать. Еще пять минут назад.

— Не могу, — отвечаю я, когда мы идем назад по коридору. — Я здесь с подругой.

— Так возьми её с собой, — говорит Адам позади меня.

Я не отвечаю, потому что это *очень* плохая идея. У Ди было много парней, но ни один из них не был таким, как Адам или Шон. Плохое сочетание. Плохое.

Я молча спускаюсь по лестнице. Адам и Шон терпеливо ждут меня, пока я обуваюсь, а затем мы быстро возвращаемся в Mayhem, входя через черный вход. Прежде чем я уйду, чтобы найти Ди, Адам обнимает меня за талию и тащит в угол.

— Возвращайся к автобусу после шоу, — говорит он.

Я прижимаю руки к его ушам, притягивая лицо к губам, и целую Адама, потому что знаю, что это будет последний раз, когда смогу это сделать. Я полностью отдаюсь поцелую, смакуя каждую секунду того, как его мягкие губы сливаются с моими. Когда я отпускаю Адама, он выглядит так, словно серьезно подумывает устроить запрещенное шоу прямо здесь, на полу за кулисами, и я ухмыляюсь в ответ.

Затем ухожу.

Когда выуживаю свой телефон из сумочки, вижу три смс от Ди.

Да лаадно, ты шутишь?

Ты не шутишь!

Боже мой, ты что там делаешь? Хватаешь за хвостики его сперматозоидов?

Я хихикаю и пишу ответ, спрашивая, где она находится, на что Ди отвечает, что мы встретимся в баре. Пока я иду, нервничаю, что увижу Брейди. Бросаю взгляды на каждого парня со светлыми уложенными волосами, которого вижу. Я бы хотела снять свои каблуки, потому что всё еще чертовски пьяна и хватаюсь за плечи людей, чтобы удержаться на ногах, пока пробираюсь сквозь толпу.

Внезапно Ди выскакивает со стороны бара и с огромной ухмылкой на лице шлепает меня по плечам.

— Ты ПЬЯНА!

Я понимаю, что мой правый глаз предательски косит, а от ее шлепка меня качает в сторону.

— Слегка, — признаю, робко улыбаясь.

— Итак, как он выглядел?!

Визг микрофона прерывает наш разговор; мы обе поднимаем взгляд на сцену, когда все начинают сходить с ума, орать и рваться, чтобы приблизиться к тому месту, где в центре сцены стоит Адам. Он сжимает микрофон и вытягивает его из стойки, отбрасывая шнур, чтобы подойти ближе к краю сцены.

Я поворачиваюсь к Ди — мне необходимо рассказать ей о Брейди, прежде чем потеряю самообладание.

— Ди...

Голос Адама прерывает меня.

— Ох, как же здесь много красивых девушек сегодня.

Девочки кричат еще громче, делая бесполезными мои попытки поговорить с Ди. Она кричит вместе с ними, и я сдаюсь, отдавая всё своё внимание Адаму и ощущая, как моя кожа пылает при виде его. Когда Ди позвала меня на шоу, она сказала, что группа действительно популярна, и её популярность только увеличивается; судя по энтузиазму толпы, они должны

быть невероятными.

Адам проводит рукой по волосам, убирая их с глаз и отбрасывая в сторону.

— Две минуты назад Шон силой оторвал меня от самой горячей девчонки!

Шон смеется, и толпа вместе с ним. Адам бормочет:

— Огромное спасибо, Шон.

Шон наклоняется к своему микрофону и произносит:

— Пожалуйста, Адам, — он указывает на публику. — Могу я услышать «Спасибо, Шон»?

Адам протягивает микрофон зрителям, и все в унисон кричат:

— Спасибо, Шон!

Адам качает головой.

— Вы все — отстой, — усмехаясь, произносит он, и все смеются.

— Персик! — внезапно выкрикивает он. И хотя Адам и понятия не имеет, где я в толпе, моя кожа вспыхивает пламенным оттенком розового.

— Я хочу, чтобы ты знала, твой парень — чёртов идиот. Не могу дождаться, чтобы еще немного помочь тебе забыть его, как только мы выступим!

С этими словами группа начинает играть, а Адам сразу же вступает в первую песню. Внезапно я чувствую, что мне необходимо освежиться, и, когда смотрю на Ди, она выглядит так, словно ей, как и мне, не помешало бы немного воздуха. Она поворачивается ко мне и произносит:

— Он так. Чертовски. Сексуален!

Прежде чем я должна буду солгать ей, — потому что я *никогда* не лгала Ди в лицо — выпаливаю:

— Брейди здесь.

— Что?! — спрашивает она, оттягивая меня подальше от сцены, чтобы мы могли лучше слышать друг друга.

— Я сказала: «Брейди здесь!».

— Где?! — её взгляд мечется по толпе, но там слишком много людей — это бесполезно.

— Он с другой девушкой, Ди.

Она стрельнула в меня взглядом.

— Другая девушка? Ты уверена?

— Я видела, как он целовал её.

Мгновение она хмурится, а затем притягивает меня в такие крепкие объятия, что я едва могу дышать. Это именно такие объятия, в которых я нуждалась. Чувствую, что снова плачу, а слёзы каплют на обнаженное плечо Ди.

— Хочешь уйти? — спрашивает она.

Я киваю, затем она тянет меня к выходу. Бросаю последний взгляд на Адама. Он кричит в микрофон над океаном поднятых рук. В переднем ряду только девчонки — они протягивают руки, словно пытаются прикоснуться к нему. И даже при том, что я *касалась* его всего несколько минут назад, я знаю, как они себя чувствуют.

Ди была права. Я никогда не забуду этот вечер.

Мы сидим в её автомобиле около клуба, пока я плачу, утирая слезы дорожными салфетками. Ди поворачивается ко мне, опершись коленом о центральную консоль.

— Ты уверена, что это был он?

Я высмаркиваюсь, не вытирая слез, всё еще не желая смириться с сегодняшним открытием.

— Роу? — говорит она.

— Уверена, Ди. Я написала ему и видела, как он достал из кармана телефон, посмотрел моё смс и убрал телефон обратно.

Ди молчит, и это пугает меня. Я смотрю на неё — она точно закипает.

— Чёртов козёл, — рычит подруга, и я вижу, как в голове Ди крутятся колесики, пока она обдумывает все ужасные вещи, которые хочет сделать с ним.

— Долбаный ГОВНЮК. Не могу поверить!

Заводит машину, и я слегка трезвею от звука двигателя.

— Ты в состоянии вести машину? — спрашиваю я.

— Я в порядке.

Включает заднюю передачу, сдает назад, и я понимаю: разговор окончен. Никогда не спрашивайте Ди дважды, в состоянии ли она ехать. Она не дура, и если говорит, что в порядке — она в порядке.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, как только мы оказываемся на дороге.

— Мы забираем твои вещи.

Она окидывает меня взглядом, замечая замешательство на моём лице.

— Ты останешься со мной, детка. Абсолютно исключено, что ты будешь ждать его дома, когда этот придурок заявится завтра домой.

Я не думала о том, куда пойду, но она права. Я не могу оставаться. Не могу видеть его.

— Поверить не могу, что он сделал это прямо перед началом моего учебного года.

Ди бросает сочувственный взгляд в мою сторону, но не произносит ни слова. И просто потому, что мы всегда были лучшими подругами, я знаю, о чем она думает. Он не в первый раз так сделал — Брейди долгое время мне изменял. Все эти командировки — вранье.

Прижимаюсь лбом к окну, пока по щекам скатываются безмолвные слезы. Я снова плачу. Думаю о Брейди — о том, что я не знаю, что с ним делать. Я люблю его. Даже после всего того, что увидела сегодня, я люблю его. Но не собираюсь быть *той* девушкой. Я не собираюсь быть той девушкой, которая позволяет парням лгать ей, вытирать об неё ноги и изменять. Я думаю об Адаме и о том, как легко было с ним. Как волнующе. Как он заставил меня забыть. И как, пока я была с ним, всё дерьмо, связанное с Брейди, не имело никакого значения. Как я ушла от него, и теперь совсем одна.

Ди дотянулась и сжала мою руку, а я сцепила наши пальцы.

— Спасибо за то, что ты всегда рядом, Ди.

— Заткнись, — говорит она, и я издаю сдавленный смешок. Ди улыбается мне и еще раз сжимает руку.

К тому времени, как мы прошерстили мою с Брейди квартиру, машина Ди утрамбована до краев. Я переоделась в футболку и штаны для йоги, а затем запаковала оставшиеся предметы одежды — все до единого. Все украшения, косметику, личные вещи. Я взяла чертов панини пресс¹ и взяла бы еще и наш большой телевизор с плоским экраном, если бы у нас была комната. Я думала оставить записку, но решила не делать этого. Да и что написать? *Ты разбил моё сердце, а я лишь ревущая дура, которая безумно любит тебя, мудака?* Мы как можно быстрее выбираемся из квартиры, а затем отправляемся в кампус.

В третий раз поднимаясь по лестнице общежития на четвертый этаж в комнату Ди, я пыхчу:

— Ты уверена, что твоя соседка не против?

Ди роняет одну из моих туфель на лестнице и шепчет проклятья себе под нос.

— Ты шутишь? У девочки нет друзей. Она в восторге.

Мои руки заняты, но большим пальцем я успеваю поймать туфлю, которую выронила Ди.

— Тогда почему она не помогает нам тащить всё моё барахло наверх?

— Потому что она асоциальна, — резко отвечает Ди, и я лишь качаю головой.

Я должна прислониться к стене, потому что лестница начинает качаться. Когда мы приехали к нам с Брейди на квартиру, я всё еще была слишком пьяной, чтобы вести машину, так что мы оставили её там.

— Мы должны будем забрать мою машину в понедельник, — говорю я. — Брейди не сказал, во сколько он завтра возвращается домой, а я не хочу с ним столкнуться.

— Хотелось бы столкнуться с ним, — рычит Ди, и я не хочу спрашивать причину. Полагаю, он бы пришел на эту встречу с двумя здоровыми яичками, а ушел бы с одним травмированным.

Соседка Ди держит для нас дверь открытой, когда мы вносим мои вещи в комнату и обессилено падаем на кровать Ди.

— Мэйси, — говорит Ди, — мы завтра уберем весь этот беспорядок, хорошо?

Мэйси неуклюже кивает, стоя в центре комнаты и сжимая край футболки.

— Хорошо. Было приятно познакомиться с тобой, Роуэн.

— Спасибо, что позволила мне остаться здесь, Мэйси. Ты лучшая.

Её улыбка — мимический эквивалент прыжка от радости, и это заставляет меня улыбнуться в ответ. Она возвращается обратно к светящемуся монитору компьютера, а мы с Ди лежим на кровати, стараясь не вырубиться моментально.

— Тебе нужно снять свои стриптизерские босоножки, — говорю я ей.

Ди стонет и скидывает ногу над кроватью, шмякая её прямым на мой живот. Я мычу, а затем начинаю смеяться. Расстегиваю её босоножку, затем она закидывает другую ногу, и я снова снимаю с неё обувь. Она даже не переодевается, перед тем как мы обе забираемся под одеяло. Ди тянется, чтобы выключить прикроватный светильник, и вслед за ним мы отключаемся подобно свету.

Глава 4

Сегодня о прошлой ночи первым делом напоминает головная боль. Застонав, ворочаюсь в кровати, затем Ди делает то же самое. А после мы просто лежим, пытаюсь перекидывать друг друга, пока не начинаем хихикать как дурочки, и я не швыряю подушкой ей в лицо.

— Ты... сучка... — театрально стонет она.

— Который час? — стону я в ответ. Комната наполнена светом, что заставляет меня еще сильнее зажмурить глаза.

Ди шарит руками вокруг в поисках телефона, сбивает его с прикроватной тумбочки, а затем поднимает с пола.

— Полдень. Почему, черт возьми, мы уже проснулись?

— Потому что нам нужен аспирин, кофе и бекон.

После долгой паузы она наконец произносит.

— Ладно. Вставай и одевайся.

— Ты первая.

А затем мы обе снова засыпаем.

Спустя полчаса я просыпаюсь, и даже несмотря на то, что на самом деле я не хочу этого делать, на этот раз выползаю из кровати.

— А где тут душ? — спрашиваю я, тыкая пальцем в лоб Ди.

Она отбрасывает мою руку.

— По коридору и направо. Возьми с собой мой несессер². Он у двери.

Быстренько сполоснувшись, я ужасно голодная — еще бы — возвращаюсь в комнату Ди.

Она вырывает несессер у меня из рук и идет в душ, пока я пытаюсь найти расческу, фен и косметику в куче барахла, которую мы вчера оставили на полу. Копаюсь в чемоданах, набитых мусорных мешках и в другом багаже. Я нахожу всё, что искала, только к тому моменту, как подруга возвращается из душа. Из-за того, что мы собираемся вместе, доходит до того, что начинается состязание за зеркало на её туалетном столике, и эта перебранка на самом деле заставляет меня чувствовать себя немного лучше.

Ди умоляла меня заселиться с ней в комнату, когда мы решили поступить в колледж в Виржинии, но была милой и всё поняла, когда я объяснила ей, что в действительности хотела жить за пределами кампуса вместе с Брэди.

Ха! Черта с два.

Она месяц пыталась вызвать у меня чувство вины, неделю игнорировала, а затем попыталась настроить мои собственных родителей против меня. Ди никогда не любила Брэди, и я никогда не понимала почему. Но, возможно, её интуиция развита лучше моей. Предполагаю, что так и было, потому что я абсолютно растеряна.

— Эй, — она толкает меня плечом, когда замечает в зеркале, что я насупилась и вот-вот разрыдаюсь. — Не плачь. Он больше не стоит ни одной слезинки, Ро.

Делаю глубокий судорожный вздох.

— Ладно.

— Он что-то написал тебе с прошлой ночи?

— Да, — я проверила телефон, пока Ди была в душе, увидела один пропущенный звонок и одно смс от него. Брэди не оставил голосовое сообщение. Даю телефон Ди, чтобы она прочитала сообщение.

Прости, детка, я не увидел твои смс. Было поздно. Пытался дозвониться тебе утром, но ты, наверное, отсыпнешься. Буду дома через пару часов, чтобы разбудить тебя поцелуем. Люблю тебя больше жизни.

Ди издает такие звуки, словно её сейчас стошнит, но я даже не могу выдавить из себя улыбку. Он кажется тем Брэди, которого я знала, Брэди, в которого я влюбилась.

Я когда-нибудь вообще его знала?

Ди вырывает расческу у меня из рук, чтобы не дать в сотый раз провести по моим волнистым белокурым локонам.

— Ладно, давай по-быстренькому собирайся и пойдём.

Мы уже на полпути к машине, когда я спрашиваю:

— Разве у вас нет кафетерия на территории кампуса?

— Есть...

— Тогда почему мы идем к твоей машине?

Ооо... бегающие глазки. Теперь ей точно меня не одурачить.

— Я тут подумала, может, мы заскочим к тебе на квартиру... — признается она. — Выбросим одежду Брэди на газон. Сломаем что-нибудь из его барахлишка. Прошлой ночью я была не в своем уме, когда мы просто собрали твои вещи и ушли.

Я качаю головой.

— Нет, Ди.

— Почему нет? Ро, он заслуживает гораздо худшего. И, возможно, от этого тебе станет лучше.

— Не станет. Когда он придет домой и не поймет, почему я ушла, от *этого* мне станет легче.

Ди одаривает меня скептическим взглядом, но, будто по команде, мой телефон начинает вибрировать.

— Видишь? Уже лучше.

— Не смей отвечать.

— И не собиралась, — сбрасываю вызов и запихиваю телефон обратно в боковой карман сумочки.

Мы как раз подходим к авто Ди, когда он снова начинает вибрировать. Я вытаскиваю телефон и полностью выключаю.

— Он оставил голосовое сообщение? — спрашивает Ди.

— Еще нет. Но оставит.

Она кивает, когда мы обе запрыгиваем в её сливово-пурпурный Civic.

— Я всё ещё уверена, что мы должны разбить что-то из его барахла.

Пожимаю плечами.

— Тогда он бы подумал, что мне не всё равно.

— Но тебе *не* всё равно...

Я нахожу в себе силы, чтобы улыбнуться Ди.

— Это будет наш маленький секрет.

Она награждает меня одобрительной улыбкой и заводит машину. Я, не теряя времени, пристегиваюсь ремнем безопасности и убеждаюсь, что он крепко натянут. Езда с Ди за рулем... непредсказуема. А с тошнотой от похмелья, которую я всё ещё чувствую, хорошего точно не жди.

К тому времени, как мы добрались до «АЙХОП»³, я испытываю сильную тошноту, практически до рвоты.

— Перестань быть ребенком, — говорит она, паркуясь. Выскакивает из машины и потягивается. Я хватаюсь руками за капот, пытаюсь успокоить спазмирующий желудок.

— Обычно дорога сюда занимает минут двадцать, — говорю я.

— Я доехала за десять!

— Да я уже заметила!

Она смеется и направляется к входу, а я следую за ней. Мы заказываем клубничные блинчики с кофе и бекон. Ди выуживает из сумочки резинку и стягивает свои длинные кудри цвета горького шоколада.

— Итак, ты повеселилась до *инцидента* прошлой ночью?

Я выливаю вредное для моего организма количество сиропа на блинчики, позволяя ему впиться, прежде чем добавить еще слой.

— Да, повеселилась, — я поднимаю взгляд на Ди. — Серьёзно. Спасибо, что заставила меня пойти. И честно, я рада, что узнала о Брэди. Чем раньше, тем лучше, понимаешь? Если бы он сделал мне предложение, как я хотела... — даже не хочу заканчивать фразу, но Ди знает. Я бы сказала «да» и подарила бы ему остаток своей жизни, никогда не оглядываясь назад.

— Так что с тем горячим парнем, с которым ты была? — она сосредоточенно смотрит на пакетик сахара, разрывая и высыпая его в кофе.

Слава богу, значит, она не видит панику, вспыхнувшую на моем лице. В воспоминаниях тут же всплывает Адам, заставляя меня чувствовать себя... нуждающейся. Это единственное слово, которое я могу придумать, чтобы описать свои чувства. Разве можно скучать по человеку, с которым ты только познакомился? И «скучать» даже не кажется правильным словом... *тосковать*? Разве можно тосковать по человеку, с которым ты только познакомился?

Я стараюсь говорить спокойно:

— Хм... а что с ним?

— Ты взяла его номер?

Я качаю головой. Мне нужно лгать так, как я не лгала никогда прежде, исключительной ищейке, которая может учуять мою брехню.

— Мы просто общались. А затем я увидела Брэди.

— Ты увидела Брэди, пока была с ним?

— Да... — я пытаюсь заставить мои глаза выглядеть достойными доверия, поскольку Ди с подозрением уставилась на меня, но затем она отпустила ситуацию.

— Что ж, это обидно.

Я пожимаю плечами.

— Что есть, то есть. Возможно, в следующий раз, — достаю телефон из сумочки и обратно включаю его. Шесть пропущенных звонков, четыре голосовых сообщения, три смс. — Готова? — спрашиваю я, и она кивает.

Мы в угловой кабинке, а в ресторане пусто, так как мы пришли между ланчем и обедом, так что я кладу телефон по центру стола и включаю голосовое сообщение Брэди по громкой связи. Его спокойный голос снова и снова разбивает мое сердце, но мне нужно услышать, что он скажет в свое оправдание.

«Роуэн, я только что вернулся домой и... всех твоих вещей нет. Детка, что происходит? Я трижды пытался дозвониться тебе, и ты не ответила. Ты должна перезвонить мне, как только получишь это сообщение. Я действительно обеспокоен... люблю тебя. Пожалуйста, позвони мне»

Я смотрю на Ди, и она закатывает глаза. Перехожу к следующему сообщению.

«Малыш, серьезно, я действительно начинаю волноваться. Твоя машина всё ещё здесь, но всех твоих вещей нет. *Всех*. Я понятия не имею, что происходит. *Пожалуйста*, позвони мне. Я беспокоюсь о тебе. Люблю тебя... я люблю тебя, так что просто... просто перезвони мне, хорошо?»

Теперь настала моя очередь закатить глаза. Я включаю третье сообщение.

«Слушай, если это какая-то шутка, то не смешно, Роуэн. Я в чем-то провинился? Пожалуйста, просто поговори со мной. Я понятия не имею, где ты. Я звонил Ди и даже твоей маме. Телефон Ди перенаправил меня на голосовую почту, а твоя мама ничего не знает. Тебе нужно позвонить мне. Я погибаю здесь, малыш. Не знаю, что делать. Пожалуйста, возвращайся домой. Или хотя бы перезвони мне... люблю тебя»

— Твою мать! — я сразу же хватаю телефон со стола и звоню маме.

— Роуэн?! — она напугана, и я чувствую себя такой глупой, что не предугадала, что это произойдет.

— Привет, мам.

— Ты в порядке?!

— Да, в порядке. Не о чем беспокоиться. Просто сейчас у нас с Брэди нелегкие времена,

так что я забрала вещи из квартиры и теперь остановилась у Ди.

— О, нет, Ро... — её голос звучит так расстроено. Из-за меня. И это определено то, что мне не нужно сейчас слышать, потому что я *не* хочу снова плакать. — Ты в порядке, милая?

— Да, думаю, да, — и даже если это не так, я буду в порядке. Я решительно настроена убедиться в этом.

— Хочешь поговорить об этом?

— Может быть позже, но не сейчас.

Ди достаточно громко кричит, чтобы мама услышала её.

— Я хорошо забочусь о ней, Трейси!

Мама вздыхает с облегчением.

— Ох, хорошо, Ди с тобой? Передавай ей привет.

— Мама передает тебе привет, Ди.

Ди улыбается, и я передаю маме от неё привет.

— Роуэн, милая, тебе что-нибудь нужно? Что я могу для тебя сделать?

— На самом деле, да... Можешь, пожалуйста, не говорить Брэди, что я звонила тебе? Если он снова попытается связаться с тобой, просто не отвечай. Скажи папе, чтобы поступал так же.

— Милая... не знаю, что между вами двумя происходит, но он *действительно* беспокоится о тебе. Ты уверена, что не хочешь...

Прерывая её, произношу:

— Поверь мне, мама. Если бы ты знала, что он сделал... — я вздыхаю. — Просто доверься мне. Его волнения — ничто. Он заслуживает намного большего.

Ди многозначительно кивает и показывает большой палец вверх, пережевывая огромный кусок блина.

— Хорошо, любимая. Всё, что пожелаешь. Я позабочусь, чтобы отец знал. И помни, если тебе что-нибудь понадобится... деньги и всё, что угодно, просто позвони, ладно?

— Хорошо. Люблю тебя, мам.

— И я тебя люблю, милая. И Ди тоже. Поговорим позже.

Я отключаюсь и разваливаюсь на сидении.

— Охренеть.

Ди усмехается.

— Надеюсь, Брэди заработает аневризму головного мозга или еще какую-нибудь болячку.

— Ди!

— Что?

— Мы же не желаем ему *смерти*!

Она самодовольно улыбается мне, явно довольная собой.

— Сурьезно?

Я игнорирую её и читаю смс. Всё то же, только полностью.

— Мне нужно сказать ему что-то или, боюсь, он позвонит в полицию и заявит о моей пропаже или что-то в этом роде.

Ди достает телефон из сумочки и насмехается над пропущенными звонками и смс, которые оставил Брэди. Она начинает печатать, и я нервно спрашиваю, что она делает.

— Отвечаю на его смс. Как он и попросил. Я же *няшка*.

Я, не теряя времени, ныряю к ней на сидение, заглядывая, чтобы увидеть, что она

пишет.

Ты знаешь, где накосячил. Мы знаем, что ты накосячил. Признайся и, возможно, она подумает о том, чтобы снова с тобой заговорить.

Ладно, не так уж и плохо. Я чувствую облегчение, но затем вижу, как она несколько раз нажимает НАЗАД и быстро добавляет:

Лол, последнее предложение было ложью. СОСИ ХУЙ, ПРИДУРОК.

Она нажимает кнопку «отправить», прежде чем я могу остановить её, и я бьюсь головой о стол.

— Не могу поверить, что ты это сделала.

— Ты будешь есть бекон?

Застонав, проскальзываю обратно на свое место и откусываю кусочек бекона. Если я в ближайшее время не съем его, Ди стащит его из моей тарелки, и мы обе это знаем.

— Он что-нибудь уже ответил? — я запихиваю следующий кусочек в рот.

Она проверяет телефон.

— Ничего.

Но, когда я проверяю свой, обнаруживаю новенькое сообщение.

Детка, возвращайся домой. Давай поговорим.

Я показываю его Ди, а затем снова вырубая телефон.

— Ну, по крайней мере мы знаем, что он не вызовет полицию.

— Что я тебе говорила? — ухмыляясь, произносит она, указывая на меня вилкой полной блинчиков. — *Я няшка.*

Глава 5

В понедельник мы с Ди встали пораньше, чтобы съездить в мою старую квартиру. Она поворачивает на парковку, и я тут же хватаюсь за руль, отчаянно крича, чтобы она повернула обратно.

Ди морщит нос, глядя на серебристый Chevrolet Cobalt Брейди.

— Какого черта его машина всё ещё здесь?

— Разворачивайся!

Я цепляюсь за её руки, когда машина резко разворачивается на 180 градусов, из-под наших колес вылетает гравий, и мы выскакиваем обратно на дорогу.

Я вжимаюсь в сидение, нервы практически на пределе, тогда как Ди смотрит на меня так, словно я окончательно сошла с ума.

— Он, наверное, взял отгул, — вздыхаю я. — Видимо, догадался, что я приеду за своей машиной.

Вчера Брейди оставил мне бесчисленное количество сообщений, и я прочитала их все. Ни в одном из них не упоминалось, что он — лживая свинья, так что я даже не потрудилась ответить. Знаю, он пытается выяснить, как много мне известно, что говорит о том, что он не готов во всем сознаться. А даже если и готов — может поцеловать меня в задницу.

Ди опускает стекло и облокачивается на него.

— Предлагаю как-то ночью, пока он будет спать, забрать её. А затем, в качестве прощального подарка, можем порезать шины его автомобиля и поцарапать ключом кузов.

— Замечательная идея, — соглашаюсь я, всё ещё удивляясь, как много тайн скрывал от меня Брейди в течение всех этих лет. Когда Ди удивленно щелкает пальцами перед моим носом, я спешу добавить: — Забрать машину ночью! Ди! Я говорила тебе, мы *ничего* не будем ему резать.

— Не могу ручаться за себя, — ворчит Ди.

— Как обычно.

Она хихикает в ответ, и я опускаю голову на подголовник.

— Волнуешься из-за первого занятия? — интересуюсь я, устав смотреть на многоэтажки, проплывающие мимо нас.

Она качает головой.

— Не-а, я в восторге! Держу пари, там будет полно сексуальных студентов.

Я удивлюсь, если в мире Ди вообще существуют несексуальные студенты.

— А ты? Нервничаешь?

— Очень.

— Ты должна была выбрать те же предметы, что и я.

Выражение моего лица говорит: «Серьёзно?».

— У тебя первый урок — *биология*, — с отвращением произношу я.

— У тебя — *французский*.

— Продвинутый французский, — поправляю я. — В любом случае, увидимся на Риторике и Истории Америки.

— Риторика в 12:30, верно?

Я смеюсь и подтверждаю её слова.

— А после неё история?

— Нет, история завтра. Боже, Ди, что ты будешь делать без меня?

— Потеряюсь где-то на территории кампуса. Пущу слезу. Какой-нибудь сексуальный студентик попытается утешить меня. Затем он согласится показать дорогу на мой следующий урок, но каким-то образом мы вновь окажемся в доме его братства и...

— Ты пропустишь наш поворот, — решительно перебиваю её.

— Дерьмо!

Машина под управлением Ди с визгом влетает в ворота колледжа, а я изо всех сил цепляюсь за дверную ручку и приборную панель. Когда она паркует машину, сижу и жду, пока последние восемнадцать лет перестанут проноситься перед моими глазами.

— Мы на месте! — слишком энергично щебечет Ди, словно это не она только что чуть не убила нас. — Но очень рано.

Я проверяю телефон, рыча, когда мне приходится проигнорировать еще три сообщения от Брейди.

— Не так уж и рано. Всего лишь на полчаса. Пора расходиться по кабинетам, чтобы занять хорошие места.

Ди неохотно соглашается и, могу сказать, немного волнуется, хотя она никогда и не признает этого. Я улыбаюсь, когда мы расходимся, зная, что подруга будет в порядке. Как всегда.

С рюкзаком на плече и картой в руке я добираюсь до Джексон Холла и пробираюсь сквозь скопление девушек, чтобы попасть в кабинет 107. Эта аудитория больше, чем я ожидала, и не представляю, как преподаватель планирует продуктивно обучать языку класс такой величины. Я автоматически выбираю место в самом дальнем, противоположном от двери углу, слишком поздно осознавая, что Ди не со мной, и мне не нужно сидеть так далеко. Учтывая, что, по моему мнению, было бы неловко в данный момент встать и сменить место, я остаюсь, раскладываю парту и достаю учебник и блокнот. Когда я вошла, здесь было всего несколько студентов, рассредоточенных по всей аудитории, но теперь

места постепенно заполняются.

Несмотря на то, что я первокурсница, это не первое моё занятие в колледже. Я настолько преуспела в углубленном изучении предметов в старшей школе, что мне позволили взять несколько курсов в нашем местном колледже. Одним из них был базовый французский язык, именно поэтому я уже на следующем уровне. Я по-прежнему не до конца определилась, чем буду заниматься в будущем, но подумывала о продолжении карьеры в качестве переводчика. Работа, которая была достаточно гибкой, что позволило бы мне следовать за Брейди повсюду, куда бы ему не понадобилось отправиться по работе. Теперь, полагаю, всё это неважно.

— Привет, — произносит один из моих одноклассников, плюхаясь на соседнее место.

Я осматриваю его, оценивая футболку Мистер Баббл, «варёные» джинсы и ярко-розовые Чак Тейлорс⁴.

— Привет.

Парень высокий, ростом с Адама, но чуть более мясистый.

Он протягивает мне руку.

— Лэти.

— Роуэн.

— Люблю шарфики в горошек, Роуэн.

Я краснею и вспоминаю Адама, перебирая пальцами миниатюрный шарф, обмотанный вокруг моей шеи. Когда этим утром я посмотрела в зеркало, то обнаружила, что неотчетливая, маленькая метка любви всё еще виднелась на моей шее. Мне едва удалось скрыть это от внимания Ди вчера, а сегодня засос едва заметен, но я знала, что она всё еще зациклена на этом, как ракета с тепловой головкой самонаведения. Шарф был обязательным аксессуаром, и я подобрала к нему черные леггинсы, свободный белый топ и ярко-красные балетки. Мои белокурые локоны были собраны в тугий конский хвост. Если бы я чуточку сильнее походила на француженку, мне бы пришлось перестать брить подмышки⁵.

— Спасибо.

— Слышал, этот парень неговорчивый, — произносит Лэти, подразумевая нашего профессора, который ещё не появился. — Он у тебя преподавал в прошлом году?

— Нет. Если честно, это моё первое занятие.

— Ты перевелась?

— Первокурсница, — неуверенно улыбаюсь я.

— Первокурсница?.. Уверена, что не ошиблась кабинетом?

Я смеюсь, когда он смотрит на меня так, словно сожалеет, что я потерялась в свой первый учебный день.

— Да, уверена. Базовый французский я изучила ещё в старшей школе.

— Ого, — отвечает он, его золотисто-карие глаза с неподдельным восхищением изучают меня. Огромные солнцезащитные очки красуются на макушке его волнистых волос с эффектом омбре — насыщенные красно-коричневые пряди с ярким блонд-мелированием. Волосы выбриты по бокам, но длинные на макушке.

— Тогда я рад, что сел рядом с тобой! Буду использовать тебя в корыстных целях.

Я улыбаюсь ему, осознавая, что в рекордно короткие сроки завела первого нового друга. Вытаскиваю из рюкзака бутылку воды, и в тот момент, когда делаю огромный глоток, Лэти внезапно хватает меня за руку и указывает подбородком на дверь.

— Смотри, кто там.

Мой взгляд скользит по местам передо мной и застывает...

Адам. Чёртов. Эверест.

Я задыхаюсь. В прямом смысле *задыхаюсь*. Вода попадает в мои носовые пазухи, когда я пытаюсь не выплюнуть её на студентов, сидящих впереди, и Лэти, смеясь, хлопает меня по спине.

— Эй, ты в порядке?

— Да, — кашляю я. — Я...

Слишком занята разглядыванием Адама, чтобы здраво рассуждать. Я даже не напрягаюсь, чтобы закончить предложение. На нем пара рваных джинсов, едва держащихся на бедрах, и серая футболка, рекламирующая какую-то группу, название которой я никогда не слышала. Увешанной браслетами рукой он убирает волосы с лица. Это лицо... Я почти убедила себя, что запомнила его более сексуальным, чем он был на самом деле.

А вот и нет, я это не выдумала.

Большинство мест в аудитории заняты, но группа девчонок за передними партами зовет его по имени, и Адам идет к ним. Девушка, которая пришла вместе с ним, садится к парню на колени, обвивает руками его шею и хихикает, предпочитая не обращать внимания на пристальные взгляды всех присутствующих в аудитории. Какого черта он здесь *делает*?

Не сводя глаз с затылка Адама, я задаю Лэти вопрос:

— Адам Эверест учится здесь?

— Поэтому в холле и вечерина, — отвечает Лэти, а затем опускает подбородок на руки. Он мечтательно смотрит на парня, чьи руки менее сорока восьми часов назад блуждали по всему моему телу, и вздыхает.

— В прошлом году у меня был базовый французский с ним.

— Почему? — интересуюсь я. Когда он окидывает меня растерянным взглядом, уточняю: — Я имею в виду, почему он посещает занятия?

Лэти пожимает плечами.

— Без понятия, но я определенно не жалею.

Когда профессор входит в кабинет, цыпочка на коленях Адама вынуждена искать место в ряду позади него, потому что девушки, с которыми он сидит, не оставили для неё места. Это его девушка? *Есть ли у него девушка?*

— Я профессор Пуллмен, — представляется наш профессор, высокий лысый мужчина, которого я не могу представить улыбающимся, даже если бы от этого зависела его жизнь.

— Этот курс будет нелегким. У вас будут домашние задания. Много.

Девушка, сидящая рядом с Адамом, глупо захихикала над чем-то, что сказал Адам, и профессор одарил её угрожающим взглядом. Она сразу прикусывает язык, и он продолжает:

— У меня строгие правила посещения занятий. Я рассчитываю, что вы будете отключать телефон, пересекая порог аудитории. Если вы будете уважать меня, я тоже буду уважать вас. Теперь, кто из вас потрудился зайти на сайт и распечатать наш учебный план?

Всего несколько человек поднимают руки. Адам не в их числе, как, впрочем, и я. Даже несмотря на то, что я *зашла* на сайт и распечатала план, не хочу привлекать к себе внимание.

Доктор Пуллмен вздыхает.

— Ну, он там есть, если захотите взглянуть. Обязательно ознакомьтесь с ним, прежде чем придете ко мне распускать нюни по поводу недовольства моим курсом. Если вы не хотите здесь быть, у вас есть время до следующей недели, чтобы отказаться от курса и

вдобавок получить возврат денег. Как видите, — он указывает рукой на аудиторию, — у меня будет большая нагрузка, с вами или без вас.

Он идет в угол кабинета и открывает ноутбук, запуская проектор.

— Что ж, давайте начнем?

Ничто в аду не сможет заставить меня сосредоточиться на предмете из-за девушки, сидящей рядом с Адамом и периодически запускающей пальцы в его мягкие каштановые волосы на затылке. Я *знаю*, какие мягкие его волосы наощупь. Кончики моих пальцев всё еще помнят, как это прекрасно ощущалось, и у меня серьезные проблемы с тем, чтобы не сломать карандаш пополам и не запустить в неё смертоносные обломки.

Когда занятие заканчивается, Адам первым встает со своего места и покидает кабинет. Лэти подталкивает меня локтем.

— Ревнуешь?

— А?

Я безуспешно пытаюсь быть равнодушной, пока мы собираем рюкзаки.

— Если бы взглядом можно было убить, клянусь, там бы сейчас лежало трое мёртвых фанаток-потаскушек, — поддразнивает он, улыбаясь.

— Я *не* ревную.

Я *так* ревную. Я ревную из-за всего того, от чего отказалась менее двух дней назад, хоть и знаю, что сделала правильный выбор. Господи, да я только закончила отношения. Вероятно, и *пяти минут* не прошло, как я встретила Адама. И, безусловно, он — гуляка, который, не исключено, в тот момент был именно тем, в ком я нуждалась. Но он не тот, кто нужен мне в долгосрочной перспективе. Независимо от того, что чувствую — я должна пережить это.

Лэти ухмыляется мне.

— Как скажешь, Роу-Йоу.

Пока мы выходим из Джексон Холла, он возмущается по поводу того, какой Доктор Пуллмен упрямый человек и какими адскими будут занятия. Я отчасти сосредоточена на нем и отчасти окидываю нервным взглядом каждый коридор, который мы проходим, чтобы убедиться, что не пересекусь с Адамом.

— Ты всегда такая дёрганая?

Нахмурившись, смотрю на него.

— Я что, на самом деле дёрганая?

— Как маленький миленький бурундучок... под кокаином.

Я смеюсь и поправляю шарфик, проверяя, что он всё еще прикрывает отметину, оставленную на мне Адамом.

— Думаю, я просто всё ещё волнуюсь из-за начала занятий. К тому же, этим утром я употребила слишком много кофеина.

— Ничего подобного!

Лэти открывает мне дверь, его широкая улыбка, когда он опускает очки на глаза, поднимает мне настроение. Мы замедляемся и останавливаемся на пешеходной развилке.

— Ну, увидимся в среду? — спрашивает он.

— Ага! Увидимся, Лэти.

— Чао, Ро-бот!

В ту минуту, как Лэти исчезает из поля зрения, мои плечи опускаются, и я чувствую себя так, словно на меня только что рухнула тонна кирпичей. Не знаю, куда исчез Адам, но

поспешно пересекаю газон кампуса, словно по крышам крадется снайпер, пытаюсь взять меня на мушку. Подозрительно оглядываюсь по сторонам, и мое бешеное сердцебиение не замедлилось, пока я не забежала в Хоффман Холл, поднялась по лестнице и вошла в кабинет 204.

— Роу!

Ди кричит с галерки, но я до сих пор в таком оцепенении, что с трудом встречаюсь с ней взглядом до того, как заваливаюсь на стул рядом. Этот кабинет имеет более классический вид: небольшие парты стоят рядами перед доской.

— Как прошел первый урок?

Её возбуждение окатывает меня, вытягивая из собственных размышлений.

— Было... интересно. Думаю, у меня появился новый друг. А у тебя?

Она начинает бессвязно рассказывать о сексуальном парне, который сидел рядом с ней на биологии. Я киваю и улыбаюсь, улыбаюсь и киваю, то и дело вставляя «ах» или «вау», или «круто». Я испытываю запредельное облегчение, когда наш профессор по Риторике заходит в кабинет и начинает лекцию. Мой мозг переполнен. Переполнен Адамом и... Адамом. О Боже.

Доктор Ви гораздо любезнее Доктора Пуллмена. Она начала занятие, попросив нас назвать классу свои имена, профилирующие предметы и рассказать что-то интересное о себе. Когда подходит моя очередь, я слишком занята размышлениями о пальцах той девушки в волосах Адама, чтобы что-нибудь придумать.

Я встаю.

— Меня зовут Роуэн Майклз. Я ещё не выбрала профилирующий предмет, но подумываю о лингвистике. И, эм... что-то интересное... — я совершенно лишаюсь дара речи, когда неловкая пауза затягивается. — Эм...

Боже мой, в голове совершенно пусто. Что-нибудь интересное обо мне? Ничего нет! Сказать «*На прошлых выходных я целовалась с Адамом Эверестом в его гастрольном автобусе*» было бы совершенно неуместно, но я больше ни о чем другом не могу думать.

— И она может засунуть одиннадцать зефирин в рот одновременно! — кричит Ди, чтобы заполнить ужасающую тишину.

Это она говорит о том разе, когда мы с компанией друзей сидели у костра и пытались увидеть, кто сможет набить свой рот как можно большим количеством зефирин. Я одержала полную победу. Тогда как мой смех был приглушен зефиром, заполнившим мой рот, все остальные практически сошли с ума. Мы истерически смеялись, заливаясь слезами. Ди хохотала как гиена, пока не свалилась с садового стула, от чего я так сильно рассмеялась, что чуть не подавилась зефиркой.

Класс смеется, а Доктор Ви награждает меня понимающей улыбкой.

— Это, безусловно, талант, Роуэн.

Когда, в конце концов, сажусь на место, мои щеки краснеют от смущения, и я борюсь с желанием закрыть лицо руками. Ди неуверенно улыбается мне и пожимает плечами, а я неодобрительно качаю головой, прижимая ладони ко лбу. Слишком много для первого впечатления.

Когда занятие заканчивается, я чувствую себя уставшей, поэтому отправляюсь в общежитие Ди и падаю лицом вниз на её матрас. У неё остался ещё один урок, а затем мы встретимся здесь, чтобы решить, куда пойти поужинать.

Я чертовски сильно хочу рассказать ей об Адаме. Вот только не думаю, что Ди —

самый подходящий человек, который может дать мне совет. Она всё ещё пытается убедить меня поджечь автомобиль Брейди или заменить все его шампуни на... что ж, тот разговор, безусловно, не является тем, что я хочу надолго зафиксировать в памяти.

Спустя полтора часа она врывается в комнату и запрыгивает на кровать, от чего я подскакиваю.

— Обожаю колледж!

— Как я и говорила.

Я рада видеть её такой счастливой. Сколько себя помню, она всегда ждала этот день, и, честно говоря, я немного волновалась, что он может не оправдать её ожиданий. Я рада, что ошибалась. В кои-то веки.

Мейси сидит на своей кровати в противоположном углу комнаты с ноутбуком на коленях. Она отрывает от него взгляд и интересуется:

— Тебе понравилось на занятиях, Диандра?

Ди застывает, шокировано вытаращив глаза от того, что Мейси пытается разговаривать. В жизни, а не в интернете. С другим человеком.

— Да, Мейси. А тебе?

Краешком глаза Ди бросает мне взгляд, в котором читается «О Боже мой!», но я делаю вид, что не замечаю и жду ответа Мейси.

— Думаю, на занятиях было неплохо.

— Какие предметы ты выбрала? — интересуюсь я.

Именно так я вовлекаю Мейси в разговор, который закачивается тем, что я настаиваю, чтобы она пошла с нами на ужин. В закусочной в центре города (так как по утверждению Ди в кампусе еда на вкус, как подошва) Ди, не обращая внимания на Мейси, без умолку трещит, так что, полагаю, она не огорчена тем, что я пригласила соседку. Мейси сидит за столом, молча жуя картошку фри. Она маленькая и худенькая, с прямыми черными волосами, бледным лицом и немного крупноватыми и темными для её лица глазами. Но у неё дружелюбная улыбка, и я хочу помочь ей стать менее замкнутой.

— Итак, в моём классе есть один парень, — говорю я. — Его зовут Лэти.

— Ооох, — восклицает Ди. — Он секси?

— Он... он определенно «нечто».

Я хихикаю, а Ди удивленно поднимает бровь.

— Уверена, вам двоим очень понравилось бы вместе покупать обувь, если ты понимаешь о чём я.

— Друг-гей?! У тебя уже есть друг-гей?! Так не честно! Я тоже хочу!

Я смеюсь и делаю глоток Колы.

— Возможно, мы должны пригласить его потусоваться куда-нибудь.

— Мы *точно* должны пригласить его потусоваться куда-нибудь.

— На следующем занятии возьму у него номер телефона и узнаю, захочет ли он как-нибудь вечером встретиться с нами.

Когда Мейси заговаривает, мы снова теряем дар речи от шока.

— Это очень мило с твоей стороны.

Я отмахиваюсь от неё.

— Ничего особенного. Чем больше друзей, тем лучше. Да, Ди?

— Пока этот Лэти не пытается украсть мою любимую девочку, я — няшка, — отвечает она, потягивая через соломинку ванильный молочный коктейль.

Я улыбаюсь ей, а потом Мейси.

— Спасибо, что позволила остаться с вами, Мейси.

— Спасибо, что вытащила меня сегодня вечером.

— Мейси, — вклинивается Ди, поворачиваясь лицом к Мейси, которая сидит возле неё, прижавшись к стене с желтой облупившейся краской.

— Позволь мне задать тебе вопрос. Ты знаешь, что Роу остановилась у нас, потому что её подлючий, дерьмовый бывший парень изменил ей, да?

Мейси кивает.

— Итак, тебе не кажется, что она заслуживает того, чтобы в некотором роде отомстить ему? Спустить шины или что-то ещё? Ведь они были вместе *три года*.

Мейси пристально смотрит на меня.

— Думаю, Роуэн выше этого. Это замечательное качество.

— На голову выше, — усмехается Ди. — Хотела бы я надавать ему по кочерыжке, — бормочет она, — чтоб навсегда запомнил.

Мы с Мейси хихикаем, а Ди допивает остатки молочного коктейля. После того как она отвозит нас обратно в общежитие, я кладу на колени учебник. Тяжелый вес книги успокаивает, напоминая мне о более простых временах, когда единственное, о чем я должна была беспокоиться — домашняя работа. Домашнее задание, которое я с легкостью выполняю или предметы, в которые полностью погружаюсь с головой. Я засыпаю с учебником на коленях, несмотря на то, что колено Ди упирается в мое бедро. Столь необходимый сон берет верх над планом забрать мою машину. Во всяком случае, не думаю, что она понадобится мне в ближайшее время.

Следующим утром мне приходится встать на утренние занятия раньше Ди — она отказалась взять какие-либо предметы, которые начинаются раньше 11 часов утра, поэтому я стараюсь не шуметь, пока собираюсь в колледж. Мой первый урок — базовый английский. Затем математика с последующим полуторачасовым перерывом, во время которого я обедаю в Львином Логове, после чего отправляюсь в Бентон Холл на совместный урок истории с Ди.

Если бы все три предмета были о некоем рокере с каштановыми волосами и безбожно умелыми губами, я бы без труда получила по ним высший балл. Но в нынешнем положении я почти уверена, что провалюсь.

Воспоминаниями я возвращаюсь в гастрольный автобус Адама, в ту черную атласную постель. Сидя на уроке истории, жую кончик карандаша, сожалея о том моменте и в то же время жалея, что не могу вернуть его и пережить всё заново. Целоваться с Адамом было слишком, *слишком* непохоже на меня. До Адама я целовалась всего с двумя парнями, кроме Брейди. Один был в пятом классе, так что я даже не уверена, считается ли это. А другой поцелуй был с парнем, с которым я ходила на несколько групповых свиданий, когда была девятиклассницей, прежде чем мы с Брейди начали встречаться.

Понятия не имею, почему так много думала об Адаме — наверное, даже больше чем о Брейди. Возможно, именно таким образом мой мозг пытается защититься от всех тех эмоций, которые я отказываюсь испытывать из-за предательства Брейди. Я любила его, действительно любила. Но увидев его с той девушкой... я склоняюсь к тому, что никогда по-настоящему не знала его. Брейди, которого я знала, никогда бы не причинил мне такую боль.

Отчасти, это ощущается так, словно парень, которого я любила, умер. И часть меня приняла это... потому что, когда кто-то умирает, вы не можете вернуть его обратно. Единственное, что вы можете сделать — отпустить его.

Мы с Ди выходим из здания вместе с каким-то парнем, с которым она, видимо, подружилась на одном из прошлых занятий. Мой телефон снова звонит. Я проверяю его, пока Ди грузит бедного парня своей болтовней. Снова Брейди. Конечно же. Всё, что написано в сообщении: «Я скучаю по тебе». Это самое простое смс из всех присланных им до настоящего времени. И единственное, которое сильнее всего расстроило меня. Его сообщения, как ежедневные полтергейсты, призраки, напоминающие мне обо всём, что я потеряла.

— Увидимся позже, ребята, — прощаюсь я, а затем практически бегу обратно в общежитие Ди, прежде чем кто-то сможет поймать меня.

Как только захожу в комнату, переодеваюсь в спортивные штаны и одну из старых рабочих футболок отца. Позже, когда приходит Ди, я сижу, уставившись в пространство, с ведерком мороженого Rocky Road в руках. Она берет ложку, погружает её в ведерко рядом с моей и не задает никаких вопросов. И это хорошо, потому что я абсолютно уверена, что у меня нет на них ответов.

Глава 6

На часах уже далеко за полночь, а я лежу рядом с Ди и не могу сомкнуть глаз. Ещё восемь часов, и я снова увижусь с Адамом.

Восемь. Чертовых. Часов.

Восемь часов превращаются в семь, а семь — в шесть. К моменту звонка будильника у меня красные от недосыпа глаза, но я вскакиваю с постели так, словно лежала на углях. Выйдя из душа, смотрю на стопки своей одежды, лежащей вдоль стены комнаты Ди. Отстойно, когда у тебя нет комода или какого-нибудь шкафа для вещей, но дарёному коню в зубы не смотрят. Пора решить, что я сегодня надену.

С одной стороны, хочется выглядеть прилично на случай, если Адам посмотрит в мою сторону во время урока французского. Небеса бы разверзлись, ангелы запели, а он... вероятно, даже не вспомнит меня. Тьфу.

С другой стороны, не хочется привлекать к себе внимание. Я приняла верное решение, не вернувшись в его гастрольный автобус после шоу. Это был правильный выбор... Правильный. Я знаю, что он был правильным.

Переворачиваю аккуратно сложенные стопки до тех пор, пока практически вся одежда не превращается в беспорядочную кучу на полу, затем огорченно вздыхаю и совершаю налёт на шкаф Ди. Останавливаюсь на паре коротких джинсовых шорт и милом голубом топе под цвет моих тёмно-голубых глаз. Глядя в зеркало Ди, завязываю волосы в конский хвост и делаю макияж, прежде чем она вернется из душа.

— Милый топ, — произносит подруга, пока я наблюдаю в зеркало, как она входит в комнату.

— Не возражаешь, если я одолжу его у тебя?

— Конечно нет, черт возьми! Продолжай в том же духе, и к концу следующей недели у тебя появится новый парень.

— А что, если, — произношу я с ехидной ухмылкой, отходя от зеркала, когда Ди втискивается перед ним и наклоняется, чтобы нанести увлажняющий крем на лицо, — я отхвачу парня быстрее?

Она одаривает моё отражение серьезным взглядом, а затем хохочет.

— Туше!

У Ди никогда не было серьезных отношений, да она никогда и не хотела этого. Она

желает купаться в цветах и конфетах от парней, чьи имена даже не пытается запомнить, и чтобы все ею восхищались. Ди хочет впитывать их чувства, но не отвечать взаимностью, и, несмотря на то, что она никогда не признает этого, я знаю, что корень её отвращения к отношениям — ужасный конец между её родителями.

Когда мы были в шестом классе, её отец узнал, что у мамы была длительная интрижка, и Ди была свидетелем опустошения, которое оставляет после себя любовь. Впервые, когда Ди увидела отца плачущим — после того, как мама бросила семью, чтобы переехать к любовнику в другой конец страны — она пробралась в мою комнату и уснула в слезах на моей подушке, пока я заверяла её, что они с отцом будут в порядке. Я убеждала подругу, что ей не нужна глупая мать, потому что у неё всегда буду я, а затем гладила её по голове, пока Ди не уснула.

Это был последний раз, когда я видела её плачущей из-за родителей — после этого была лишь злость, слёзы ненависти и разгромленные спальни. Из известных мне отцов, её всегда был самым любящим, но он не смог заполнить пустоту, оставшуюся после ухода матери. Несмотря на то, что Ди никогда не произносила этого вслух, я знала, что она скучала по маме так же сильно, как и ненавидела её. Честно говоря, думаю, с тех пор её ничего не пугало столь же сильно, как серьезные отношения. Я всегда подозревала, что возможно именно поэтому Ди некомфортно себя чувствовала, когда я так быстро остепенилась с Брейди — и всё это время он отрывал меня от неё.

Хотела бы я вернуть назад каждое прошедшее мгновение.

Я выталкиваю Ди за дверь и подгоняю всю оставшуюся дорогу до кампуса. Прохожу через благоухающую духами группку девчонок, встречающих Адама, и захожу в аудиторию по французскому языку задолго до начала урока, чтобы убедиться, что приду раньше него. Затем торопливо занимаю ту же парту, за которой сидела двумя днями ранее, позаботившись о том, чтобы оставить рядом с собой место для Лэти.

— Как дела, Роу-град? — присаживается он около меня. — Мне нравятся эти голубенькие пальчики.

Опускаю взгляд на свои голубые ногти на ногах, а затем улыбаюсь ему, когда он поднимает очки на макушку. Девушка действительно может привыкнуть к таким частым комплиментам. Ну, если только гетеросексуальные парни уделяют столько же внимания мелочам.

— Спасибо. Мне нравится твоя футболка.

Розовые пони на его футболке My Little Pony гармонируют с розовыми Чак Тейлорсами.

— Что тут сказать? Я неисправимый брони^б.

Я смеюсь и открываю тетрадь на пустой странице.

— Эй, не хочешь как-нибудь позависать со мной и моей соседкой? Например, на этих выходных?

— Она такая же крутая, как ты?

— Гораздо круче.

Он хихикает и дергает меня за хвост.

— Прекрати недооценивать себя, Кукурузка! Я бы *очень хотел* потусоваться с тобой и твоей соседкой! Как её зовут?

— Ди.

— Ее имя состоит всего лишь из двух букв? Вау, ты права, она *круче* тебя.

Мой смех обрывается, когда Доктор Пуллмен входит в аудиторию. Одетый в

коричневые брюки и желтую рубашку, он тянется назад, чтобы закрыть за собой дверь. Но Адам ещё не появился. Может, он бросил этот предмет? Или... он просто моя чертова галлюцинация или что-то в этом роде? У меня что, едет крыша?

Дверь почти закрылась, но в этом ей мешает рука. В дверном проеме появляется Адам и очаровательно улыбается Доктору Пуллмену, от чего моё сердце пропускает удар. Он бесцеремонно прошмыгивает в кабинет с двумя девицами, следующими за ним по пятам, и занимает своё место в первом ряду.

Я чувствую себя жалким сталкером, когда украдкой бросаю на него взгляды. Мы лишь поцеловались — я уверена, точно так же, как он целовался со всеми этими девицами, сидящими рядом с ним в первом ряду. И я — *ничто* по сравнению с ними. У меня не столь большая грудь и не такое хорошенькое личико, не такие роскошные волосы и точно не такая секси-шмекси попа. Чем бы ни были мои чувства, мне нужно подавить их, прежде чем они превратятся в эмоциональный хаос, который и без того имеется у меня по отношению к Брейди. Адам был хорошим парнем для того, чтобы забыть. Он оказал мне услугу. Кто знал, что мы окажемся в одном чертовом классе?

Вся моя рассудительность пошла прахом; я ухожу с занятия, чувствуя себя практически такой же разбитой, как и той ночью в Maуhem. Я не должна чувствовать себя так, будто Адам предал меня подобно Брейди, но... уф. Я чувствую себя такой... отвергнутой. Ими обоими.

Когда мы выходим на залитый солнцем двор, Лэти опускает очки на глаза. Солнце палит, как в худшем вампирском кошмаре, и, учитывая мое настроение, я едва не шиплю.

— У тебя сейчас занятие, да? — Лэти смотрит на меня сверху вниз из-за темных линз очков.

— Ага, риторика с Ди. Эй, дай мне свой телефон.

Он протягивает мне телефон, а я в ответ даю ему свой. Мы вводим свои номера. А затем обмениваемся обратно.

— Я напишу тебе насчет этих выходных, ладно?

Он вставляет наушники в уши, отступая назад.

— Ты лучшая!

На следующий день, во время перерыва между математикой и историей с Ди, я снова обедаю в одиночестве в Львином логове, погрузившись в учебник по французскому, и жую сэндвич с беконом и чипсы. Первую неделю мы повторяем пройденный материал, и я читаю слово, обозначающее *бойфренд*, вслух.

— *Petit ami*.

Сверлю учебник взглядом, думая о Брейди.

— *Je déteste mon ex-petit ami!* (Ненавижу бывшего!)

Испытываю непреодолимое желание прекратить эти сантименты, сплюнув на пол, но, полагаю, это лишь привлечет ко мне ещё больше внимания. Я официально та девушка, которая обедает в одиночестве и разговаривает сама с собой.

По-французски.

Супер.

Я думаю о Брейди до тех пор, пока мой мозг не начинает выдавать ассоциацию за ассоциацией. Брейди. Та «Девушка». Maуhem. Адам. Гастрольный автобус Адама. Кровать с черным атласным бельем. Мою кожу начинает покалывать, но затем я вспоминаю урок французского и всех тех девиц. Хихиканье. Наманикюренные пальчики в его волосах.

Со стоном закрываю учебник и утыкаюсь в него лбом. Адам. Он такой бабник. Я чуть не

переспала с бабником. С чертовым бабником.

И это было прекрасно. И занятия с ним будут безжалостными. И мои мысли такие непоследовательные, что мне на самом деле хочется ударить себя. Я запуталась. Вся моя дурацкая *жизнь* — сплошная путаница.

К моменту окончания обеденного перерыва я довела себя до белого каления. Захожу в кабинет истории и тяжело опускаюсь на сидение рядом с Ди. Она протягивает руку, чтобы поиграть с моим светлым конским хвостом, спадающим локонами на плечи.

— Что с тобой?

— Ничего, — вру я. — Просто... домашнее задание по французскому, над которым я работала во время обеда, совершенно вымотало меня.

— Что ж, у меня есть превосходное лекарство! — произносит Ди, и я уже смотрю на неё с подозрением. — Угадай, кто приглашен на вечеринку в эти выходные?!

Качаю головой. Ни за что не пойду с ней на вечеринку. Думаю, я предпочла бы попасть под самосвал, полный коровьего навоза, чем попыталась бы пережить светское мероприятие. Мероприятие с большим количеством людей — улыбающихся, счастливых людей.

— Ой, да ладно тебе, Роу! Пожааалуйста? Тебе нужно это! Нам нужно это!

Вместо того чтобы сказать ей правду: пока я просто ещё не готова снова ходить на свидания, после того как Брейди растоптал моё сердце, я придумываю оправдание.

— Я уже пообещала Лэти, что мы потусуемся с ним на выходных.

Она подозрительно щурится, и я понимаю, что она может уличить меня во лжи, но не придает этому значения.

— Лучше бы ему быть *удивительным*, — предупреждает она.

— Он такой.

— Ненавижу тебя.

— Люблю тебя.

Она игриво закатывает глаза и выпрямляется на месте. Я обрадовалась, что Ди не стала со мной спорить, но, думаю, она должна понимать: я просто не готова вернуться к светскому образу жизни. Тем не менее, я уверена, что вскоре она начнет приставать ко мне. В конце концов, это Ди.

По пути в общежитие после урока я читаю проигнорированные сообщения от Брейди. Также он оставил мне голосовое сообщение, и я совершаю ошибку, прослушивая его в общественном месте.

«Детка... — вздыхает он. — Я облажался. Знаю. Я... даже не знаю, что сказать. Я не собираюсь оправдываться. Просто... Господи, детка, мне так плохо. Такое чувство, будто я потерял лучшего друга. Я не заслуживаю твоего звонка, — он судорожно сплывает, и на мои глаза наворачиваются слезы. — Я никогда не заслуживал тебя, но чёрт меня подери, если я не люблю тебя, Роуэн. Я так сильно люблю тебя, детка. Не думаю, что смогу двигаться дальше без тебя, — после долгой паузы он добавляет. — Надеюсь, тебе нравится в колледже, — еще одна пауза. — Люблю тебя, Роу».

К моменту окончания сообщения тихие слезы горячими ручьями скатываются по моим щекам. Я небрежно смахиваю их и опускаю голову, чтобы избежать взглядов людей, идущих мимо меня по тротуару.

Когда Ди вернулась домой, от меня осталась лишь оболочка её лучшей подруги, а моё лицо безобразно распухло. Моё тело совершенно опустошено, поскольку я выплакала

последнюю толику своих сил. Мейси ушла из комнаты, чтобы дать мне немного уединения, и последние полчаса я просто сидела на кровати Ди, потупившись в телефон. Она сразу же садится передо мной, её колени практически на одном уровне с моими.

— Что он сказал? — Ди обнимает меня.

Я излагаю суть его сообщения, потому что попросту не в состоянии прослушать его снова. Она вздыхает и ищет мой взгляд.

— Ты же не собираешься ему звонить, да?

Прикусываю щеку изнутри. Потому что *думаю* о том, чтобы позвонить ему. Я так сильно хочу поговорить с ним. Каждый раз, когда слышу его голос, он проделывает брешь в стене, выстроенной мной между нами, и я чувствую, как мой гнев угасает.

— Ох, детка, — Ди хмурится. — Ты на самом деле думаешь, что он больше никогда так не сделает?

— Не знаю, Ди.

Из моего горла вырывается всхлип, и я прячу лицо в ладонях, в то время как Ди гладит меня по спине.

— Ты знаешь, я всегда поддержу тебя вне зависимости от того, как ты поступишь, но... ты знаешь, что я всегда говорю.

— Предавший однажды, предаст и дважды.

Она целует меня в макушку, а затем сидит со мной в тишине до тех пор, пока я не собираюсь с духом, чтобы показать своё лицо.

— Прости за сорванную вечеринку.

Еще не решила, перезвоню ли Брейди, но я устала от разговоров об этом. Это то, что я должна решить сама.

— Прекрати. Я стораю от желания познакомиться с этим твоим супер-геем!

Мне нравится, как легко она может рассмешить меня.

— Не думаю, что он супер-гей. Думаю, просто обычный гей.

— Ну, он — гей и нравится тебе, значит, обязан быть супер... — она выжидающе смотрит на меня.

— Супер-гей?

— Супер-гей!

Ди встает, сталкивая меня с кровати. Её тонкие пальцы выпрямляют мои слишком-депрессивная-чтобы-привести-в-порядок волосы.

— Чего бы ты хотела на ужин?

По пути в ближайший фастфуд машину Ди разрывает от мощной девчачьей музыки, и мы хомячим в ней, смеясь и крича караоке, потому что пением это не назовешь. Она исполняет мне серенаду, используя в качестве микрофона соломинку от безалкогольного напитка, а я картошкой фри барабаню по приборной панели. К моменту окончания песни я барабаню только одной фри, потому что другую съела в середине своего соло. Подбрасываю её в воздух, ловлю ртом и кланяюсь, когда Ди раздражается смехом.

— Вот и она! — заразительно улыбается Ди. — Я скучала!

— Прости, что была таким нытиком... Обещаю, я успокоюсь и повеселюсь на этих выходных.

— У тебя не будет выбора!

Позже я пишу Лэти, интересуясь, сможет ли он потусить с нами в субботу у Ди, и тот отвечает мне смешным фото, где он с глуповато-взволнованным выражением лица

показывает большой палец в камеру. Я хихикаю и показываю фото Ди, когда мы едем домой, и она тоже смеется.

В субботу он появляется у нас в бриджах цвета хаки, рваной фиолетовой майке и красочных шлёпанцах. Его солнцезащитные очки свисают с V-выреза майки, когда он кружится на офисном кресле Мейси, наблюдая, как мы с Ди красим ногти на ногах.

— Лэти, — возмущается Ди, нанося сверкающий розовый лак на маленький ноготок, — ты должен позволить нам накрасить твои ногти на ногах! И ты, Мейси, тоже!

Лэти и Мейси обмениваются взглядами. Она свернула калачиком в углу своей кровати и читает книгу.

— Я *парень*, — отвечает Лэти.

Я хихикаю, когда Ди дует губы.

— Да, — говорит она, — но ты...

Он улыбается уголком рта.

— Я *что*?

— Ты... гей.

Она так тихо произнесла это слово, будто секрет, и у меня серьезные проблемы с тем, чтобы не взорваться от смеха.

— Серьезно? — спрашивает Лэти. — Для меня это новость.

Эм, *что?! Я* случайно рисую фиолетовую полоску на кончике пальца, когда резко поднимаю на него взгляд.

— Ты не гей?

— Я бы сказал, что я би.

— Тебе и девушки нравятся?

— Ну... всего одна... в четвертом классе... но она была полный улет!

— Ты точно гей, — хохочет Ди.

— Как скажешь, — отвечает Лэти, снова кружась на кресле. — Но я всё равно не позволю тебе накрасить мне ногти на ногах.

— Тогда позволь хотя бы на руках накрасить!

— О! — он внезапно останавливается. — Можешь накрасить по три пальца на каждой руке! Чёрным, как у Адама!

— Какого Адама? — спрашивает Ди, и у меня сжимает в горле, словно я сейчас задохнусь. Что, вероятно, будет для меня лучшим исходом. Как я не поняла, что к этому идет?! *Конечно же*, Лэти упомянул бы Адама! Я до сих пор не рассказала Ди ни о нашем сеансе поцелуев, ни о том, что он в моём классе. О, Боже. О, нет. Нет, нет, нет.

— Адама Эвереста! — отвечает Лэти. — Вокалиста The Last Ones to Know!

Я судорожно пытаюсь придумать способ, чтобы избежать неизбежного провала беседы из-за случившегося, но не могу соображать под давлением, чёрт возьми!

Ди заканчивает красить ногти на одной ноге и переходит к другой, не имея ни малейшего представления о том, как сильно я паникую, сидя лишь в нескольких дюймах от неё.

— Ты фанат? Мы с Роу ходили на его выступление на прошлых выходных! Он такой *секси*!

— Ох, мы знаем, поверь! — отвечает Лэти. — Он — лучшая часть класса по французскому!

Ба-бах! Бомба взорвалась. Я съёживаюсь в ожидании последствий.

Ди в замешательстве сводит брови. Когда она выжидательно смотрит на меня, я робко признаюсь:

— Черт, я забыла сказать об этом. Он... в нашем классе.

Она вскакивает с кровати так, будто её катапультой выбросило оттуда, абсолютно игнорируя лак на ногтях, и, вероятно, пачкая всё вокруг.

— Он в твоём КЛАССЕ? Адам Эверест В ТВОЕМ КЛАССЕ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ?!

Они с Лэти уставились на меня так, словно я сумасшедшая, потому что не упомянула об этом.

— Ты ЗАБЫЛА рассказать мне об этом? Как ты могла ЗАБЫТЬ рассказать мне что-то подобное!

— Кто такой Адам Эверест? — пищит Мейси из угла комнаты.

Ди поворачивается к ней.

— Всего лишь чёртов бог рока!

Ди поворачивается обратно ко мне, и я не представляю, как у неё голова не закружилась от всех этих разворотов и вышагиваний.

— Я даже не знала, что он ходит с нами в колледж! Почему я не знала об этом?!

— Ди, — осторожно произношу я, — твой педикюр полностью испорчен.

Игнорируя меня, она кладет руки мне на плечи.

— Мне *нужно* быть в твоём классе! Мне нужно сменить специальность!

— Ты не можешь... Это продвинутый французский. Для начала тебе нужно было бы изучить базовый.

Она едва слышно матерится и откидывается назад на кровать.

— Боже, я так тебе завидую.

— Не надо. Из-за него невозможно сосредоточиться.

Лэти хихикает и вытягивает ноги на стол Мейси, но она, кажется, не возражает или попросту не замечает.

— Это правда. Я почти уверен, что мы с Роу-бо-копом завалим этот предмет.

— Оно бы того стоило! — Ди расплывается в улыбке, макая ватный тампон в жидкость для снятия лака, и начинает вытирать блестящий розовый лак с ног.

— Ты разговаривала с ним?

Я едва не испустила неразумный смешок, который бы не был понятен никому, кроме меня. Разговаривала с ним? Уф, да, говорила... и не только. Я молчу.

— Не-а, — говорит Лэти. — Он приходит последним и уходит первым. И всегда в окружении крашенных в блонд фифочек.

— Тьфу, — Ди вытирает последний ноготок, а затем снова начинает встряхивать бутылочку с лаком, готовясь начать всё сначала. — Роу, клянусь, я прогуляю один день только для того, чтобы провести тебя до класса.

Только через мой труп! Она принимает моё молчание за согласие, но я уже придумываю отговорки, дабы предотвратить тот апокалиптический момент от свершения. Если Ди когда-нибудь узнает, что я целовалась с Адамом и не рассказала ей об этом... Ой.

Я избавляюсь от этих мыслей, говоря Лэти подкатить кресло ближе ко мне, чтобы я могла начать красить его ногти в чёрный цвет, как у Адама. Когда я кистью наношу лак на его мизинчик, безымянный и большой пальцы на одной руке, а затем — на другой руке (потому что я очень хорошо помню, что именно так были покрашены ногти у Адама), не могу не думать о том, как бы это ощущалось — красить ногти Адаму. Это было бы интимно

и нежно и... точно, мне на самом деле нужно выбросить этого сладкого распутного мальчишку из головы. У меня был шанс с ним, и я его не использовала.

Конец. Истории.

Глава 7

— Мне скучно, — начинает ныть Ди, едва стукнуло 11 вечера. Она, Лэти и я теснимся на её кровати. Я сижу, облокотившись на стену, Лэти сидит между моих ног, пока я заплетаю его волосы в миллион маленьких косичек (словно мы вернулись в 90-е), а Ди сидит у него между ног, пока Лэти заплетает ей французские косички.

— Уже поздно, — возражаю я.

Когда Ди внезапно вскрикивает, я вздрагиваю и случайно дергаю за одну из косичек Лэти.

— Ай!

— Прости!

Ди выдергивает косичку из пальцев Лэти и удерживает её, чтобы она не распустилась, пока разворачивается.

— Твоя машина! — говорит она мне.

О, нет.

— Твоя машина? — спрашивает Лэти.

Протрезвев от трёх выпитых ранее Маргарит, Ди официально обрела второе дыхание. Лэти нужно было бежать, пока у него была такая возможность.

— Нам всё еще нужно забрать её! — восклицает она.

Именно так я оказалась на заднем сидении её машины, наклонившись вперед между моей лучшей подругой и Лэти.

— Ребята, в этом нет никакого смысла. У меня даже нет разрешения на парковку на территории кампуса.

— *Смысл*, — отвечает Ди, — в том, что это твоя последняя нерешённая проблема. И ты можешь оставить её на парковке Walmart на Пятой улице. Это не так далеко.

Со стоном упираюсь головой в сидение Лэти. Ди рассказала ему всё о ситуации с Брейди и настояла, чтобы он поехал с нами. Он сказал, что ему больше нечем заняться, так что мы вдвоем терпеливо ждали, пока Ди переодевалась в абсолютно чёрный наряд и пыталась убедить меня сделать то же самое.

— Мы не будем *красть* мою машину, — сказала я ей, размахивая ключами от машины у неё перед носом.

Ди была в шаге от надевания лыжной маски.

— А что, если он ещё не спит? — спрашиваю я, нервно перебирая пальцами складки кожи на центральной консоли.

Лэти поворачивается ко мне. После того, как он распустил все косички, его волосы теперь гораздо кудрявее.

— Разве это самое страшное?

Когда мы останавливаемся на пустыре рядом с парковкой у моей старой квартиры, свет в окне Брейди отвечает на его вопрос.

— Дерьмо, — тихо ругаюсь я. — Я знала, что он не будет спать.

Обычно в такое время он уже в постели. Но с моим везением в последнее время? Ни единого шанса, что он будет спать, когда мы приедем на эту сымпровизированную секретную операцию.

Лэти наклоняется вперед, чтобы посмотреть через лобовое стекло на окно на третьем этаже.

— Ты не можешь просто быстро-быстро подбежать к машине, завести её и рвануть когти оттуда?

Я вздыхаю.

— Да, но если он выйдет на улицу, а я как раз сматываюсь, как какая-то трусиха, это будет *очень стыдно*. И неловко.

Выуживаю ключи из сумочки и с милейшей улыбочкой протягиваю их Лэти.

— Можешь пойти туда и забрать её для меня? Пожалуйста?

Я стараюсь выглядеть жалостливой бедолажкой, а значит, мне не нужно особо изощряться. Выпячиваю нижнюю губу, сдвигаю брови и смотрю на него самым жалобным щенячьим взглядом, какой только могу изобразить.

— Встретимся на заправке дальше по улице, и обратно я поеду с тобой.

Он поджимает губы, но затем берет ключи из моей руки.

— Ты в *неоплатном долгу* передо мной.

Мы с Ди наблюдаем, как Лэти, глядя по сторонам, подходит к краю пустыря, на котором мы остановились, а затем трусцой перебегает дорогу к моей старой парковке. Он в последний раз оглядывается на нас, прежде чем скрыться внутри моей машины и выехать с парковки. Я вздыхаю с облегчением от того, что Брейди не выскочил из входной двери. Ди гладит меня по колену, и я переползаю на переднее сидение, чтобы сесть рядом с ней.

— Что ж, это было легко, — произносит она, поворачивая ключ в замке зажигания. Её нелепая связка брелоков для ключей звенит от движения — миниатюрная туфелька на платформе, керамический цветок, перо, розовый стеклянный квадрат с надписью «самая милая сучка в твоей жизни».

Конечно, это не было легко, так как мою шею всё еще покалывает, словно её накачали стероидами, но, полагаю, могло быть и хуже.

— Я же говорила, что тот ниндзя-наряд тебе ни к чему.

— Ну, *кто-то* из нас должен был его надеть

Логика Ди: её понимает лишь Ди. Она применяет рубящий удар к моей руке, но я так сильно погрузилась в размышления, что даже не в состоянии выдавить из себя улыбку.

На заправке я выбираюсь из машины Ди и иду к Лэти, который стоит, прислонившись к багажнику моего автомобиля, а мои ключи болтаются на его пальце. Прежде чем взять их у него, я сердечно его обнимаю.

— Спасибо.

Он гладит меня по спине.

— Не за что, Жареная Картошечка.

Я хихикаю и забираю ключи. Когда забираюсь на водительское сидение, мне приходится придвинуть его вперед, чтобы дотянуться до педалей. Лэти садится на пассажирское сидение и сдвигает его назад.

— Было весело, — говорит он, когда я выезжаю на дорогу. Мой взгляд говорит ему о том, что я скорее бы предпочла вырвать зуб, но Лэти лишь смеется. — Теперь тебе лучше, когда ты вернула свою машину?

— Типа того, — говорю я, хмурясь.

— Тогда почему ты не выглядишь довольной?

Я вздыхаю и окидываю его взглядом — волнистые мелированные волосы и

обеспокоенность в медовых глазах. Несмотря на то, что мы знакомы меньше недели, я чувствую, что могу ему доверять. Лэти — хороший парень.

— Это было последнее, что связывало меня с ним, понимаешь? Теперь у меня нет причин, чтобы встретиться с Брейди.

Сложно представить, что мы больше никогда не увидимся. И больно.

— Думаешь дать ему ещё один шанс?

— Не знаю...

Думаю ли я?

— Ди убьёт меня.

— Она поймет, если хорошая подруга.

Я знаю: он прав, и Ди поймет.

— Лэти... как думаешь, люди меняются?

Я размышляю о девизе Ди: предавший однажды, предаст и дважды. Это не может быть правдой... так ведь?

— Хмм, сложный вопрос, — он проводит рукой по ноге. — Есть некоторые вещи, которые могут измениться, да. Измена? Да, думаю, люди могут усвоить этот урок. Но это зависит от самого человека.

— Наверное, я так расстраиваюсь, потому что не считаю это просто изменой... думаю, у него был роман. Я даже не могу вспомнить, сколько у него было «командировок» с тех пор, как он начал работать на своего дядю. Я к тому, что, как долго это продолжалось, прежде чем я узнала?

— Не узнаешь, пока не спросишь у него.

Лэти честен со мной, что я ценю больше, чем он может себе представить. Он слушает меня и помогает разобраться с моими собственными мыслями, ни к чему меня не подталкивая. Разговор с ним очень отличается от разговора с Ди. Он более спокойный, а Ди — просто... Ди.

— Ладненко, — произносит Лэти после того, как мы проехали несколько минут в тишине, пока я обдумывала всё, что он сказал, — довольно этой драмы. Я хочу узнать о кое-какой другой драме.

Чё? Когда я смотрю на него, он выглядит точно как дьявол.

— Почему ты не рассказала Ди о том, что Адам в нашем классе?

Я сглатываю слюну и прилагаю все усилия, чтобы глаза оставались сосредоточенными на дороге, жалея, что из меня вышла никудышная лгунья.

— Я говорила тебе — забыла.

Лэти задирает нос и начинает нюхать воздух.

— Слышишь этот запах?

Я втягиваю воздух через нос. Что я должна была почувствовать? Выхлопные газы? Запах городской свалки?

— Нет, какой?

— Запах брехни, — отвечает он, ехидно ухмыляясь, и я не могу удержаться от смеха.

— Как скажешь.

— Ну же! Мне действительно интересно.

Я закусываю уголок губы и окидываю его взглядом.

— Никому не рассказывай, — предупреждаю я.

— Я никому не скажу! — клянется он.

— В особенности Ди.

— Даже Ди!

О, Боже мой, неужели я действительно собираюсь это сделать? Прежде чем смогу передумать, выпаливаю:

— Я целовалась с Адамом.

Лэти изучает меня, и наполненная напряжением тишина высасывает весь кислород из машины... а затем он взрывается от смеха.

— Божечки, ты почти подловила меня!

— Это правда!

— Да-да, — он с улыбкой смотрит на меня. — Конееечно, правда.

— Я даже не шучу сейчас.

Он смеется ещё сильнее.

— Ты так уверена в этом.

Я пожимаю плечами.

— Ладно, не верь мне.

Всё ещё смеясь, он говорит:

— Ладно, Неваляшка, твоя взяла. Когда это случилось?

— Помнишь, Ди рассказала тебе, что я увидела, как Брейди изменял мне, пока общалась с другим парнем в Mayhem?

Лэти кивает.

— Это не совсем правда... Я увидела Брейди с той девушкой у бара. Выбежала через черный ход и разревелась на крыльце. Адам вышел покурить и увидел меня. Мы начали разговаривать, он пригласил меня в свой гастрольный автобус, мы начали пить и... не знаю, как-то пошло-поехало...

Лэти уставился на меня, словно у меня только что выросла вторая голова.

— Ты не шутишь...

Я взволнованно глазею на него, всё ещё не в силах поверить, что на самом деле выболтала свой секрет.

— О... мой... Бог.

Он хлопает руками по приборной панели, его пальцы растопырены так, словно ему нужно за что-то ухватиться, чтобы оставаться спокойным и невозмутимым.

— Ты... целовалась... с Адамом ЭВЕРЕСТОМ.

Я киваю.

— Не могу в это поверить! Вот почему ты всегда смотришь на тех шалав так, словно хочешь разрубить пополам их хрупкие, маленькие шейки!

— Я что, на самом деле так смотрю? — снова закусываю нижнюю губу.

— Да! — смеется он. — То есть так делает каждая вторая девчонка в аудитории, но... вау!

— Ты НЕ МОЖЕШЬ рассказать об этом Ди!

— Не расскажу! Клянусь, — он делает глубокий вдох. — Честное слово, эта девчонка убьет тебя за то, что ты не рассказала ей. Она будет во всеоружии в своем сексуальном черном наряде и будет пороть тебя цепочкой для ключей до тех пор, пока ты не поведаешь ей все пикантные подробности.

Я могла бы засмеяться, если бы мне не было так легко представить эту картину.

— Знаю!

Мне плохо от того, что я не рассказала Ди об Адаме, но... я просто не могу. Может быть, лет через десять, я расскажу ей, и мы вместе посмеемся. Но сейчас мне не нужна драма, которая последует за моим признанием. Её и так достаточно в жизни.

Поворачиваю на парковку Walmart и награждаю Лэти взглядом, который так и говорит: «Тебе лучше сохранить это секрет, или я на грани смерти». Он поворачивает воображаемый ключ между губами и выбрасывает его через плечо.

Глава 8

Рассказав Лэти об Адаме, я испытала блаженное освобождение. На протяжении воскресенья я чувствую себя так, словно у меня гора с плеч свалилась. Но затем наступает понедельник, и Лэти садится рядом со мной с ужасно нелепой ухмылкой на его глупом лице.

— Чего улыбаешься? — интересуюсь я, уже зная ответ.

— Ничего, — щебечет он.

— Только без глупостей, — прошу я, а он лишь смеется в ответ, не сводя глаз с дверей.

— Серьезно, — предупреждаю. — Не чуди, ладно?

В шутливом тоне он отвечает «хорошо», но так и не отводит взгляд от дверей, и я уже могу сказать, что это занятие будет ужасным.

Когда Адам заходит в аудиторию, взгляд Лэти мечется между мной и ним, а его улыбка становится всё шире и шире, пока не обнажает жемчужно-белые зубы, от чего я закатываю глаза. Бью парня по руке, и он начинает смеяться.

— Я сказала прекратить дурачиться! — ругаюсь я.

— Ничего не могу поделать! Это слишком весело!

О гооосподи. Знаю, что не должна пялиться на Адама, пока его длинные ноги несут его к месту, но действительно не могу удержаться. Он не носит рюкзак или даже блокнот, или ручку. Единственное, что он приносит в класс — пачка сигарет. И как, спрашивается, он делает заметки?

— Почему бы тебе не пойти и не поговорить с ним? — спрашивает Лэти.

На лице Адама появляется убийственно сексуальная улыбка, когда одна из девушек в переднем ряду вскакивает со своего места, целует его в щеку и протягивает кофе. Одетый в потёртые джинсы и ярко-красную футболку, он делает глоток кофе, а затем плавно опускается на стул рядом с ней.

— О чем?

— Хм, мне тебе объяснить?! — когда я не отвечаю, Лэти добавляет: — Потому что я могу, если хочешь. Это не так сложно. Четыре маленьких буквы. С-Е...

Выгаращив глаза, одной рукой дёргаю его за рукав, а другой затыкаю рот.

— Уймись!

Оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает наш приглушенный разговор, но все студенты в пределах слышимости заняты либо беседой, либо перепиской по телефону, пока истекают последние драгоценные секунды до начала урока.

Лэти хохочет.

— Да ладно! Я ж просто советую!

— Я слышу тебя! — ещё тише произношу я. — Но это ни за что не произошло бы, даже если бы я поговорила с ним.

— Почему нет? Очевидно же, что он считает тебя сескуашкой, иначе бы не стал целоваться с тобой.

— Потому что я никогда...

Я останавливаю себя. Не могу поверить, я только что почти призналась, что всё еще девственница.

— Ты никогда... — понимание озаряет глаза Лэти, и могу сказать, слишком поздно. — Ты никогда...

Он окидывает меня взглядом, и я киваю.

Лэти изумленно качает головой, и довольная улыбка не сходит с его губ.

— Становится всё интереснее и интереснее.

Вот уж не сказала бы.

Позже на этой неделе Д-р Пуллмен дал нам контрольную работу, чтобы убедиться, что каждый из нас повторил базовый курс (что он поручил нам в качестве домашнего задания), и я получила тройку! Чёртову тройку! И, конечно же, вместо того, чтобы винить себя за то, что так легко отвлеклась, я винила некоего парня с растрепанными каштановыми волосами, пронзительно-серыми глазами и *весьма* талантливым язычком.

Он приснился мне в ночь перед контрольной. Я проснулась от того, что практически лапала Ди. Кстати о конфузах... Она не проснулась, но я чувствовала себя адски смущенной. За всю свою жизнь у меня никогда не было *столь ярких* снов. Я проснулась запыхавшейся, все мышцы ныли. В течение нескольких минут я лежала, ненавидя себя за то, что отшила Адама. Интересно, в действительности было бы так же хорошо, как и во сне?

Так что, когда на следующий день Д-р Пуллмен раздал нам контрольные, мои попытки сосредоточиться на вопросах, а не на сидящем в первом ряду божественно-сексуально-из-моих-снов, были практически неосуществимы. Я всю неделю повторяла базовый курс, но мой мозг был слишком переполнен мыслями об Адаме, чтобы помнить об изученном материале.

Я винила тот сон, возникший из-за накопившейся сексуальной неудовлетворенности, вызванной «хорошей» стороной лицемерного сына пастора — моим бывшим.

Он написал мне на следующий день, после того, как мы угнали мою машину, умоляя просто поговорить.

Я сдалась и ответила ему. Написала, что поговорю с ним, когда буду готова.

В самом деле, это было гораздо вежливее, чем он того заслуживал, но я ощущала мучительную необходимость хоть отчасти унять его боль. Даже после того, как он со мной поступил, часть меня всё еще любила Брейди, и было невыносимо видеть его таким огорченным. Его постоянные смски и голосовые сообщения свели на нет мой гнев, и я была не уверена, что чувствовала по этому поводу. Если отпустила гнев, то что осталось, кроме огромной зияющей дыры?

Ко второй неделе занятий Адам стал приходить на уроки французского позже. К четвертой неделе я не имела ни малейшего понятия, покажется он или нет. Обычно он приходил с девушкой или двумя, или тремя, и по большей мере это были девушки, которых я не видела прежде. Практически на каждое занятие (на котором появлялся), он приводил с собой новеньких, и я начала осознавать, что эти симпатяжки, следовавшие за ним по пятам, даже не учились в нашем классе — они просто приходили вместе с ним, ждали его и уходили с ним. Это *просто до чертиков* раздражало.

Пожалуй, моя светская жизнь могла бы спасти ситуацию. Каждую неделю Ди получала приглашения на вечеринки и пыталась тащить меня с собой, и каждую неделю я находила креативные способы отшить её.

Правда, не понимаю, чего она вообще хотела, чтобы её видели со мной на публике? После того, как страсти по поводу Адама утихли, и стало ясно, что он никогда не обратит на

меня внимания, я переключилась в режим отпетыго институтского гика. Ходила в кампус в штанах для йоги двухдневной стирки, мешковатых футболках и шлёпанцах, одетых на носок, а мои растрепанные волосы были собраны в небрежный хвостик. В половине случаев я даже не заморачивалась, чтобы надеть линзы и взамен появлялась в своих прямоугольных черных очках. Ди сморщила лоб, когда я вошла в кабинет истории, но я лишь усмехнулась ей. Когда я послала ей воздушный поцелуй, а она яростно отбила его, все, кто заметил произошедшее, наградили нас удивленными взглядами.

Ночи я проводила за учебой, а на выходных выполняла дополнительные задания. После того, как получила ту первую тройку по французскому, я реально поднажала в учебе. Когда Д-р Пуллмен предложил дополнительные баллы тем, кто выявит желание помочь ему в субботу обустроить новый лингафонный кабинет⁷, я вызвалась и потащила за собой Лэти. Мы помогли расставить наушники и оборудование, а затем установили программное обеспечение на компьютеры и проверили всё в действии. Доктор Пуллмен купил нам пиццу и даже отпустил пару шуточек, пока мы работали, и я поняла, что в действительности он довольно-таки классный. Упрямый, но классный.

На следующие выходные он предложил ещё дополнительных баллов тому, кто пожелает перевести коротенькую книгу с английского на французский. Очевидно, я оказалась единственной, кто принял его предложение. Перевела детскую книгу, которую написала в восьмом классе, и он дал мне запредельное количество дополнительных баллов, сказав, что моя история о малютке-единороге без рога необыкновенно трогательная на обоих языках. Я едва не визжала от восторга, когда прочитала написанные зелеными чернилами комментарии, торопясь сунуть бумагу Лэти под нос, чтобы он тоже смог их прочесть.

— Ты такая заучка, — произнес он, смеясь.

Когда наступили осенние каникулы, мне было немного тоскливо расставаться с Лэти. Он стал завсегдаем нашей комнаты, и даже Мейси выглядела более оживленной, когда он приходил. Но и по маме с папой я тоже скучала, так что чмокнула Лэти в щеку, и он попрощался со мной и Ди на парковке Walmart. Домой мы ехали порознь.

В воскресенье, после недельного отдыха с родителями, я оставляю машину у них дома и отправляюсь в общежитие с Ди. На долгом обратном пути в колледж мы останавливаемся на заправке. Пока она заправляет бак, я захожу внутрь, чтобы воспользоваться уборной и запасть жвачкой. По пути к машине я замечаю Ди, сидящую внутри и болтающую по *моему* телефону. Окна опущены, так что её голос доносится до меня, когда она холодно заканчивает предложение: «Очевидно, потому что она не хочет разговаривать с тобой».

В мгновение ока я преодолеваю последние несколько шагов, и влетаю в машину, как пуля, грубо вырывая телефон из руки Ди. Прикладываю его к уху, чтобы услышать заключительную часть ответа Брейди:

— ...не нравлюсь, но это касается только меня и Роуэн.

Следует долгая пауза, и я не имею ни малейшего понятия, что сказать. Может, просто повесить трубку?

— Алло? — произносит Брейди.

— Это я... — окидываю свирепым взглядом Ди и отхожу от её машины, нервно сглатывая. — Прости за это, — говорю, направляясь к багажнику, чтобы опереться.

— Роуэн... — его голос кажется неверящим, словно он не ожидал, что когда-нибудь снова меня услышит. Повисает неловкое молчание, ни один из нас не знает, что сказать. В

конце концов, он просто спрашивает:

— Как ты?

— Бывало и получше...

Он мог бы извиниться, что рассердило бы меня. Мог бы сказать «я так же», что рассердило бы меня. Или мог бы оправдываться, что тоже рассердило бы меня. В действительности же он спрашивает:

— Как тебе колледж?

— Вроде неплохо, — когда наступает еще одна неловкая пауза, добавляю. — Мне очень нравится мой профессор английского языка. И профессор французского тоже очень даже ничего.

Странно говорить с ним об этом... Так привычно, но странно.

— Здорово... Ты у Ди остановилась?

Я мельком оглядываюсь на машину, где сидит Ди, развернувшись на сидении, и с возмущенным выражением лица ловит каждое мое слово. Если кто из нас и должен быть сердит, так это я. Оттолкнувшись от машины, шагаю на заправку и обхожу здание для хоть какого-нибудь уединения.

— Да.

На другом конце провода раздается едва слышный вздох Брейди:

— Роуэн... — его слова пропитаны болью. — Ты всегда можешь вернуться домой. Я...

— Я знаю, Брейди, — глубоко вздыхаю. — Знаю.

— Я скучаю по тебе.

— Я тоже по тебе скучаю, — не подумав, произношу я и сразу же жалею об этом. Я очень скучаю по нему, но мне никогда не хотелось, чтобы он знал об этом. Не знаю, зачем сказала ему... Зачем я сказала ему об этом?! Прежде чем он сможет ответить, добавляю. — Слушай, Брейди, мне нужно идти. Ди ждет меня в машине.

Он молчит какое-то время, а потом произносит:

— Мы сможем еще поговорить? Вечером?

Когда я не отвечаю, засмотревшись на облупившуюся белую краску на стене заправки, он добавляет:

— Пожалуйста?

— Не сегодня... — я вздыхаю и устало тру пальцами переносицу. — Но... в ближайшее время, хорошо?

Он отвечает «хорошо» — ибо в действительности мы оба знаем, что ничего другого он сказать не может. Теперь слово за мной, и Брейди это знает. И, несмотря на то, что эта мысль, вероятно, должна придавать мне сил, чувствую себя слабой. Я хочу обнять его, простить и забыть то, что видела той ночью в клубе и всё, что произошло с тех пор.

— Я люблю тебя, Роуэн, — говорит он.

— Увидимся позже, Брейди.

Завершаю вызов и упираюсь лбом в холодную кирпичную стену.

Глаза заволакивают слезы, пока я не смахиваю их ресницами, позволяя упасть на чрезмерно выросшую траву, которая мне по щиколотки. Не думала, что разговор с ним так сильно повлияет на меня...

Смахиваю слезы, глубоко вдыхаю и каким-то образом мне удается взять себя в руки. Я иду обратно к машине Ди и забираюсь внутрь, не глядя ей в глаза.

— Прости, — произносит она, её рука покоится на замке зажигания, но не

поворачивает ключ. — Мне не следовало...

— Да, — прерываю я, — тебе не следовало.

Большую часть обратного пути в колледж мы едем в тишине, но спустя где-то час она достаёт из центральной консоли открытую пачку «Cheetos» и протягивает её мне. Я мгновение смотрю на неё, воспринимая это как «ветвь мира», а затем сую руку внутрь пачки и достаю одну штуку.

— Я сказала ему, что скучаю, — в конце концов признаюсь я.

Ди молчит, и я знаю, что ей приходится прилагать огромные усилия, чтобы держать рот на замке. Даже не знаю, зачем я ей сказала... Хочу ли я, чтобы она что-то ответила? Хочу ли, чтобы она кричала на меня и говорила какая я идиотка?

Поскольку я вполне уверена, что уже знаю это.

Глава 9

Ночью я лежу в постели, думая о Брейди, пытаюсь понять, почему любой ценой избегаю встречи с ним. Не потому что я всё ещё зла на него — я, безусловно, зла, но это не настоящая причина.

Причина в том, что я не знаю, насколько сильной буду, если мне снова придется взглянуть в его ясные голубые глаза. По телефону я чувствую себя достаточно сильной, чтобы сохранять самообладание, чтобы попроситься. Но если мне нужно будет окончательно с ним порвать... смогу ли я сделать это, глядя ему в глаза, когда Брейди попросит у меня прощения и скажет, что любит?

Мне не хватает любви. Потому что я слабая. И жалкая. И... Боже, хотела бы я больше не скучать по нему. Лучше бы я была так же зла, как той ночью, когда подловила его на измене. Той ночью он взял моё сердце и разорвал его на две части. Теперь одна половина всё еще любит его, а другая предпочла бы изо всех сил биться самостоятельно, нежели воссоединиться во имя злоупотребляющего доверием изменщика.

Если бы я поговорила с Брейди сейчас, то уступила бы и сказала ему, что прощаю, даже несмотря на то, что моё сердце никогда его не простит. Я бы обняла его, поцеловала и затерялась в нём. А если я позволю себе сделать это однажды, знаю, что снова и снова буду поступать также. Но я не хочу быть таким человеком.

Я поговорю с ним. Поговорю. Просто... не сейчас.

На следующий день Адам не приходит на урок французского языка. Неудивительно. Как только д-р Пуллмен входит в кабинет, некоторые девушки в первом ряду поднимаются и уходят, осознавая, что сегодня Адама не будет. Лэти смеется, когда я пытаюсь сжечь их при помощи моей несуществующей суперсилы. В то же время д-р Пуллмен не выглядит счастливым, раздраженно сжимает челюсти, поднимаясь на кафедру.

Я не вижу Адама до среды, когда он появляется на двадцать минут позже с заправленной за ухо сигаретой. Проведенная вместе ночь теперь больше смахивает на воспоминание воспоминаний. Всё ещё помню каждую деталь, но это больше походит на фильм, который я пересматривала сотни раз, а не на то, что это на самом деле произошло со мной. Любуюсь Адамом издали так же, как и все девушки, которые ни разу по-настоящему с ним не разговаривали. Сегодня он чертовски восхитительно выглядит. Он одет в чёрные джинсы, которые, что весьма нетипично, не разорваны на коленях, и в длинную бледно-желтую футболку с логотипом группы, выполненном в черном цвете. Его руки всегда привлекают моё внимание: на пальцах громоздкие кольца, ногти покрашены черным лаком, а запястья увешаны множеством кожаных браслетов. Длинная цепь для бумажника свисает с

пояса его джинсов и качается, когда он идет на свое место в первом ряду.

По окончанию занятия Адам первым вскакивает с места, но д-р Пуллмен тут же останавливает его.

— Адам, задержись. Я бы хотел поговорить с тобой.

Я смотрю на его спину, когда он театрально вздыхает и оборачивается. Прислоняется к стене у двери, наблюдая, как все покидают аудиторию, и внезапно я начинаю паниковать. Теперь я на самом деле пересекусь с ним! Я никак не смогу избежать этого!

Собираю свои вещи со скоростью черепахи, пока Лэти наблюдает за мной с улыбкой до ушей. Клянусь, похоже, парень читает мои мысли.

— Что ты там копаешься? — дразнится он.

Я сердито смотрю на него, полуприсев на пол, собирая бумаги, которые намеренно уронила, чтобы выиграть немного времени. Надеюсь, д-р Пуллмен закончит разговор с Адамом до того, как я спущусь по лестнице.

Когда я поднимаюсь с пола, осознаю, каким ужасным был мой план: Адам, Лэти и я — последние три студента в аудитории.

Боже мой!

Но, возможно, он даже не узнает меня. Уверена, после *Mayhem* он был с десятками других девушек. С тех пор прошло больше месяца, и я не выгляжу так, как в ту ночь. Мои волосы собраны в небрежный хвостик, я в очках, зимних мешковатых штанах для йоги зеленого цвета и огромной ярко-синей футболке с эмблемой колледжа. Мои ногти покрашены ярко-розовым лаком, я обута в оранжевые шлёпанцы, и лицо у меня бледное-бледное.

Боже мой!

Делаю глубокий вдох и встаю. У Лэти такой радостный вид, что я в самом деле подумываю о том, чтобы выбить из него дурь, как только у нас не будет свидетелей. Подхожу к лестнице и затем спускаюсь на одну ступеньку, две, три.

— Адам, — произносит д-р Пуллмен, подходя ближе к нему. Они встречаются на полпути. — Я уже сбился со счёта, сколько раз ты опаздывал или вовсе не приходил на мой урок. Я мог бы закрыть глаза на это, если бы ты уделял *хоть немного* внимания заданиям или, по крайней мере, *пытался* выполнить их, но становится очевидно, что ты здесь... что ж, зачем ты здесь?

Д-р Пуллмен качает головой и продолжает, прежде чем Адам сможет ответить.

— Крайний срок, чтобы отказаться от предмета — пятница. Тебе не возместят оплату за курс, но ты не получишь неудовлетворительный балл. Если не откажешься — я поставлю тебе ноль. Я устал от твоих опозданий и прерывания моих лекций.

— Но мне нужен этот предмет, чтобы получить диплом... — произносит Адам так, словно ему даже мысль в голову не приходила, что он может не сдать.

— Возможно, тебе стоило подумать об этом раньше, — бесцеремонно сообщает ему д-р Пуллмен.

А затем необъяснимым образом, прежде чем я даже смогла осмыслить, что делаю, из моего рта начинают вылетать слова:

— Доктор Пуллмен, извините, — произношу я, становясь рядом с крайне удивлённым Адамом. — Сегодня он опоздал по моей вине...

Ого, да?!

— Я... этим утром мы с Адамом просматривали лекции, и... я потеряла счёт времени, а

он был голоден, и поэтому я сказала, что ему следует зайти в Львиное логово, чтобы перекусить, что-то типа сэндвича с беконом или с курицей, или даже тарелку супа или что-то ещё...

Ладно, я совершенно бессвязно трещу, при этом все смотрят на меня так, словно я сумасшедшая. В ответ на их взгляды я очаровательно улыбаюсь.

— Сами понимаете, чтобы избежать приступа гипогликемии и всякого такого. Но в любом случае, это моя вина, он действительно старался улучшить свои знания и сильно опоздал, потому что стремился преуспеть в этом предмете.

Ложь, ложь, ложь!

Доктор Пуллмен подозрительно изучает меня.

— Ты помогала ему разбирать лекции?

— Да, — энергично киваю я. — Мы... мы уже договорились о репетиторстве на эти выходные. Он на самом деле хочет улучшить свои знания.

Доктор Пуллмен смотрит на Адама, который по-прежнему пялится на меня с чрезвычайно шокировано-растерянным выражением лица.

— Это правда?

Адам медленно переводит взгляд на д-ра Пуллмена.

— А... да, правда. Репетиторство... на выходных...

Доктор Пуллмен тяжело вздыхает, обдумывая эту новую информацию, переводя взгляд с меня на Адама и обратно.

— Ладно. Роуэн, если ты сможешь ему... и, Адам, если ты серьезен насчет этого... ещё один шанс. И больше не опаздывай.

Я киваю и выхожу из кабинета, оставив позади Лэти и Адама. Ради всего святого, что я сделала, а еще лучше, зачем я это сделала?

— Эй, — зовет меня Адам, когда я продолжаю идти. Не имея ни малейшего понятия, что делать с произошедшим, взволновано поворачиваюсь к нему лицом. За его спиной стоит Лэти и широко улыбается. Подмигнув мне, он молча уходит прочь.

— Это было... эм... — Адам мило чешет подбородок. — Зачем ты это сделала?

Судя по тому, как парень на меня смотрит, могу сказать, что он понятия не имеет, кто я такая. И я не уверена, легче мне от этого, или я до такой степени разочарована, что мне нужно пропустить лекцию по риторике, чтобы поваляться в комнате Ди.

— Выглядело так, будто тебе не помешала помощь, — отвечаю я, вынуждая себя пожать плечами, словно помогать людям — привычное для меня дело.

Мгновение он изучает меня, и я уже не так уверена в своем предположении, что парень меня не узнает.

— Мы знакомы?

В ответ я слишком энергично качаю головой.

— Нет, не думаю.

— Ты уверена? — он слегка наклоняет голову, и я едва не впадаю в экстаз. — Твоё лицо мне очень знакомо.

— Уверена, — лгу я.

— Уверена, что никогда не была ни на одном из моих концертов?

Я обдумываю вести себя так, словно понятия не имею, ни кто он такой, ни то, что он играет в группе, но решаю, что это будет чересчур — Адам, скорее всего, станет ещё более настороженным.

— Не-а. Я лишь подумала, что тебе не помешает помощь... Прости, это был порыв.

— Нет, — выпаливает он, когда я начинаю отворачиваться. Я поворачиваюсь обратно. — Нет. Нет, всё нормально... Спасибо.

Адам улыбается, и его улыбка оживляет в моей памяти шквал воспоминаний. Он прижимает меня к кухонной стойке. Мои розовые босоножки на высоком каблуке, лежащие в проходе гастрольного автобуса. Он ведет меня вверх по лестнице. Я молю его помочь мне забыть Брейди. Парень ухмыляется и просит меня считать в обратном порядке от десяти. Чувствую, как краснеют мои щеки, прежде чем Адам добавляет:

— Я действительно думаю, что репетиторство — именно то, что мне нужно.

— А?

— Репетиторство. В эти выходные.

— Ой...

— Мы ведь теперь в любом случае должны позаниматься, да? Я имею в виду, если я не получу более-менее приличный балл по тесту в понедельник, нам обоим не поздоровится. Он поймет, что ты просто прикрываешь меня.

Чёрт возьми. Я не подумала об этом.

— Только есть одна проблемка, — говорит Адам, — у меня на этих выходных несколько концертов не в городе...

Он достает пачку сигарет из заднего кармана и держит их в руке, обдумывая ситуацию, уставившись в землю. Затем поднимает взгляд на меня.

— Тебе придется поехать со мной.

— Мне что?

— Я имею в виду... ты можешь? У тебя есть планы на выходные?

— Нет, но я...

— Хорошо. Можем выехать завтра утром.

Он улыбается мне так, словно нет никаких сомнений, что я с ним поеду.

— Нет, мы уж точно не можем выехать завтра утром! — я практически кричу.

— Почему нет?

— У меня занятия...

Адам хмурится.

— До сколько?

— До двух.

Он пристально изучает меня, его губы шевелятся, пока он выполняет в уме какие-то арифметические операции.

— Ладно, пойдёт. После занятий я заберу тебя у главного входа. Мы вернемся в воскресенье вечером, так что не забудь взять какие-то вещи.

— Я даже не знаю тебя! — возражаю ему.

Адам усмехается и протягивает мне руку:

— Адам Эверест.

Я устояла на его руку, слишком потрясенная, чтобы принять её. Он смеётся, берет меня за руку и пожимает её.

— Приятно познакомиться. Спасибо, что спасла мою задницу.

Глава 10

Ди, Лэти, Мейси. Мейси, Лэти, Ди. Их лица мелькают передо мной туда-сюда, пока я на нетвердых ногах вышагиваю по комнате, пропуская волосы сквозь пальцы.

— Я ни в коем случае не могу поехать!

После моего разговора с Адамом, вместо того чтобы пойти на занятие по риторике, я отправилась в общежитие и запаниковала. К моменту появления Ди и Лэти я довела себя до приступа панической атаки.

Ди игнорирует меня и достает из шкафа два практически идентичных топа — розовый и цвета морской волны. Когда я рассказала ей о предложении Адама, она так громко завизжала, что я в прямом смысле слова съежилась. Она тут же начала активно рассуждать о том, как мы повеселимся (так как она провозгласила нас «комплект»), пока я не напомнила подруге, что её первая рабочая смена в роли официантки намечена на эту субботу. Она весь месяц рассылала резюме и на прошлой неделе её наконец-то пригласили на собеседование. Вероятно, Ди напрочь заболтала владельца, так как он нанял её на должность, для которой она даже отдалённо не подходит. Теперь перенесемся на час вперед (после того, как я подробно объяснила ей, почему пропуск первой рабочей смены — очень плохая идея). Ди занята сбором моего чемодана, в сотый раз игнорируя мои доводы о том, что я не могу поехать.

Она изучает топы, а затем подходит и по очереди прикладывает их ко мне. Довольная собой, возвращает топ цвета морской волны в шкаф, а розовый бросает в чемодан.

Лэти наблюдает за нами, развалившись в кресле Мейси и скрестив ноги на её столе.

— Почему ты не можешь поехать? — спрашивает он у меня. — У тебя даже занятий по пятницам нет, ты ничего не пропустишь.

— Потому что! Это безумие!

Как правило, Мэйси — голос разума, но она спрашивает:

— Почему это безумие?

Серьезно?! И она туда же?

— Потому что я даже не знаю его!

— *Все* его знают, — отвечает Лэти, глядя, как Ди кладет на пол три черных юбки, сравнивает их, а затем бросает самую короткую в чемодан.

Я резко сажусь на кровать, упершись локтями о колени.

— Очень плохая идея.

Ди показывает две пары обуви на каблуке, и я бледнею при виде ярко-розовых босоножек, которые надевала в Maunet.

— Лэти, — произносит подруга. — А, — поднимает пару розовых босоножек, — или Б? — поднимает черную пару.

— Ммм, — мычит Лэти, потирая воображаемую бороду. — Обе.

Ди признательно улыбается ему и кладет обе пары в чемодан.

— Диандра! — рывкаю я. — Ты зря тратишь время!

На следующий день я иду в кампус чемоданом, катящимся вслед за мной. Он грохочет, перескакивая и переворачиваясь на трещинах в тротуаре. Как, ради всего святого, у Ди всегда получается уговорить меня на подобное?

В разгар нашего спора она вынудила меня признаться, что я не верю в то, что Адам плохой парень или что он воспользуется мной. Даже заставила меня признать то, что я, скорее всего, немного развлежусь. В конечном итоге, полагаю, именно она напомнила мне о последствиях отказа от поездки, чем окончательно и убедила меня. Если я не поеду — Адам провалит тест. И даже несмотря на то, что это негативно отразится на мне, признаюсь, главная причина моей поездки заключается лишь в том, что я искренне хочу ему помочь.

Если ему нужен этот предмет, чтобы получить диплом — ему нужна моя помощь. Я многим ему обязана после того, что он сделал для меня той ночью в Mayhem.

Когда в 14:30 возвращаюсь в кампус, я оглядываюсь вокруг в поисках Адама, но нигде его не вижу. Замечаю лишь черный кабриолет Самаго, стоящий на парковке в окружении девушек. Блондинка сидит на багажнике машины с опущенной крышей, а две других девушки стоят рядом с кабриолетом, обрамляя пару темно-серых кроссовок, выставленных в открытое окно. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, чьи ноги в тех кроссовках, так что я глубоко вдыхаю и иду к машине. Когда я подхожу ближе, девушки поднимают головы, чтобы взглянуть на меня. Сперва выражения их лиц напоминали мне взгляд, которым одарил меня Лэти в первый учебный день, когда узнал, что я первокурсница и решил, что я заблудилась. Затем их лица искажаются в гримасе неприязни, словно они не могут поверить в то, что я на самом деле приближаюсь, чтобы поговорить с (ах!) Адамом Эверестом.

Я не обращаю на них внимания и подхожу прямо к его кроссовкам, глядя сверху-вниз на него, растянувшегося на заднем сидении. На глаза надвинуты солнцезащитные очки глаза, а обе руки закинута за голову. Девушка, сидящая на багажнике машины, упирается своими накрашенными розовым лаком пальчиками ног в его живот, но он, кажется, не возражает. Когда Адам замечает меня, то медленно садится, скидывая ноги девушки со своего тела. Она сердится и пытается парализовать меня отравленными кинжалами, которые мечет своим взглядом, но Адам не замечает этого.

— Я уже начал сомневаться, что ты придешь.

— Мне пришлось возвращаться в общежитие, что забрать вещи, — прикрываясь рукой от солнца, отвечаю я.

Адам перепрыгивает через борт машины, хватая мой чемодан и бросает в багажник.

— Круто. Я готов валить отсюда.

Он смотрит на девушку, которая всё еще сидит на багажнике, но она не двигается с места, пока он не протягивает ей руку и не помогает спуститься.

— Адам, — скулит одна из девиц, — ты уверен, что мы не можем поехать?

— Сожалею, — произносит он, прыгая за руль. — Я должен учиться.

Девушка смотрит на меня, нахмурив свои идеально изогнутые брови, когда я бросаю свой рюкзак на заднее сидение и сажусь рядом с Адамом.

— Я не думала, что ты это всерьёз... — она оценивает мои ярко-голубые леггинсы, мешковатую черную футболку и очки. — Но, похоже, так и есть.

Закатываю глаза. Безусловно, я бы не оделась так ради её удовольствия. Я выбрала данный наряд, чтобы убедиться, что Адам запомнил меня, как заучку из его класса, а не как милашку Персика из Mayhem.

Самаго Адама издает ровный гул, и мы выезжаем на дорогу. Ветер грозит перевести мой неаккуратный пучок на совершенно новый уровень небрежности.

— Итак, — произносит он, руля одной рукой, — ты живешь в кампусе?

— Ага, — я собираю выбившиеся пряди обратно в пучок, закрепляя резинкой. — Э, нет. То есть... типа того.

Супер, ну и лажа. У этой поездки и без того эпичное начало.

Адам поднимает очки, которые в свою очередь поднимают его прямые каштановые волосы, и я в очередной раз лишаясь дыхания от вида его серо-зеленых глаз. С трудом перевожу взгляд на дорогу, когда он смотрит на меня и спрашивает:

— Как это ты «*типа*» живешь в кампусе?

— Мне так и не удалось найти жилье, так что я живу с подружкой, пока ищу место.

Это по большей мере правда, поэтому не чувствую себя слишком виноватой за сказанное. В действительности я не искала жилье, но знала, что нужно. Председатель общежития в курсе, что я живу в комнате Ди, даже несмотря на то, что это против правил, она вошла в наше положение. Но если я в ближайшее время не съеду, знаю, она непременно сообщит об этом, а мне меньше всего хочется, чтобы у Ди или Мейси были из-за меня проблемы.

Я поинтересовалась у Адама, живет ли он тоже в кампусе, и узнала, что он делит квартиру с Шоном, своим товарищем по группе, проживая вне кампуса. Вспоминаю, как Адам облизал лицо Шона в автобусе, и улыбаюсь. Могу лишь представить, на что похоже их жилище. Спустя некоторое время достаю телефон и интересуюсь у Адама, куда именно мы едем.

— Повсюду, — отвечает он, непринужденно улыбаясь.

— Можно конкретнее? Хочу сообщить нескольким людям, где я буду.

Он удивленно поднимает бровь и молчит, пока я не добавляю:

— Ну, сам знаешь, на случай, если ты решишь меня убить. Хочу, чтобы мои друзья знали, где искать тело.

К моему большому облегчению, Адам смеется, и глупая улыбка наконец-то появляется на моем лице. Я слушаю его рассказ о нашем маршруте. Сегодня вечером мы будем примерно четыре часа в дороге, прежде чем доберемся до первой концертной площадки. Завтра — около пяти часов в пути, прежде чем доедем до второй концертной площадки. В субботу нас ждет четырехчасовая поездка к площадке для финального выступления, а в воскресенье мы будем шесть часов ехать обратно в колледж.

— Ё-моё, — отвечаю я. — Неудивительно, что ты отстаешь в учебе. Это безумие.

— Так не каждые выходные, — говорит он, кладя руку с накрашенными черным лаком ногтями на рычаг переключения передач, когда мы выезжаем на шоссе. — И большую часть времени я путешествую на гастрольном автобусе, так что мне действительно нет оправдания.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У вас собственный гастрольный автобус? — спрашиваю я, вспоминая, насколько он прекрасный и задаваясь вопросом, как группа может себе его позволить.

— На самом деле он не наш, — отвечает парень, — но у нас есть друг, который позволяет нам его брать.

— Почему ты не взял его на этот раз?

Он поворачивается ко мне лицом и улыбается.

— Потому что у моего репетитора по французскому были занятия до двух часов дня.

— Ой.

Боже, я залилась румянцем от смущения, и не уверена: я счастлива от того, что он ждал меня или мне *стыдно* от этого...

— Прости...

— За что ты извиняешься? — он явно сбит с толку. — Ты прикрыла меня, когда Пуллмен был близок к тому, чтобы дать мне пинка под зад, а теперь отправилась со мной в трехдневную поездку по двум штатам, чтобы помочь подготовиться.

Ладно, он верно подметил.

— Ну, в таком случае, не стоит благодарности.

Он одаривает меня улыбкой, и я шучу:

— Жду пропуск за кулисы на все ваши концерты.

— Всё, что захочешь, — он снова смотрит на меня, — только попроси.

Ладненько, он что, *заигрывает* со мной? Может быть, мне показалось, но то, как он произнёс это и как смотрит на меня... от этого у меня мурашки по всему телу.

Я сглатываю и сосредотачиваюсь на телефонных столбах, обозначающих расстояние, справа от меня.

— Ладно, не хочешь позаниматься французским сейчас?

Чем угодно, лишь бы отвлечь мозг от его губ и того, какими они были нежными, когда касались моей шеи. Я покосилась на рюкзак, лежащий на заднем сидении.

— Сейчас?

— Ага.

— Честно? Думаю, я предпочел бы разбить эту машину.

Не выдержав, я рассмеялась, хотя, наверное, не стоило. Зная Адама, не сомневаюсь, он говорил серьезно.

— Ладно. Значит когда?

— Позже.

— Типа позже во время этой поездки? — я выставляю локоть в открытое окно, наслаждаясь прохладой воздуха. Сейчас мы проезжаем пригород, и я наблюдаю в боковое зеркало, как город становится всё меньше и меньше позади нас.

— Типа позже-позже.

— Значит, когда доберемся до концертной площадки?

— Скорее... позже-позже-позже.

Я смеюсь, а он улыбается мне в ответ.

— Вечером? — я убираю руку обратно в салон и потираю, чтобы разогреть.

Вытянув сигарету из пачки, Адам зажимает её между губами и включает прикуриватель.

— Возможно? — он прижимает прикуриватель к сигарете и затягивается, пока кончик не загорается. — Не люблю строить планы.

Возвращает на место зажигалку и затягивается сигаретой. От него трудно отвести взгляд, когда парень сидит вот так — опершись локтем одной руки о дверцу автомобиля, а другой рулит, зажав между пальцами сигарету. Даже когда я отворачиваюсь, не могу перестать представлять его, сидящего в паре сантиметров от меня, в темно-синей футболке и выцветших джинсах. Может, всё дело в его черных ногтях или браслетах, длинноватых волосах или сигарете, которую он притягивает к своим фронтменским губам. Но, Боже, он такой типичный плохой парень. Адам из тех парней, которых обожают девчонки, потому что они ни при каких обстоятельствах не смогут познакомить их с родителями.

Спустя какое-то время, проведенное в тишине, Адам подключает телефон к аудиосистеме и вручает его мне, чтобы я выбрала музыку. У него слишком много песен, это возмутительно. Множество групп, которые я никогда не слышала, поэтому я рискнула и включила «случайное воспроизведение» музыки. Радуюсь, когда первые несколько песен оказываются знакомыми. Музыка поглощает все мои дурные предчувствия по поводу этой поездки, я опускаю сидение и закрываю глаза, позволяя солнцу согреть мою едва загорелую кожу.

— Так ты фанатка? — спрашивает Адам.

Я предполагаю, что он говорит о своей группе, а не о звучащей из динамиков. Не открыв

глаз и не повернувшись к нему лицом, отвечаю:

— Я не очень много ваших песен слышала, но они мне понравились, — поворачиваюсь к нему лицом и улыбаюсь, прикрываясь рукой от солнца. — Ты очень талантлив.

Он тепло улыбается мне и интересуется, предвкушаю ли я их сегодняшнее выступление.

На самом деле я чрезвычайно волнуюсь из-за того, что Ди не будет рядом. Я никогда не ходила на концерт или в клуб без неё, и даже *без* добавления Адама Эвереста в эту смесь, в одиночку это будет пугающе.

— Немного странно, что я буду там совсем одна.

Адам усмехается.

— Ты будешь не одна. Я буду там. И я познакомлю тебя с ребятами. Не волнуйся. Будет круто.

Не знаю, что в нем такого, но он всегда так уверен в своих словах, что я тоже чувствую себя уверенно. Приятное чувство умиротворения заполняет меня, и я, повернувшись лицом к солнцу, снова закрываю глаза.

— Хорошо.

Мы провели примерно полчаса в дороге, когда начала играть какая-то совершенно ужасная кантри-песня.

— Боже мой, — восклицаю я, вытаращив глаза. — Не могу поверить, что ты слушаешь кантри!

Я не могу удержаться от смеха, а Адам лишь улыбается. Он посылает мне дьявольскую ухмылку и начинает подпевать. Громко. Я истерически смеюсь, когда он имитирует высокий, гнусавый голос и поет о пикапах, девушке с соседнего двора и о футбольных матчах.

— Прекрати! — шучу я, хлопая ладошками по ушам. Но Адам лишь смеется в ответ, выкручивает громкость на максимум и еще громче подпевает. Крича изо всех сил, он излишне выделяет йодль-тон⁸ и южный акцент. Всё еще безудержно смеясь, достаю его телефон из подстаканника, чтобы сменить песню, но пока ищу что-то получше, приходит смс от какой-то девушки по имени Джейлин.

Надеюсь, ты повеселишься на выходных, но судя по виду твоей заучки-репетиторши, очень в этом сомневаюсь. Позвони мне, когда захочешь предаться фантазиям;)

Я сразу же перестаю смеяться.

— Вот блин!

Адам полностью отключает музыку, когда замечает выражение моего лица. Я быстренько передаю ему телефон.

— Прости, я не собиралась читать смс. Оно просто открылось.

Прочитав сообщение, он закатывает глаза, вздыхает и возвращает телефон мне.

— Ответь ей, как посчитаешь нужным. Только не говори, что это от тебя.

— Ась?

— Задай ей жару. И что бы ты ни написала, я хочу, чтобы она думала, что оно от меня.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

Я одариваю его скептическим взглядом, но он лишь делает еще одну затяжку сигареты и тушит её в пепельнице, при этом ничуть не выглядя обеспокоенным.

Я не фантазирую о герпесе. Прости!

Возвращаю телефон Адаму, надеясь, что он посмеется над сообщением, прежде чем удалить его. Он одобрительно смеется и отдает телефон мне.

— Идеально. Отправляй.

Я вытаращила на него глаза.

— Ни за что!

Адам вырывает телефон из моей руки и нажимает «отправить», прежде чем я смогу удалить сообщение. Я сижу с отвисшей челюстью, на что он лишь усмехается.

— Она заслужила.

— Она больше никогда не заговорит с тобой.

— Уверен, что заговорит. Вот увидишь. Она пришлет мне смс через три... — он переводит взгляд на телефон, который поставил в подстаканник. — Два... — указывает на телефон так, словно может его заколдовать. — Один!

Когда ничего не происходит, он хмурится:

— Чёрт, насколько дерзко это было?

Терпеть не могу себя за то, что хихикаю над ним, но он такая милаха. Несколько секунд спустя телефон оповещает о новом сообщении, и Адам ухмыляется.

— Я же говорил.

— Она, наверное, шлёт тебя куда подальше.

Он берет телефон, читает смс, а затем с ликующей улыбкой на лице показывает мне экран.

:(Я что-то не так сделала? Пожалуйста, не злись на меня.

— Печалька, — я качаю головой.

— Рад, что не единственный, кто так думает.

Его слова удивляют меня — я изумленно смотрю на него, но взгляд Адама вновь устремлен на дорогу, а очки надвинуты на глаза. Он поворачивается, чтобы снова улыбнуться мне, но это длится всего-навсего секунду.

До этой улыбки я никогда не понимала таких девушек, как Джейлин. Теперь? Это так легко. Практически.

Глава 11

Я всё ещё жую чизбургер, когда Адам сбавляет скорость и заезжает на парковку концертной площадки. Шон сидит на ступеньках автобуса и хмурится, уставившись в мобильник — теперь ясно, кто последние двадцать минут разрывал телефон Адама. Заметив нас, парень сразу же встает, убирает телефон в карман и направляется в нашу сторону. Он не выглядит счастливым, и от этого мне внезапно становится тяжело проглотить пережевываемый кусок. Очень надеюсь, что Адам не влип, но более того, я очень, очень, *очень* надеюсь, что Шон не узнает меня.

— Ты опоздал, — говорит он Адаму. Его взгляд сужается на пакете с фаст-фудом на моих коленях, и от этого я чувствую себя виноватой за то, что приняла предложение Адама захватить что-нибудь поесть в автокафе по пути сюда. Я бы отказалась, если бы он сказал, что мы опаздываем, но Адам вел себя так, словно мы никуда не торопились.

— Ты удивлен, — произносит Адам, и, если бы это не было в ответ на взгляд Шона, я бы, наверное, выдавила из себя улыбку. Он подходит к машине с моей стороны и прислоняется к ней.

— Шон, это девушка, о которой я тебе говорил. Та, которая помогает мне с учебой.

— Роуэн, — добавляю я за него. Не удивлюсь, если он даже не помнит моего имени.

Шон протягивает руку и представляется, но кажется всё ещё взволнованным и подозрительно смотрит на меня.

— Мы знакомы?

— Да?! — прерывает Адам, когда я отрицательно мотаю головой. — Я тоже так сказал!

Плохо, как же это плохо.

Той ночью, когда я встретила Адама, Ди сделала мне макияж дымчато-розовыми тенями, а на ресницы нанесла слишком толстый слой туши. Губы накрашила розовой помадой, нанесла румяна и завила волосы, после чего впихнула в микроскопическую мини-юбку, ярко-розовые босоножки и провокационный розовый топ. Хотя в клипе снимайся. Когда перед уходом я увидела свое отражение в зеркале — с трудом узнала в нём себя, так что молюсь, что Шон тоже не узнает меня.

Стараюсь звучать искренне, когда отвечаю:

— Не-а. У меня, должно быть, просто черты лица такие.

— Уверена? — спрашивает Шон, всё ещё внимательно разглядывая мои блеклые веснушки. — У меня очень хорошая память на лица. Клянусь, я где-то тебя видел...

Пожимаю плечами.

— Насколько мне известно — нет. Но всё может быть.

Иду к задней части автомобиля, надеясь, что некоторое расстояние затуманит воспоминания Шона, и прошу Адама открыть багажник.

После того, как я забираю свои вещи, ко мне подходит Адам.

— Мне пора. Мы должны были начать выступление, — он смотрит в телефон, — пятнадцать минут назад. Просто отдай свои вещи Водиле. Он... эм... водитель автобуса.

Адам хохочет, увидев мой взгляд.

— Скажи ему, что ты со мной и чтобы он запер автобус и провел тебя за кулисы, хорошо?

— Хорошо, — киваю в ответ.

Мне действительно кажется, что я должна извиниться перед парнем за то, что он снова опоздал из-за меня. Но знаю: Адам скажет не извиняться, так что вместо этого благодарю его за еду.

— Не за что. Увидимся внутри, — он дружелюбно улыбается.

Парень не заморачивается над тем, чтобы поднять крышу кабриолета, и просто исчезает вместе с Шоном. Я закрываю багажник и иду к автобусу. Дверь всё ещё открыта, поэтому подхожу и громко кричу:

— Ку-ку?

Молодой паренёк в джинсах, столь изношенных, что они выглядят старше меня, останавливается посреди ступенек. Его взгляд мечется между мной и открытой дверью, затем он бурчит, что-то типа «Долбаный Шон» и сетует:

— Я сказал ему закрыть эту чертову дверь!

Этот парень на вид не старше Адама, с пышной копной рыжеватого-каштановых вьющихся волос и легкой щетиной. Из-за длинной, мешковатой майки с Черепашками-ниндзя он выглядит ещё более худощавым и долговязым, чем есть на самом деле.

— А... Привет, я Роуэн, — когда становится ясно, что ему это ни о чем не говорит, добавляю: — Адам просил сказать тебе, что я с ним.

Парень смерил меня взглядом.

— Так ты значит репетитор, да?

Сомневаюсь, что соответствую его ожиданиям, но он дружелюбно улыбается мне и пожимает руку.

— Я Водила.

— Приятно познакомиться, — стучу пальцем по чемодану. — Куда мне положить свои вещи?

— О, давай помогу. Подожди минутку.

Он забирает мой чемодан и рюкзак и исчезает наверху лестницы. После того, как Ди упаковала его для меня, я выбросила всё и начала заново. Всё это время она сидела с надутыми губами, выражая недовольство по поводу непривлекательных вещей, которые я решила взять с собой. Балетки. Джинсы. Леггинсы. Футболки. По сути, полная противоположность тому, что надела бы “Персик” Адама.

После того, как Водила спрыгнул на первый этаж, я передала ему просьбу Адама запереть автобус и провести меня за кулисы. Он запирает автобус и ведет меня через парковку. Несмотря на то, что шоу уже началось, перед входом всё ещё длинная очередь, но Водила идет напрямик в её начало и говорит вышибале, что я с ним. Глядя на девушек, стоящих в очереди, внезапно кажусь себе одетой совершенно неподобающе (а значит совершенно безвкусно) и абсолютно не к месту в своих голубых леггинсах, черной футболке и такого же цвета шлёпанцах. И не то чтобы у меня было что-то получше в чемодане. Хмурюсь, понимая, что должна была хоть раз послушать Ди, даже несмотря на то, что я ни за что не признаюсь ей в этом, когда она будет допрашивать меня во время следующего телефонного разговора.

Когда мы заходим внутрь, мне нужно время, чтобы привыкнуть к темноте. Вдруг я слышу голос Адама, и мой взгляд сразу же устремляется на сцену. Бабочки. Очень много бабочек. Почему это чувство, которое я испытывала, сидя рядом с ним, усиливается в... тысячу раз, когда я вижу его стоящим на сцене? В свете софитов его обычная темно-синяя футболка и рваные джинсы превращаются... уф, даже не знаю. Он безнадежно сексуален. Передняя часть рубашки заправлена за шипованный ремень, и Адам постоянно проводит рукой по волосам. Интересно, знает ли он, как всё это действует на девушек в толпе?

Судя по уверенной ухмылке на его лице, полагаю, что знает.

Адам разговаривает с толпой, смеясь с Шоном и раззадоривая поклонников, пока мы с Водилой пробираемся вдоль стен за кулисы. Под моими ногами вибрирует пол, когда начинается первая песня. Это круто. Серьезно — очень круто. Снова подлавливаю себя на том, что пялюсь на группу. Их пятеро: Адам спереди по центру, Шон справа от него. Слева, позади Адама, парень гораздо ниже и... ну, хуже. Хотя, возможно, это лишь потому, что Адам слишком... *Адам*. Даже не стараясь, он притягивает к себе всё внимание. У низкого парня светло-русые короткие волосы, его взгляд сосредоточен на гитаре, на которой он играет. Ближе к авансцене ещё один гитарист, он щеголяет взъерошенным ирокезом из светло-русых волос. Парень одного с Адамом роста, а судя по тому, как его обтянула неоновно-желтая футболка — могу сказать, что он, должно быть, занимается спортом. Позади всех — барабанщик, парень слегка крупнее остальных, с остриженными каштановыми волосами. Он так сильно и быстро стучит на барабанах, что мои глаза хорошенько разминаются, лишь следя за его палочками. Парень полностью погрузился в песню, всем телом двигаясь в такт. Я, наверное, всю ночь могла бы наблюдать за ним, но в какой-то момент ритм замедляется, инструменты затихают, и остается лишь Адам.

Неожиданно чувствую прикосновение руки к моему локтю, и осознаю, что я

остановилась. Просто стою, практически раздевая Адама глазами. Поднимаю взгляд на Водилу, который кивает на дверь позади нас, и следую за ним. Он показывает пропуск охране, и мы проскальзываем внутрь.

— Была когда-нибудь за кулисами? — он ведет меня по коридору, заполненному оборудованием групп и спящими людьми.

— Нет, — качаю головой в ответ.

Он ухмыляется, глядя на меня.

— Это снесет тебе крышу!

Он открывает дверь, ведущую к лестнице. От оглушающей музыки в моих венах бурлит кровь. Я загипнотизирована игрой ребят, наблюдая за ними с такого места, к которому у большинства людей никогда не будет доступа. Они стоят спиной ко мне, но каждый раз, когда Адам поворачивается в мою сторону, проходя по сцене, моё сердце словно перестает стучать. Он чувствует себя на сцене так же уверенно, как и в тот момент, когда пел мне в машине. Возможно, даже более уверенно, как бы абсурдно это не звучало. Когда дело доходит до припева, он приседает на край сцены и направляет микрофон в толпу. Все поют в унисон, покачиваясь, как серферы на волнах. Фанаты в передних рядах тянутся вперед, чтобы прикоснуться к кроссовкам Адама, потрепанным краям его джинсов. Он поднимается и снова ходит по сцене, и, когда его взгляд встречается с моим, уверена — я выгляжу так же ошеломленно, как и чувствую себя. Адам улыбается и подмигивает мне (*реально подмигивает*), и я удивлена, что не падаю в обморок. Но затем он поворачивается ко мне спиной и продолжает петь, так что я снова могу дышать.

Могу ли я всё ещё называть себя девственницей после его подмигивания? Божечки...

Следующая песня начинается тихо. Кто-то пронесется мимо, неся стул для Адама. Он ставит микрофон на стойку и держится за него, напевая своим прекрасным и в той же мере проникновенным голосом. Он поет о разбитых сердцах и девушках, которым следовало быть осторожными. Несомненно, он — автор песни. Текст не передает эмоций, но то, как Адам исполняет её... я словно могу почувствовать каждое слово.

В какой-то момент Водила исчезает, но я не уверена, когда и куда он ушел, и, если честно, меня не очень-то это и волнует. Я впитываю каждую секунду выступления, зная, что приняла верное решение, когда решила поехать. Ди была права насчет «исключительной» возможности. Нужно будет приуменьшить значение всего этого во время завтрашнего разговора с ней, чтобы она до конца жизни не припоминала мне это.

По окончании шоу в животе скручивается тугий узел. Вскоре я встречу лицом к лицу с Адамом, после того как стала свидетелем спектакля, которой он только что разыграл, и... уф, я чёртова фанатка! Как я должна разговаривать с ним после увиденного?! Просто нет слов! Каждая девчонка в этом здании хочет его, но я единственная, кто разделит с ним гастрольный автобус сегодня.

Буду ли я единственной?.. Даже не думала об этом...

Когда Адам с ребятами исчезает из поля зрения толпы, фанаты начинают скандировать: «Еще одну песню!». Но всё это по плану. Большинство ребят стоят на краю сцены, переводя дух, глотая воду, смеясь и рассказывая шутки. Адам жадно выпивает бутылку воды, а затем практически перескакивает ступеньки, заметив меня, смущенно стоящую в стороне. Он направляется прямо ко мне.

— Как тебе выступление?

Его зрачки расширены от возбуждения, его энергия заполняет меня, я успокаиваюсь и

улыбаюсь ему.

— Думаю, вы были потрясающими!

Адам расплывается в улыбке.

— Мы должны исполнить ещё одну песню, а затем я представлю тебя ребятам.

После завершающей песни вся группа собирается вокруг меня — как будто я и без этого не чувствую себя достаточно маленькой.

— Это моя одногруппница, — представляет меня Адам, а затем указывает на низкого белокурого гитариста. — Это Коди.

Затем — на гитариста с ирокезом:

— Джоэль.

После этого представляет мне барабанщика:

— Майк. Ну, а с Шоном ты уже знакома.

Я улыбаюсь Шону и махаю рукой остальным ребятам.

— Роуэн. Приветтики.

Мне немножко интересно, потрудится ли Адам когда-нибудь представить меня по имени, но на самом деле, сейчас это не так уж и сильно меня волнует. Глядя на всех этих вспотевших рок-парней, стоящих передо мной, я стараюсь не чувствовать себя коротышкой. Выдавив из себя улыбку, произношу:

— Ребят, вы были великолепны! Ты был офигительно потрясающим! — киваю барабанщику Майку.

Он выглядит совершенно обалдевшим, смотрит на парней, потом оглядывается через плечо, словно сомневается, что я с ним говорю.

— Я?

— Да, ты! Я никогда не видела ничего подобного!

Судя по выражению его лица, полагаю, Майк не привык первым получать комплименты после выступления — с Адамом и Шоном не потягаешься. Он отходит от ребят, приобнимает меня за плечи, а затем уводит прочь.

— Куда мы идем? — смутилась я.

— Жениться. Немедленно. Прости, Адам!

Я оглядываюсь через плечо, но ребята следуют за нами и смеются. Адам так мило улыбается мне, что я даже в мочках ушей чувствую свое сердцебиение. Майк ведет нас по тому же пути, по которому я пришла сюда, но, когда он открывает дверь на улицу, стена фанатов преграждает нам путь. Вечер превращается в хаос из автографов и снимков. Рука Майка спадает с моего плеча, когда он позирует с фанами, а я просто стою, чувствуя себя не в своей тарелке и мечтая слиться со стеной или телепортироваться в менее ужасное место. Подумываю о том, чтобы улизнуть отсюда (не то чтобы мне на самом деле придется красться, так как, кажется, все позабыли о моем присутствии), когда другая рука обнимает меня за плечи. И от неё по моей коже пробегают мурашки, потому что, когда я поднимаю взгляд — мне улыбается Адам. Кончики его волос и воротник футболки потемнели от пота, а тело огненно-горячее от прыжков на сцене на протяжении всего вечера.

Парень наклоняется и говорит мне на ухо, чтобы я могла расслышать его голос среди криков толпы:

— Готова выбраться отсюда? — даже когда он произносит это, я слышу хор девчачьих голосов, зовущих его по имени.

Киваю в ответ.

Адам берет меня за руку и ведет через толпу, игнорируя фанов. Мы проскальзываем через охраняемый черный вход, и, как только выходим, он прислоняется к двери.

— Так ты повеселилась сегодня? — спрашивает парень, вытаскивая из пачки сигарету и поджигая её.

— Очень, — искренне отвечаю я. — Никогда не испытывала ничего подобного.

Адам ухмыляется мне, одной ногой упершись в дверь.

— И Майк был лучшим, да?

Пожимаю плечами и дразню его в ответ:

— Думаю, ты тоже был неплох.

Адам усмехается и делает затяжку.

— Сегодня я был слегка не в форме. Обычно я не выступаю трезвый как стеклышко.

— Да ну?

Помню, как он наливал виски в свой бокал, когда в прошлый раз была в гастрольном автобусе. Я спросила, не нужно ли ему готовиться к выступлению, на что Адам ответил, что он *готовится*. Полагаю, выпивка перед шоу — часть его нормальной жизни.

— Да. Это было... иначе.

— В хорошем или плохом смысле?

— Просто иначе.

— Что ж, думаю, ты был великолепен, — заверяю его.

Он ухмыляется и чешет подбородок.

— Что ж, значит, лучше, чем просто «неплох».

Улыбнувшись в ответ, просовываю ноги между лестничными перилами и сажусь на среднее, положив подбородок на руки. Смотрю на Адама, удовлетворённо наблюдая за ним, наслаждаясь тем, как прохладный ночной ветерок ласкает мою кожу.

Он делает последнюю затяжку и бросает окурок на землю, растапывая его ногой. Затем указывает подбородком в сторону автобуса, стоящего в задней части парковки.

— Ладно, пошли.

После того, как я выпутываюсь из перил, он снова берет меня за руку, и это пугает. В клубе, наверное, это нужно было лишь для того, чтобы вывести меня наружу, но теперь? Мы двое — единственные люди на парковке...

Адам ведет меня к автобусу и открывает его. Не уверена, где Водила, но он ещё не вернулся.

— Хочешь выпить? — предлагает Адам.

— Не-а, пожалуй, пойду переоденусь.

Некомфортно чувствую себя после долгой поездки, и хочу переодеться во что-то менее изношенное и грязное.

— Океей, — ухмыляется он в ответ. — Твои вещи наверху. В комнате в конце коридора.

Поднимаюсь по лестнице и направляюсь в комнату. Так странно вновь находиться здесь. Я помню последний раз, словно это было только вчера, и в тоже время, словно это было в прошлой жизни. Прохожу мимо сидений, рядов кроватей — большинство из них не застелены — а затем открываю дверь в комнату. Захожу внутрь и смотрю на черную атласную постель, вспоминая, как это ощущалось — лежать на ней с прижимающимся ко мне Адамом, целующим каждый участок моей неприкрытой одеждой кожи.

Звук закрывшейся двери вырывает меня из воспоминаний. Я резко поворачиваюсь и

утыкаюсь прямым в грудь Адама. Задыхаюсь, вдыхая его мускусный аромат. От него пахнет потом, одеколоном и сигаретным дымом, что я бы не сочла приятным сочетанием, пока не связала это с настоящим моментом. Не успела я опомниться, как его руки оказываются по бокам от моей шеи, а пальцы — под моим подбородком, наклоняя голову назад. Его серо-зеленые глаза сфокусированы на моих устах, и его губы немедленно следуют за взглядом.

На мгновение я теряю ясность сознания и инстинктивно поддаюсь ему. Язык Адама проскальзывает между моими губами, лаская и дразня, и, Боже мой, я уж и позабыла, что умеет этот язык. Прежде чем стон слетит с моих губ, я нахожу в себе силы оттолкнуть его.

— Что, чёрт возьми, ты делаешь? — вынуждаю себя задать вопрос, стараясь игнорировать то, как сильно стучит сердце в груди.

Адам ласкает большим пальцем мой подбородок, глядя на меня своими бесстыжими глазами.

— Целую тебя.

Желание в его голосе вызывает прилив тепла, заполняющий всё мое тело, заволакивая туманом мое сознание.

— Почему ты меня целуешь?

— Потому что... хм... — он наклоняет голову в сторону и с интересом смотрит на меня. — Ладно, кажется, я запутался...

Его руки скользят по моей шее, плечам, а потом падают по бокам. Я сразу же испытываю острое желание, чтобы он вернул их на место, но это слишком плохая идея. Не для этого я отправилась в эту поездку.

— Не хочешь, чтобы я тебя целовал?

Божечки, хочу.

В смысле — НЕТ!

Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди, глядя на него снизу вверх.

— С чего ты взял, что я хочу?

— Ну... ты спасла меня от исключения с курса французского языка... и придумала всю эту ложь о репетиторстве...

И так же быстро, как и появилось, желание уносится прочь.

— Боже мой, — произношу я, не веря своим ушам. — Думаешь, я сделала это, потому что хочу... переспать с тобой?!

Когда он по-прежнему совершенно растерянно смотрит на меня в ответ, все мои былые сомнения исчезают.

— Не могу в это ПОВЕРИТЬ! — кричу я.

Комната внезапно становится слишком, слишком, слишком чертовски маленькой для нас двоих, так что я обхожу Адама, открываю дверь и выхожу в коридор.

— Ты думал, Боже мой, не могу поверить, что ты подумал о таком!

Проношу мимо парня, тогда как он просто стоит в дверном проеме с широко раскрытыми глазами, будто не знает, как вести себя со мной.

— Так ты ещё и собирался это сделать! Господи, Адам, ты собирался переспать со мной за уроки французского? За репетиторство? — когда он не отрицает этого, я делаю шаг к нему, указывая на него пальцем. — Перестань! Начни уже испытывать к себе чертово чувство собственного достоинства!

Внезапно громкий смех заполняет первый этаж автобуса, и я осознаю, что остальные

ребята неизвестно сколько времени были в салоне. Я убегая от Адама и вприпрыжку спускаюсь по лестнице, одаривая ребят гневным взглядом, но они так сильно смеются, что едва обращают на меня внимание. Шон лежит на спине на сером диване, держась рукой за живот, совершенно потеряв самообладание от смеха. Майк стоит на коленях, обняв себя руками и сгибаясь от смеха. Коди вытирает глаза — от сильного смеха у него выступили слезы, а Джоэль хлопает его по спине и в то же время так сильно хохочет, что тоже начинает кашлять.

— Чувство собственного ДОСТОИНСТВА, — с трудом произносит Шон, смеясь.

Игнорируя их, я толкаю дверь автобуса и выхожу наружу. Не могу поверить, что всё это время — в машине, на концерте, последние тридцать шесть грёбаных часов — Адам считал меня какой-то фанаткой, пытающейся залезть к нему в штаны!

— Эй, эм... — его голос доносится до меня, но это лишь побуждает меня начать идти. Даже не знаю, куда я иду. Просто как можно дальше от него.

— погоди! — Адам подбегает, чтобы поспевать за мной. — Какого хрена ты так злишься?

Я игнорирую его и продолжаю идти.

— Куда ты вообще идешь?

— Ухожу!

Парень больше ничего не говорит, но начинает идти в ногу со мной. Затем мы просто идем вместе по темной парковке. Не имею ни малейшего понятия, куда я иду. Адам достает очки из заднего кармана и надевает их, взлохмачивает свои волосы и опускает взгляд на землю, когда мы проходим мимо группки людей, которые, скорее всего, были на шоу.

Когда мы доходим до тротуара, я останавливаюсь под уличным фонарем, ожидая, что знак пешеходного перехода скажет мне: это нормально — убегать от моего личного конфуза. Рядом с нами никого нет, так что я поворачиваюсь к Адаму и выпаливаю:

— Я НЕ хочу спать с тобой!

Отмахиваюсь от жука, летящего мне в лицо, отправляя его напрямик в западное полушарие.

Адам секунду изумленно смотрит на меня, но затем раздражающая ухмылка появляется на его лице.

— Правда? То есть ты уверена?

Ладно, сейчас он намеренно ведет себя так отвратительно.

Я раздраженно вздыхаю, отворачиваюсь от него и перехожу улицу.

Он начинает смеяться и гонится за мной.

— Я шучу!

— Не думаю!

— Ой, да ладно. Я на самом деле шучу!

— Правда? Потому что на самом деле выглядит так, словно ты думаешь, что все, у кого есть вагина, хотят переспать с тобой!

— Ну, не все, у кого есть вагины... я имею в виду лесбиянки, монашки... это было бы странно.

Закатываю глаза и продолжаю идти. Мы прошли уже два квартала, когда Адам произносит:

— В любом случае, не понимаю, почему тебя так разозлил мой поцелуй. Ты же этого хотела.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом.

— Я не хотела!

Ладно, возможно, в какой-то мере так и было, но, тем не менее, он не мог об этом знать. И на самом деле я не хотела, чтобы он об этом узнал. Это просто ... то есть... он — Адам чёртов Эверест!

— Тогда почему ты ответила на поцелуй?

— Не было такого!

— Ты определенно не сразу остановила меня.

— Я была шокирована.

Адам смотрит на меня, облизывая нижнюю губу. Чёрт. Он точно знает, что делает.

— Я хотел поцеловать тебя. И так и сделал, — парень переводит взгляд с моих губ на глаза. — Не надо закатывать истерику. Большинство девушек были бы... ну, они бы не носились по городу посреди ночи.

— Я не из большинства девушек!

— Это уж точно, — усмехается он.

Ого, и что же это, черт возьми, должно означать?! Я гневно гляжу на него и снова начинаю идти, асфальт берет на себя основной удар моего гнева, когда мои шлепанцы стучат по нему.

Адам бежит, догоняя меня.

— Я в хорошем смысле!

Я искоса смотрю на него, от чего парень нервно проводит рукой по волосам.

— Не могла бы ты, пожалуйста, остановиться, чтобы мы могли просто поговорить?

— Мы говорили.

— Нет, мы спорили... что совершенно... странно. Я не так часто занимаюсь этим... я плох в разговорах такого рода.

Делаю ещё несколько шагов, рычу и плюхаюсь задницей на лавку у закрытой парикмахерской.

— Хорошо. Говори.

Он садится рядом со мной.

— Я... я не думал, что ты хотела... ну, знаешь... переспать или что-то в этом роде. Это была невинная ошибка.

— Я не заинтересована в том, чтобы быть твоей любовницей на одну ночь, Адам.

— Ну... технически... у нас с тобой три ночи, — уголок его рта дрогнул в ухмылке.

Когда Адам поворачивается ко мне лицом, челка спадает ему на глаза, но парень быстро убирает её. Почему он такой безнадежно очаровательный? И раздражающий!

— Неужели я похожа на такую девушку? — сверлю его взглядом.

Он молчит какое-то время, а затем произносит:

— Честно говоря, ты была бы удивлена некоторым девушкам, которых это интересует. Не все они соответствуют стереотипу в твоей голове.

Хорошо, вполне логично. Я вздыхаю и задаю вопрос:

— Ты на самом деле переспал бы с кем-нибудь за нечто такое глупое, как репетиторство по французскому?

Адам улыбается и качает головой.

— Из-за этого ты злишься? Не похоже, что это единственная причина.

Наверное, не следовало задавать следующий вопрос.

— Тогда какие другие причины?

— Я думал, ты хотела...

— Ага, значит, ты пересподишь с кем угодно лишь потому, что они этого хотят?

Он взволнованно потирает ладонями бедра, уставившись на свои колени до тех пор, пока снова не осмеливается посмотреть мне в глаза.

— Ты действительно хочешь услышать ответ?

Я раздраженно ворчу, всё ещё до конца не понимая, что так вывело меня из себя.

— Слушай, я злилась, потому что ты ни с того ни с сего решил, что я хочу тебя. Но фиг с ним. Ты извинился, так что... всё в порядке.

— Хочешь, чтобы я отвез тебя домой? — хмурится Адам.

— Ты не можешь. У тебя завтра выступление в десяти часах езды от университета.

— Если ты хочешь домой, я отвезу тебя. Так что просто ответь на вопрос.

Я изучаю его нечитаемое выражение лица, а затем отвечаю:

— Нет. Я не хочу домой.

Он нежно улыбается и, кажется, глубоко вздыхает от облегчения. Затем откидывается на спинку скамейки и несколько секунд играет с нитками на колене, после чего снова поднимает взгляд на меня.

— Ладно, значит не злись на меня за это... но, думаю, мы должны внести ясность. Если бы я снова попытался поцеловать тебя, ты бы разозлилась?

Не могу не засмеяться из-за столь нелепого вопроса. Но, когда пытаюсь ответить на него, понимаю, что он, вероятно, не такой уж и нелепый. Рассержусь ли я? Не имею ни малейшего понятия. Возможно, но лишь потому, что я буду злиться на себя за то, что позволила ему затуманить моё ясное сознание. Адам — прохвост. Он — гора плохих решений, завернутая в красивую упаковку, и я ненавижу то, как он воздействует на меня. И в тоже время мне нравится это.

— Да, — в конце концов отвечаю я. — Так что не надо, хорошо? Я просто хочу быть друзьями.

— Друзья... — произносит он, словно пробуя слово на вкус.

— Друзья.

Адам встает со скамьи и протягивает мне руку:

— Хорошо. Будем друзьями.

Глава 12

Адам провожает меня обратно к автобусу и открывает дверь, чтобы я забралась внутрь. Едва заметив меня, Шон вскакивает с дивана и подходит ко мне, улыбаясь во весь рот.

— Можно... Можно я просто...

Он резко притягивает меня в свои объятия и снова начинает смеяться.

— Нет достоинства!

Тело парня трясется от смеха, когда он хохочет всё громче и громче.

— Боже мой, это было так здорово! — Шон отстраняется и улыбается мне, глядя сверху вниз. Его подбородок покрыт трехдневной щетиной, а глаза цвета лесной зелени теплеют, когда он произносит: — Думаю, я люблю тебя.

— Эй! — возражает Майк, сидя на полу и играя с Коди на приставке. — Я первый позвал её замуж!

— Технически я первый позвал её, — произносит Адам позади меня. Проходя мимо, он поспешно наигранно чмокает меня в щеку. Я заливаюсь краской и вытираю щеку, но

улыбаюсь, когда он оглядывается с ухмылкой на лице.

— Не хочешь чего-нибудь выпить?

Я собираюсь ответить ему «да», когда распаивается дверь автобуса и заходит Водила с группой девушек, выглядящих как модели Hoes-R-Us и следующих за ним по пятам. Он заводит их в автобус, никому не представляя, но девушки, кажется, не возражают. Они тут же слетаются к Адаму, роясь вокруг него, пока он дожидается моего ответа.

— Да, конечно, — в конце концов произношу я, чувствуя себя идиоткой за бесцеремонное глазение на пришедших девушек.

Адам смешивает мне что-то типа фруктового коктейля, но всё его внимание сосредоточено уже абсолютно на другом. Блондинка — самая горячая из компании — прижимается к нему, хихикает и ласкает его шею пальцами, что-то шепча на ушко. Рыженькая и брюнетка тоже соревнуются за его внимание. Одна из девушек сидит на диванчике с Шоном, у него на коленях. Коди отложил игровой контроллер и начал болтать с пятой девушкой.

— Ммм, я, пожалуй, пойду готовиться ко сну, — произношу я, ни к кому лично не обращаясь. Мой голос, по-видимому, возвращает Адама к реальности, и он вспоминает, что нужно отдать мне коктейль. Когда вручает его мне, парень выглядит так, словно собирается что-то сказать, но Майк прерывает его.

— Роуэн! — кричит он, сидя на полу. — Иди сюда, подмени Коди!

Я тихонько отхожу от Адама, который снова стал котлетой в сэндвиче из шлюшек, и становлюсь позади Майка, изучая войнушку на экране.

— Давай, подключайся! Я умираю!

— Но я не умею играть...

Майк протягивает мне запасной контроллер, играя одной рукой с прикованным к экрану взглядом.

— Ты не можешь быть хуже того коротышки, — он указывает подбородком в сторону Коди, который не замечает, либо ему плевать, так как он флиртует с девушкой. Я хихикаю и сажусь рядом с Майком. Я не геймер, но быстро учусь.

— Мать моя женщина! — произносит Майк спустя пару минут, через секунду после того, как я взорвала вражеский состав. — Парни! Вы должны увидеть эту девушку в деле!

Парни... заняты немного другим. Майк оглядывается на них через плечо и усмехается:

— Чертовы потаскушки.

Не могу не стрельнуть взглядом в Адама, находящегося в другом конце автобуса. Он сидит рядом со стойкой, откинувшись на спинку дивана и потягивая виски из бокала, пока с ним флиртуют три девушки. Их руки по всему его телу. Я перевожу взгляд от их рук на глаза и... он *пялится* на меня? Да... он определенно смотрит на меня.

— Возвращайся к игре, Роу! — говорит Майк, и я быстро отворачиваюсь.

— Извини.

Майк бросает понимающий взгляд в мою сторону. Лишь после того, как я вижу этот взгляд на его лице, осознаю, насколько раздражена от того, что Адам развлекается с другими девушками. Одну он приобнимает рукой, в то время как свою она держит у него на груди; другая девушка закинула ногу ему на колено, а третья опирается подбородком о плечо подруги, хлопает ресницами и играет с локонами.

— Шлюхи, они и в Африке шлюхи, — пожимает плечами Майк, и я не могу сдержать улыбку, потому что не уверена, кого именно он имеет в виду — Адама или всю группу, или

девушек, или всех вместе взятых.

После нескольких раундов полного уничтожения противников, я встаю и потягиваюсь, наблюдая за тем, как Джоэль спускается вслед за девушкой по лестнице, — и лишь одному Богу известно, чем они там занимались. Его белокурый ирокез по-прежнему идеально уложен, но её длинные каштановые локоны выглядят основательно запутанными. Он открывает дверь автобуса и начинает подталкивать её к выходу, положив руку на поясницу. Девушка оборачивается, чтобы поцеловать его, но это так неуклюже — она пытается сделать это страстно, он пытается сделать это быстро, и от полученного результата я съеживаюсь.

Должно ли я жалеть её? Потому что я почти уверена, что нет...

Джоэль подходит и становится рядом со мной, любуясь баллами, которые всё ещё отображаются на экране, после того как почти что выдворил девушку из автобуса.

— Святые угодники! Ты только посмотри на это количество убитых!

Он подталкивает меня локтем.

— Теперь Майк *в самом деле* возьмет тебя в жены!

— Да, черт возьми! — поворачивается Майк, улыбаясь мне. — Еще один раунд?

— Неее, думаю, я пойду, подышу свежим воздухом.

Я оборачиваюсь и шокировано раскрываю глаза, когда вижу Адама, сосущегося, в прямом смысле этого слова, с блонди. Она сидит у него на коленях, практически пожирая его лицо. Её подруга целует его в шею, а четвертое колесо перешло на другую сторону автобуса, чтобы сидеть с Шоном и другой девушкой.

Мне нужно пройти мимо всех них.

Твою мать!

Идя по проходу, я бросаю взгляд на прекрасное лицо Адама. С грехом пополам я прохожу мимо него, когда Адам вдруг разрывает поцелуй и на выдохе произносит:

— Я пойду с тобой.

Когда я оглядываюсь на него, две девушки, сидящие с ним, выглядят так же сконфужено, как чувствую себя я. Одна из них пискнула:

— Но...

— Эй, Джоэль, — не дает договорить девушке Адам, снимает её со своих колен и убирает руки других девушек со своей шеи, чтобы встать. — Ты знаком с... эм... — он опускает взгляд на блондинку.

— Эмбер... — она заканчивает за него, и я сдерживаю смехок.

— Эмбер! И... её подругой... — теперь он смотрит на рыженькую, и, очевидно, не имеет ни малейшего понятия о том, как её зовут. — Рыженькой красоткой.

Джоэль смеется и качает головой.

— О, нет, ты не посмеешь.

Адам обращает свое внимание на надувших губки девушек и указывает покрытым черным лаком ногтем в мою сторону.

— Я собираюсь выйти подышать свежим воздухом со своей подругой. Уверен, кто-то из парней будет счастлив сделать вам выпивку, леди.

— Чур НЕ Я! — кричит Майк.

Джоэль прижал указательный палец к носу, и Шон поднял голову, осознавая, что остался он один, так как Коди исчез с одной из девушек наверху.

— Бля, — ворчит Шон, что смешит Адама. Он приобнимает меня за плечи, разворачивает и, не оглядываясь, ведет прочь из автобуса.

— Тебе не обязательно было идти со мной, — произношу я, как только за нами закрывается дверь.

Он улыбается в ответ, и всё раздражение, которое я испытывала к нему, мгновенно тает. Как, черт возьми, он это делает?

— Если мы собираемся быть друзьями, — говорит Адам, — ты должна кое-что знать обо мне.

— Что же?

— Я *никогда* не сделаю то, что не хочу.

Он вновь обнимает меня и ведет туда, где шестеро или семеро ребят сидят в кругу на баках с водой и шезлонгах под ярким освещением парковки. В большинстве из них я узнаю помощников группы, которых видела, когда была за сценой. Водила оживлённо рассказывает им какую-то историю о вечеринке, которую он посетил на прошлых выходных — и где, несомненно, были замешаны наркотики, копы и падение с крыши.

Адам плюхается на последний свободный стул, а я неловко топчусь на месте, пока он не обнимает меня за талию, а после резко притягивает к себе на колени. Я ахаю от неожиданности и сразу же напрягаюсь. Я долбанная статуя.

— Расслабься, — шепчет он мне, — я не пытаюсь залезть к тебе в трусики.

Он крепко обвивает меня руками, когда я слегка отодвигаюсь, чтобы одарить его сомневающимся взглядом. На что он невинно улыбается и произносит:

— Клянусь.

Когда Водила заканчивает свой рассказ, он оглядывается вокруг и, кажется, впервые за всё это время замечает наше присутствие.

— Эй, Роуэн! Как тебе выступление? Понравилось?!

— Шоу было удивительным, — отвечаю я, пытаясь хоть немного расслабиться. Сквозь леггинсы я ощущаю грубую ткань джинсов Адама и его руки на моем бедре. Прижимаюсь к нему и устраиваюсь поудобнее, повернувшись так, что теперь мои ноги висят между его колен. Скрепя сердце, для равновесия обнимаю его за плечи одной рукой, и даже несмотря на то, что парень сосредоточен на Водиле, на его губах незаметно появляется ухмылка.

— Говорил же, тебе понравится! — отвечает Водила со своего места. Кто-то передает ему косяк, и он несколько раз затягивается, прежде чем передать дальше. И типичным, натянутым голосом наркомана, напоминающим мне одного из прошлых парней Ди, спрашивает:

— Ты завтра с нами на автобусе поедешь?

— Она едет со мной, — отвечает за меня Адам.

Один из парней радостно произносит:

— Слышал, она рассказала тебе «что к чему» сегодня.

О, Боже.

— О, да! — отвечает Адам, и он абсолютно не кажется расстроенным из-за нашего сегодняшнего противостояния. Но судя по моим горящим щекам, мне по-прежнему до чертиков стыдно.

— У него нет достоинства, — смеется другой парень.

Адам тоже хохочет.

— Ты должен был это видеть! — произносит он. — Моё сердце разбито.

Меня встревожили его слова, но он лишь улыбается и крепче обнимает меня.

Я наклонилась и шепчу ему на ушко:

— Извини.

Он приподнимает мой подбородок, словно хочет что-то прошептать в ответ, так что я наклоняюсь еще ниже — так, чтобы ухо оказалось у его рта — и очень удивляюсь, когда он нежно чмокает меня в щеку. Я отпрянула от него, развеселив ошеломленным выражением лица.

— Теперь мы квиты, — тихо произносит он, после чего его улыбка становится ещё шире. — Хочешь пива?

На данный момент, уверена, мне не мешает баночка.

— Да... спасибо.

Остальные парни уже погрузились в другой разговор, когда он достает пиво из стоящего рядом кулера и протягивает его мне.

— Тебе же есть 21, верно?

После долгой паузы я мило улыбаюсь и повторяю:

— Да... спасибо.

Он смеется над тем, как я вскрываю банку и делаю глоток. Мы просидели там больше часа, слушая рассказы парней и их разговоры о планах на завтра. Так странно сидеть в объятиях Адама, но в конечном итоге я привыкаю к этому, и мое тело расслабляется. Это приятно. Странно, страшно... и приятно.

Каждый раз, когда мне по кругу передают косяк, я пропускаю. Никогда не пробовала наркотики и в ближайшие время не планирую. Мне приятно, когда Адам тоже пропускает. Он периодически потягивает мое пиво, от чего оживляются бабочки в моем животе, даже несмотря на то, что я стараюсь вести себя обычно, не обращая внимания на его действия.

Я пристально наблюдаю за Адамом, когда он рассказывает свою историю, и ловлю себя на том, что улыбаюсь ему и прижимаюсь немного крепче. Когда ощущаю, как он рассеяно водит пальцем по моей талии, от чего воспаляется всё мое тело, сразу понимаю, что происходит.

Я влюбилась в него. *По уши.*

— Я иду спать, — произношу я, резко выпрямившись. Адам выглядит сбитым с толку, и возможно, слегка разочарованным, но не пытается остановить меня.

— Уверена? — интересуется Водила.

— Да. Не привыкла так поздно бодрствовать.

Проверяю телефон и вижу, что уже половина четвертого.

— Увидимся завтра, ребята.

Я слезаю с коленей Адама, когда ребята прощаются со мной, а затем, не оглядываясь, иду к автобусу. Адам не идет за мной и ничего не говорит, что, вероятно, к лучшему. Я открываю дверь в автобус и поднимаюсь по лестнице — Майк по-прежнему сидит на полу и играет в приставку, Шон и Джоэль сидят на диване и болтают, задумчиво глядя на экран телевизора. Девушки, должно быть, в какой-то момент ушли. Хорошо.

— Я на боковую. Увидимся утром, ребята.

Они хором желают мне «спокойной ночи», после чего я взбираюсь на второй этаж. Прохожу мимо диванов наверху, а затем миную Коди, спящего на кровати. Когда захожу в спальню, удивляюсь тому, что черная атласная постель осталась совершенно нетронутой. В поле зрения попадают мои вещи, сложенные в углу. Действительно ли мне следует спать здесь? Не хочу, чтобы Адам на что-то рассчитывал... И он ведь тоже рассчитывал спать здесь, верно? Он *всё ещё* хочет спать здесь?

Я закрываю за собой дверь и переодеваюсь в пижаму — другую мешковатую футболку и пару пижамных пушистых штанов, а затем выхожу из комнаты и забираюсь под одеяло нетронутой двухъярусной кровати.

Глава 13

— Эй, — шепчет ЧЕЙ-ТО голос.

Я стону в ответ.

— Эй.

Рука гладит меня по плечу, и я нехотя открываю глаза.

Адам.

— Знаешь, тебе не обязательно спать здесь...

— Я в курсе, — отвечаю хриплым ото сна голосом. — Всё нормально. Я в порядке.

— Ладно...

Низко наклонившись, он мгновение изучает мое лицо, его рука по-прежнему покоится на моем плече.

— Но, если передумаешь — у меня огромная кровать. Ты даже не заметишь моего присутствия.

Не в силах сдержаться, я хихикаю. Спать рядом с Адамом Эверестом и не замечать его присутствия? Он вообще понимает, как абсурдно это звучит?

— Что? — он удивленно поднимает брови.

— Ничего.

Я вновь хихикаю и зарываюсь лицом в подушку.

— Ничего. Я действительно очень устала. Увидимся утром, Адам.

Какое-то время он так и стоит, наклонившись ко мне, а затем произносит: «Увидимся утром». После того, как он уходит в спальню и закрывает за собой дверь, я выползаю из постели и направляюсь в ванную в конце прохода. Когда возвращаюсь обратно к кровати, замечаю, что ребята повсюду. В автобусе двенадцать коек, и те, которые не заняты членами группы, заняты, по моему предположению, помощниками группы. Я быстренько заползаю обратно под одеяло, но сон как рукой сняло.

Ворочаюсь с боку на бок и не могу уснуть.

Каждый раз, когда я вот-вот упаду в объятия Морфея, — слышу чей-то стон или как кто-то переворачивается и ударяет ногой о постель. А затем раздается храп. И не от одного человека, а как минимум от троих. И один из них весьма громкий.

— Омооойбог, — стону я, будучи на грани потери рассудка. — Кто это?

Голос, который я не узнала, хохочет и отвечает:

— Это Джоэль.

Я борюсь с желанием придушить его во сне (или провести обряд изгнания беса, так как он явно нуждается в чем-то подобном) и принудительно закрываю глаза. Считаю в обратном порядке, затем считаю овец, после чего считаю овец, прыгающих задом-наперед. Не уверена, во сколько я в конце концов уснула, но, когда просыпаюсь, храп по-прежнему доносится до моих ушей, а в глазах такое ощущение, словно Песочный человек решил стать негодяем и вывалил на них пустыню Сахару.

Сквозь белые шторы проникает мягкий свет, так что мне приходится смириться с этим и выползти из кровати. Взяв банные принадлежности из чемодана, который я припрятала в укромный уголок у кровати, иду в ванную на первом этаже, чтобы принять душ. Он довольно тесноват, но я справляюсь. Сушу полотенцем волосы и одеваюсь в ванной, выбрав джинсы и

бирюзовый топ. Собрав волосы в конский хвост и надев очки, гляжу на себя в зеркало, после чего снимаю очки, наношу на ресницы немного туши и крашу губы блеском. Затем снова смотрю на свое отражение, вздыхаю и снимаю очки, после чего пытаюсь смягчить макияж. Я хочу выглядеть красиво, но не хочу, чтобы макияж был слишком ярким, и определенно не желаю, чтобы Адам или Шон вспомнили то, как встретили меня в Mayhem.

Когда я выхожу из ванной, все по-прежнему ещё наверху. Автобус представляет собой полнейший бардак из одежды, посуды и мусора повсюду, поэтому я занимаюсь уборкой. Я сложила всю одежду в одну кучу, после чего убрала алкоголь. Выбросила весь мусор, а затем собрала всю посуду и отнесла на кухню и, схватив губку с моющим средством, приступила к работе.

Я мою бокал, измазанный блядской розовой помадой, когда слышу, как кто-то потягивается и зевает в передней части автобуса. Подняв голову, встречаюсь взглядом с Шоном. Он заходит на кухню и облакачивается на стойку рядом со мной, почесывая пятерней коротко остриженные темные волосы.

— Продолжай в том же духе, и мы никогда тебя не отпустим.

Я смеюсь и качаю головой.

— Не думаю, что смогу пережить ещё одну такую ночь. Как вы вообще можете спать под этот храп?

— Думаю, я просто привык к нему, — Шон смеется в ответ.

Он берет кухонное полотенце и принимается протирать бокалы, которые я мою. Вглядываясь в мое лицо, парень произносит:

— Знаешь, я по-прежнему могу поклясться, что где-то видел тебя раньше. В какую школу ты ходила?

Я честно отвечаю ему, так как школа, в которую я ходила, находится в шести часах езды от города, в котором мы сейчас живем, и я чертовски хорошо знаю, что Шон не там встретил меня.

— Хм... а что насчет работы? — спрашивает он. — Ты работаешь?

— Нет, не сейчас. Мои родители много помогают мне. Впрочем, я, скорее всего, буду работать летом.

— Н-да, уверен, в конце концов я всё-таки вспомню, — говорит он.

Только через мой труп!

Когда мы закончили с посудой, он спрашивает у меня, не хочу ли я пойти с ним выпить кофе. Мы уже выходим из кухни, когда я начинаю нервничать.

— Ребята не будут искать нас?

— Не-а, — отвечает Шон, разминая шею. На нем длинные мешковатые шорты и поношенная футболка с принтом группы.

— Скорее всего, они всё ещё будут спать, когда мы вернемся. Кофейня сразу за углом.

Я немного продрогла во время прогулки до кофейни, но Шон был прав — она менее чем в двух кварталах от автобуса, так что мы в два счета туда добрались. Он достает из кармана кошелек на цепочке и подходит к прилавку, поглядывая на меня через плечо.

— Что будешь?

— Оу, не беспокойся, я ничего не хочу.

Впрочем, есть кое-что, чего я бы хотела — не забыть свой кошелек.

— Давай же, выбери что-нибудь, — настаивает Шон. — Здесь все что-нибудь берут, а раз уж ты мне составила компанию — я плачу.

— Ладно, — соглашаюсь, — хм...

Я изучаю вывеску меню на стене, позади барной стойки, а затем улыбаюсь молодой бариста, ожидающей заказ Шона.

— Можно мне, пожалуйста, большой мокко со льдом?

Пока девушка делает мой напиток, Шон изучает пирожные, печенье и маффины через стеклянную витрину.

— Любишь черничные маффины? — спрашивает он у меня.

— Да...

— Мне два черничных маффина, пожалуйста, — заказывает он баристе. Она дает ему два, после чего один из них он отдает мне.

— Еще я бы хотел шоколадный фраппе, средний, — он достает листок из заднего кармана. — И всё по списку с собой. В переноске, пожалуйста.

У девушки занимает целую вечность, чтобы пробить заказ. Набирая его, она держит список перед глазами, а затем передает его другой баристе, которая пишет имена на стаканах и маркирует заказы. Когда наши первые два напитка готовы, Шон забирает их, и мы садимся за столик, вертя в руках маффины.

Поначалу между нами ощущается легкая неловкость. Чтобы как-то заполнить повисшую тишину, я благодарю его за кофе.

— И за маффин, — добавляю я.

— Не за что, — отвечает он. — Ну что, как тебе, всё ещё нравится тусоваться с группой?

Это чертовски хороший вопрос. Сначала было весело, затем не-так-уж-и-весело, затем снова весело, после чего странно, а сейчас в некотором роде спокойно.

— Было интересно.

Шон удивленно усмехается.

— Насколько интересно?

— Ну, уверена, не у многих есть возможность увидеть, что происходит внутри гастрольного автобуса.

— Всё так, как ты себе представляла?

Я снимаю крышку с моего стакана мокко со льдом, чтобы зачерпнуть соломинкой взбитые сливки и съесть их.

— Наверное. То есть... На самом деле, я себе это никак особо и не представляла.

Шон делает глоток кофе, задумчиво вглядываясь в мое лицо.

— Адам рассказал мне, что ты сделала для него.

Он на мгновение замолкает, а затем добавляет:

— Почему ты так поступила?

Когда я удивленно поднимаю бровь, он добавляет:

— Хочу сказать, очевидно же, что ты не фанатка и тебя не интересует перепих с ним или что-то в этом роде. Так почему?

Облизав соломку, я пожимаю плечами и обратно закрываю стакан крышкой.

— Он выглядел так, словно не отказался бы от помощи и... не знаю. Полагаю, я просто почувствовала это.

Шон хихикнул.

— Ты сейчас говоришь, как Адам.

— Господи, не говори мне этого, — шучу я, вызывая смех Шона.

— Адам не так уж и плох. То есть, у него есть свои недостатки, но он неспроста мой

лучший друг.

Я улыбаюсь.

— Я просто пошутила. Мне кажется, он довольно хороший парень. Я вчера хорошо провела с ним время.

— Прежде чем ты потребовала, чтобы у него появилась хоть капля достоинства, — усмехается Шон.

— Ну, ему не навредит!

Улыбаясь во весь рот, он встает, чтобы забрать наши напитки.

— Я и не спорю! — посмеивается он. — Меня просто шокировало то, что ты это сказала. Что произошло между вами, когда вы ушли из автобуса?

Я встаю, чтобы взять одну из переносок, заполненную кофе.

— Какое-то время он преследовал меня по городу, а затем мы договорились быть друзьями.

— Серьезно? — Шон одаривает меня странным взглядом.

— Да... а что?

— Нет-нет, ничего.

Он кладет свой напиток в переноску и затем берет два других стакана в руки. Я быстро иду к двери, чтобы придержать её, так как его руки заняты.

— Нет, подожди, что ты хотел сказать? — интересуюсь я.

— В действительности у Адама нет девушек-подруг. Так что... не удивляйся, если он не понимает, что это означает.

Какое-то время мы молча идем по тротуару, когда Шон спрашивает:

— Как ты собираешься заставить его выучить ваш общий предмет?

— Что ты имеешь в виду?

— Я задалбывал его по поводу учебы с... ммм... полагаю, со времен средней школы, — усмехается он. — Если Адам не хочет идти на занятия, он просто не пойдет. То же самое с учебой.

— В таком случае как, черт возьми, он сдал все эти предметы?

Шон пожимает плечами, и я полагаю, для него это имеет не больше смысла, чем для меня.

— Что ж, я здесь не просто так, — говорю я. — Во сколько вы сегодня планируете уехать?

— А который час?

Я достаю телефон из заднего кармана и изучаю черный экран.

— Без понятия. Мой телефон сел.

— Скорее всего, мы планировали отправиться около одиннадцати. Но мне нужно поговорить с Водилой, чтобы быть уверенным.

— Тогда я разбужу Адама, как только вернемся.

Шон улыбается мне так, словно я только что вручила ему выигранный лотерейный билет.

— Правда?

— Да?

— Ох и весело будет, — смеется он. — Удачи!

Я на цыпочках иду по проходу между кроватями, стараясь не разбудить всё ещё спящих парней. К тому моменту, когда мы с Шоном вернулись, большинство из них уже проснулись,

но Адам не входит в их число. Впрочем, как и Майк, отчего мне приходится подавить смех, когда прохожу мимо его кровати и созерцаю взлохмаченные короткие волосы, по внешнему виду напоминающие взрыв на макаронной фабрике. Миновав его, берусь за дверную ручку, но прежде чем войти, оглядываюсь и вижу, как Шон, чересчур игривый, подглядывает за мной из-за угла. Я хмурюсь и машу ему рукой, прогоняя прочь, после чего вхожу в комнату и закрываю за собой дверь.

Адам услышал, как захлопнулась дверь и простонал:

— Шон, Богом клянусь... если ты не оставишь меня в покое — я заеду тебе по яйцам.

Я подхожу к кровати и гляжу на Адама, уткнувшегося головой в подушку. Он обнажен, от вида рельефности его спины мое сердце стучит как заведенное. Я стараюсь не краснеть.

— Я принесла тебе кофе.

Он отрывает голову от подушки и открывает один глаз. Когда замечает меня, его губы медленно изгибаются в очаровательной улыбке, после чего он начинает смеяться.

— Который час? — в конце концов спрашивает он, небрежно потирая рукой лицо, опершись на локоть.

Я слишком занята попытками не глядеть на него, так что отвечаю не сразу. Когда осознаю, что мне действительно нужно что-то сказать, я откашливаюсь и произношу:

— Полдевятого.

Адам перекатывается на спину и сползает ниже по матрасу, натянув одеяло выше головы.

— Слишком рано для кофе, — бормочет он из-под одеяла.

Я присаживаюсь на край кровати и стягиваю одеяло до носа.

— Думаю, мы должны постараться хоть что-то выучить, прежде чем снова отправимся в путь.

Адам садится в кровати, из-за чего одеяло сползает с его груди на пояс. Он долгое время смотрит на меня, и теперь я уверена, что заливаюсь краской.

— Ты серьезно... — раздосадовано произносит он.

— Да. Именно для этого я и поехала с вами.

— У меня есть идея получше, — возражает он, и мне внезапно становится до смерти интересно, в чем же заключается его идея.

— Ложись рядом со мной. Давай поспим, а учиться будем в машине.

Я прикусываю губу — слишком заманчивая идея. Когда он замечает это, на его лице появляется хитрая улыбка, а темные глаза обличают все неприличные мысли, которые я только что вложила в его голову.

— Ужасная идея, — отвечаю я.

— Лгунья, — ухмыляется Адам.

Я встаю и иду к выходу из комнаты, но он вскакивает с кровати, прежде чем я успеваю открыть дверь, прыгая передо мной в одних трусах. Смеется и хватается меня за плечи.

— Я просто пошутил!

Я хмурюсь.

— Ладушки... не пошутил... но я не это имел в виду.

Я одариваю парня ещё одним хмурым взглядом.

— Хорошо-хорошо, я это имел в виду.

Он так невинно улыбается мне, что я не могу сдержать смех.

— Ты не хочешь стать выпускником?

Адам стонет и опускает руки.

— Хочу.

— Значит, тебе нужно хорошенько поработать. Адам, этот тест в понедельник не будет легким. Зубрение в ночь перед ним не поможет тебе. Не в тот момент, когда ты прогулял столько дней.

Он тяжело вздыхает и потирает глаза, после чего поднимает с пола футболку и натягивает ее на себя.

— Можно я сначала приму душ?

— Только если сделаешь это по-быстрому.

Я возвращаюсь на первый этаж автобуса и зависаю с ребятами, когда Адам выходит из душа в обычной белой футболке и потертых рваных джинсах.

— Шон, — произносит он, вытирая полотенцем волосы, — где мой маффин?

— Твой репетитор съел его! — смеется Шон.

— Я не ела! — кричу в ответ.

— Ты ела или нет черничный маффин этим утром? — спрашивает Шон, озорно указывая на меня пальцем.

Я с вызовом гляжу на него, хватаю рубашку, лежащую на вершине стопки, которую я сложила сегодня утром, и швыряю её в него.

— Докажи!

Все ребята смеются, а Адам широко улыбается, сверкая зубами.

— Ты мудака, Шон, — Адам неодобрительно качает головой.

— Эй! — протестует Шон. — Это она его съела.

— Ладно, давайте покончим с этим, — Адам указывает на меня пальцем.

Я прохожу мимо него, чтобы подняться по лестнице, а он кричит ребятам:

— Ребята, утром она сказала мне «сделать это по-быстрому»!

Они смеются, а я закатываю глаза, не потрудившись оглянуться, чтобы увидеть глупую ухмылку, которая, я уверена, приклеена к его губам. Мой рюкзак всё ещё в спальне, так что я поднимаю его с пола, а затем запрыгиваю на кровать и сажусь по-турецки.

— Итак... ты ещё помнишь, как сопрягать глаголы?

— Oui? — отвечает Адам. — Je pense.

Я широко улыбаюсь, отмечая его правильное, по моему мнению, произношение.

— Хорошо, давай начнем с письма. Над речью мы можем поработать в машине.

К тому моменту, когда в одиннадцать часов мы вместе с ним выходим из автобуса, я чувствую себя довольно отчаявшейся. Ума не приложу, каким образом Адам сдал базовый курс по французскому — он так легко отвлекается, всегда переключается с одной темы на другую. В какой-то момент я, не выдержав, прижала ладони к его щекам, чтобы уговорить этот треп. Когда он замолчал и просто уставился на меня, я произнесла:

— Ты должен скон — цен — три — ро — вать — ся.

Взгляд Адама был прикован ко мне — столь пристальный, что я ослабила свою хватку.

— Если ты не отпустишь меня, — предупредил он, — я тебя поцелую.

Я тут же опустила руки, залившись краской. Он хохотнул и, вернувшись к работе, перевернул страницу. Но после случившегося именно я была той, кто не смог сконцентрироваться. Когда время наконец-то приблизилось к одиннадцати часам, я была благодарна за предлог покинуть эту комнату.

— Мы где-нибудь остановимся перекусить вместе с ребятами? — спрашиваю я у Адама,

когда мы идем к его черному Самаро.

— Думаю, да. Если нет, мы с тобой можем остановиться, а потом встретиться с ними уже на месте.

Я бросаю свой рюкзак назад и сажусь на пассажирское сидение. Адам хмурится, глядя на рюкзак и книгу в моих руках.

— Ты же не собираешься всю дорогу учить меня, да?

— Нет, думаю, мне нужен перерыв, — качаю головой.

Он смеется и садится за руль.

— У меня есть хоть какая-то надежда?

Я пристально гляжу на парня: в его прекрасные глаза, непослушные волосы рокера и разбивающую сердца улыбку, от которой умная девушка может отупеть.

— Увидим.

Глава 14

— Где мы? — потягиваюсь на переднем сидении и прикрываюсь рукой от слепящего солнца. Я не собиралась спать, но, видимо, усталость догнала меня. Минуту назад я сонно распахнула глаза от нежных поглаживаний по руке.

— Мы остановились пообедать, — отвечает Адам, кивая в сторону автобуса, стоящего в задней части парковки. Мы в закусочной на шоссе. Большая красная вывеска гласит: «У Роузи».

Я тянусь за телефоном, который Адам в начале поездки подключил к автомобильной зарядке, и включаю его, чтобы посмотреть который час. Мы почти два часа были в пути, и у меня тонна непрочитанных сообщений и пропущенных звонков — от мамы, Ди, Лэти и Брейди. Я игнорирую их и кладу телефон в сумочку, после чего выхожу из машины, разминая ноги и шею.

Я захожу в кафе с *толпой* парней — в буквальном смысле этого слова. Помимо пяти ребят из группы с нами пятеро помощников, включая Водилу. Чувствую себя немного неловко... и в тоже время отчасти офигенно. Внутри нет никаких знаков, гласящих, что нужно дождаться, чтобы нас усадили за столик, поэтому мы присаживаемся сами. Я проскальзываю на сидение в кабинке, и Адам садится рядом со мной. Шон и Джоэль садятся напротив нас, а Майк, Коди и Водила занимают соседний столик. Оставшиеся четверо парней занимают другую кабинку.

Немолодая официантка подходит к нам, чтобы принять заказ, и заводит приятную беседу, спрашивая о группе, так как увидела гастрольный автобус снаружи. От моего внимания не ускользнул странный взгляд, которым она наградила меня, но я проигнорировала это — могу лишь догадываться, о чем она думает. Будь я на её месте, вероятно, задавалась бы теми же вопросами, что и она. Всё ещё чувствуя усталость после короткого сна в машине, опускаю голову на руки, пока мы ждем наши заказы.

— Эй, — дергает меня за хвост Шон.

Поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

— Как продвигается обучение?

Застонав, снова роняю голову на руки, от чего все трое ребят смеются.

— Эй, я думал, что был великолепен! — произносит Адам.

Я выпрямляюсь и протираю глаза.

— Ты был *хорош*. Но нам действительно нужно немного позаниматься в машине.

— Разве вы не занимались по дороге сюда? — спрашивает Шон, скручивая соломинку в

узлы.

— Нет, я уснула, — многозначительно смотрю на Джоэля, потягивающего свою Колу. — Потому что *кто-то* всю ночь не давал мне спать.

Адам смеется, а Джоэль, заметив, что мы уставились на него, недоуменно оглядывается по сторонам, всё ещё держа соломинку в зубах.

— Кто? Я?

— Думаю, тебе нужно обратиться к врачу, — говорю я. — Серьезно. Клянусь, прошлой ночью ты, как минимум, раз тридцать умирал.

— Если ты думаешь, что я так плох, тебе следует услышать мою бабушку, — с улыбкой смотрит на меня Джоэль.

До того, как официантка приносит нашу еду, я представляю, каким это адом будет — спать в одной комнате с Джоэлем и его бабушкой. Немедленно хватаю бургер и весьма неженственно откусываю его. Большинство девушек, будь они в окружении ребят подобных Адаму, Шону и Джоэлю, — которые, должна признать, до греха сексуальны — вероятно, заказали бы салат или что-то в этом роде, но я слишком голодна, чтобы меня это заботило. И не то чтобы я пытаюсь впечатлить их.

Адам берет картошку фри с моей тарелки и вместо нее кладет одно луковое кольцо.

— Ненавижу французский, — ворчит он.

Джоэль дует на куриное крылышко, и оно выглядит таким идеально хрустящим, что я в какой-то степени мечтаю о нем вместо лукового кольца.

— Так почему ты взял этот курс? — спрашивает он.

— Для того чтобы выпуститься, нужен языковой курс.

Я заканчиваю пережевывать кусок бургера, наблюдая за тем, как Шон меняет свою печеную картошку на сырную палочку Джоэля.

— В любом случае, зачем тебе учеба? — интересуюсь я. — Не думаю, что ученая степень сможет чем-то помочь тебе с группой.

Адам кладет маринованный огурчик на мою тарелку, тем самым заставляя меня улыбнуться, так как я очень люблю соленые огурцы, хоть он этого и не знает.

— Я поступил сразу после окончания школы, — говорит он, когда я беру огурчик и откусываю, — ещё до того, как мы стали такими знаменитыми, и я просто понял, что смогу закончить.

— Какой у тебя профиль? Музыка? — я в пол уха слушаю Адама и наблюдаю за тем, как Джоэль обменивает сырную палочку на луковое кольцо Адама. Улыбаюсь, наблюдая за тем, как ребята едят и стреляют еду друг у друга с тарелок. Они такие милашки!

Когда Адам кивает, я краду ещё одно луковое кольцо и взамен кладу три картошки фри. Опустив взгляд на тарелку, он улыбается, когда Коди поворачивается к нам и говорит:

— Ну что, Роуэн, каково это — быть единственной девушкой в истории, отшившей Адама?

Лучше было бы спросить: *«Почему, черт возьми, мы все еще обсуждаем это?»*

Прежде чем у меня появляется возможность ответить, Майк говорит:

— Ой, да ладно, Код. Она не первая, кто отшил его. Была другая... Как же её звали...

Он задумчиво хмурится, после чего произносит:

— Сливка?

— ПЕЕЕРСИК! — внезапно выкрикивают в унисон ребята, сидящие рядом со мной.

О. Мой. Бог.

Парни раздражаются громким заливистым смехом, а я на грани панической атаки. Шон смеется вместе с остальными, пока не замечает выражение моего лица. И прежде чем у меня получается скрыть его, Шон становится свидетелем всей той паники, которую я переживаю. Он с любопытством изучает меня, его взгляд становится всё пристальнее и пристальнее. А потом я вижу тот отчётливый момент, когда парень осознает, кто я такая, потому что его зрачки становятся шире, ещё шире, супер-чертовски-широкими. Вижу то, как он представляет меня с распущенными волосами, без очков, с макияжем. Шон переводит взгляд с меня на Адама и обратно. Когда мне кажется, что он собирается что-то сказать, я украдкой качаю ему головой, умоляя сохранить мой секрет.

Адам тяжело вздыхает из-за дразнилок и поднимает взгляд на Шона как раз вовремя, чтобы заметить то, как он шокировано смотрит на меня. Он следит за глазами Шона и одаривает меня любопытным взглядом, после чего Шон кашляет и испускает вынужденный смешок.

— Да, Персик. Я почти забыл о ней.

Моя молитва об отвлечении — каком-либо отвлечении от этой темы: пожар на кухне, крупная автомобильная авария на шоссе, чертова ядерная авиа-атака, мне плевать — была услышана, когда официантка подошла поинтересоваться, не хотим ли мы еще чего-то. Я за обе щеки уминаю бургер, лихорадочно думая о том, как сменить эту несчастную тему разговора.

Как только она уходит, Шон выдает:

— Итак.

Я поднимаю взгляд и вижу дьявольскую улыбку на его лице.

— Почему ты не взял её номер, Адам?

— Потому что идиот, — отвечает он, от чего к моим щекам приливает кровь. — Я даже не узнал её настоящее имя.

— И ты понятия не имеешь, как её могут звать? — интересуется Шон, украдкой посылая мне хитрую улыбку.

— Абсолютно.

— Ты хоть помнишь, как она выглядела? — упрекает его Шон. — Ты выпивал, не так ли?

— Я никогда не забуду, — возражает Адам, принимая вызов, в то время как ухмылка Шона становится всё шире и шире.

— На ней были розовые босоножки и черная мини-юбка. Её тело, чувак...

Должно быть, Вселенная решила сыграть со мной злую шутку. Адам качает головой, словно воспоминания слишком сильные, после чего смотрит в мою сторону, будто только сейчас вспомнил, что рядом с ним сидит девушка. Он откашливается и быстро заканчивает предложение:

— ...светлые волосы. Длинные ноги. Розовые глаза.

— Розовые глаза? — спрашивает Джоэль.

— Макияж, — объясняет Адам. — Он был дымчатым и как бы блестящим. И она, наверное, использовала лосьон с блестками или что-то в этом роде, потому что после неё вся кровать была в блестках.

Я тяжело сглатываю. Тем вечером Ди уговорила меня использовать спрей с блестками для тела, и он также остался и в её постели.

— У неё были волосы как у Роуэн, не так ли? — с озорным блеском в глазах спрашивает

Шон.

Я УБЬЮ ЕГО! Когда Адам смотрит в моем направлении, моё сердце стучит, словно отбойный молоток. Он лишь бегло осматривает мою причёску, прежде чем исключить возможность того, что волосы Персика были похожи на то, что в настоящее время было скручено в ультравысокий пучок.

— Да, немного, кажется. Но светлее и волнистей.

Мои волосы всегда немного светлее летом, и Ди использовала свою магию на моих непослушных локонах.

— Может быть, она будет сегодня на концерте, — предполагает Шон, его глаза искрятся волнением, когда я одариваю его ещё одним предостерегающим взглядом.

Мне приходится использовать всё своё самообладание, чтобы не пнуть его под столом, но если он продолжит в том же духе — узнает, каково это, получить коленом по бедру.

Адам пожимает плечами, и я прерываю разговор, говоря ребятам, что мне нужно отлучиться в уборную. Незаметно ударяю Шона ногой по голени, а затем указываю взглядом на дверь закуской, надеясь, что он поймет намек и последует за мной. После того, как Адам выпускает меня из кабинки, я захожу за угол и остаиваюсь, дожидаясь Шона.

Не могу поверить, что Адам рассказал всем обо мне. Не могу поверить, что он вообще *помнит* меня.

Когда Шон показывается из-за угла, я практически выталкиваю его за дверь, чтобы мы могли поговорить снаружи. Он смотрит на меня и начинает хохотать.

— Я знал! Знал!

— Никому не говори, пожалуйста, — вздыхаю я. Тревога, словно ледяное покрывало, окутывает меня.

— Почему? Почему ты не сказала Адаму?

Я поправляю выбившуюся из пучка прядь волос.

— Не хотела, чтобы он знал, — нахмурившись гляжу на Шона, который выглядит смущенным и удивленным одновременно.

— Я не та девушка, которую он запомнил, Шон, — указываю я на свой обычный топ, джинсы и сандалии.

— Тем не менее, ты *та* девушка.

— Тем не менее, нет. Я не хочу быть одной из фанаток Адама.

— И он знает это.

— И это *всё*, что ему следует знать.

Шон смотрит на меня так, словно я головоломка, которую он не может разгадать.

— Почему ты на самом деле поехала с нами?

Я снова вздыхаю, устало потирая виски.

— Профессор грозил ему исключением. Я хотела помочь, поэтому вмешалась.

— Но почему? Почему ты так поступила?

— Тем вечером, когда вы с Адамом встретили меня... я порвала с парнем, — откровенничаю я. — Я застучала его с девушкой на том шоу, а Адам был довольно милым со мной. Честно говоря, если бы не он, та ночь была бы худшей в моей жизни. Я чувствовала себя обязанной ему.

Какое-то время Шон молчит, задумавшись, затем качает головой.

— Не могу поверить, что он не узнал тебя.

— Я выглядела совершенно иначе тем вечером, а он выпил.

— Да, но он словно зациклился на тебе.

— Зациклился на мне?

— Ага. Он очень много говорил о тебе, всегда вносил в список доступа за кулисы и каждое наше выступление в Mayhem публично обращался к тебе, умоляя встретиться с ним после шоу.

Даже не знаю, как переварить эту информацию, что уж тут говорить об ответе. Я просто стою, уставившись на Шона, который всё ещё выглядит слегка ошеломленным.

— Значит, ты не собираешься рассказывать ему? — интересуется он.

— Нет, и я была бы весьма признательна, если бы ты тоже молчал, — качаю головой.

Шон долгое время изучает обеспокоенное выражение моего лица, после чего вздыхает и задумчиво чешет затылок.

— Не скажу, если ты так хочешь. Но, если честно, я действительно считаю, что ты должна ему рассказать.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Шон. Ему не нужно это знать.

— Но я по-прежнему считаю, что ты должна это сделать, — пожимает он плечами.

Зайдя в закусочную, я направляюсь напрямик в уборную, чтобы взять себя в руки. Адам зациклился на мне? Верится с трудом, поскольку он определенно точно не узнал меня, когда я спасла его от д-ра Пуллмена. Кроме того, не прошло и двух дней с момента нашей встречи, как он с крайне счастливым видом заплыл в класс со всеми теми шлюшками, повисшими на нём. Но опять же, похоже, что большинство ребят слышали обо мне — о Персике Адама — следовательно, он рассказал им про меня...

Всё это неважно. Даже если та ночь что-то и значила для Адама — он не тот, кто вступает в отношения. А даже если это не так — я не ищу отношений.

Я возвращаюсь к столику, намеренно избегая взгляда Шона, и ожидаю, пока Адам встанет, чтобы проскользнуть на свое место.

— Ты в порядке? — интересуется он. Я понимаю, что он подразумевает мое длительное отсутствие «в уборной».

— Да, — лгу в ответ. — Скорее всего, меня просто слегка укачало.

— О... Хочешь поехать на автобусе?

Мельком смотрю на Шона, пристально дожидаящегося моего ответа.

— Нет... Нет, всё в порядке. Просто не давай мне снова уснуть, — натянуто улыбаюсь Адаму, чьи сдвинутые над великолепными серо-зелеными глазами брови прямым текстом говорят о безмерной заботе обо мне. Это напоминает мне то, как он смотрел на меня в Mayhem, когда нашел рыдающей, и от этого воспоминания мне вновь захотелось растаять в его объятиях. Я быстро перевожу взгляд на свою тарелку и доедаю уже остывший бургер.

Ребята настояли на оплате за мою еду, после чего мы вышли из закусочной под яркие лучи полуденного солнца. Кондиционер в закусочной всё время сильно дул, поэтому теплые солнечные лучи приводят в чувство мою покрывшуюся пупырышками кожу. Мы с Адамом отделяемся от группы, после чего он опускает на глаза очки и закуривает сигарету, прежде чем забраться в машину.

В дороге я достаю учебник и начинаю гонять его по материалу, который мы прошли в автобусе. Я крайне нуждаюсь в отвлечении. Если Шон расскажет Адаму, кто я... даже не знаю, что мне делать. А как поступит Адам? Будет ли он рад? Зол? Позволит ли мне остаться до конца выходных?

Я погружаюсь в обучение французскому языку, и, к моему удивлению, Адам в

действительности помнит большую часть пройденного материала и кажется гораздо более сосредоточенным. Полагаю, за рулем он меньше отвлекается, и я намерена использовать это во благо и извлечь выгоду из наших поездок на машине. Мы переходим к следующей главе, и я становлюсь чуть более уверена в том, что мы сможем разобрать достаточное количество материала до экзамена, который состоится через несколько дней.

Спустя час строгого допроса и хороших результатов, я закрываю книгу и забрасываю её на заднее сидение.

— Пора отдохнуть.

Достаю из сумочки телефон и проверяю пропущенные сообщения. Смеюсь, прочитав последнее сообщение от Ди, присланное мне этим утром.

Тебя уже целиком и полностью лишили девственности?

От сообщения Лэти я смеюсь ещё сильнее.

Мне приснился сон. Там была ты и Адам... и я растоптал тебя, чтобы добраться до него. Мне жаль! (Почти что)

— У меня смешные друзья, — объясняю я, когда Адам с любопытством смотрит на меня.

— Да? Что пишут?

— Просто разглагольствуют о том, насколько ты, по их мнению, сексуален.

Адам ухмыляется и резко сворачивает автомобиль на обочину, глуша двигатель.

— Что ты делаешь? — нервно спрашиваю я.

— Дай мне руку, — произносит он, снимая одно из своих колец. Я делаю то, что он просит, после чего он надевает кольцо на мой безымянный палец.

Бабочки. Так много чёртовых бабочек.

— Сфотографируй нас и отправь им, — говорит он. Его невинная улыбка — источник неприятностей, и от её вида я взрываюсь от смеха.

— Ты — гений!

Я поворачиваюсь спиной к Адаму, чтобы можно было сфотографироваться вместе, но он обнимает меня за талию и перетягивает через центральную консоль, вплотную прижимая к себе. Для фото он прижимается к моей щеке, от чего я, как идиотка, заливаюсь румянцем. Я долго вожусь с приложением камеры на телефоне, после чего делаю снимок, держа руку с кольцом на безымянном пальце в чрезвычайно легкомысленной позе. Смеюсь и ползу обратно на пассажирское сидение, отправляю снимок Ди и Лэти, тогда как Адам заводит машину и возвращается обратно на шоссе.

Спустя несколько секунд мой телефон начинает разрываться от входящих сообщений, от чего я смеюсь. Сообщения Ди такие же громкие, как и она сама.

Ты такая врушка! Но, блин, ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ НА СЕБЯ!

Он чертовски сексуален!

ВЫЙДИ ЗА НЕГО ЗАМУЖ ПО-НАСТОЯЩЕМУ. ИЛИ ДАЙ ЕМУ МОЙ НОМЕР!

В то время, пока я читаю её сообщения, мой телефон продолжает пищать из-за входящих смс от Лэти.

Я визжал, как школьница!

Пожалуйста, скажи, что у вас был повтор того, что случилось в прошлом месяце!

Приведи его ко мне! Обещаю не затоптать тебя (окончательно) до смерти!

Только посмотрите, какие вы счастливые, голубки! Ой-ой!

— Они купились? — спрашивает Адам.

— Нет, — смеюсь, — думаю, мы ещё больше вдохновили их.

Он выглядит слишком счастливым от услышанного — на его лице сияет улыбка до ушей, когда я начинаю отвечать на сообщения. Ди я написала, что позвоню позже, чтобы рассказать о поездке, а Лэти сказала, что у меня всё хорошо. В ответ он присылает мне фото с оттопыренной нижней губой, на что я хихикаю и качаю головой.

Убрав громкость на телефоне так, чтобы Адам ничего не смог услышать, начинаю прослушивать голосовую почту. Моя мама лишь хотела убедиться, что со мной всё хорошо, так что шлю ей смс, сообщая, что я в порядке и позвоню позже на неделе. Ди оставила мне несколько сообщений, угрожая «непредсказуемыми последствиями», если я не «останусь без своей розочки» к моменту возвращения домой. И напоследок Брейди.

Через динамик звучит его голос.

“Привет, Роу... я звоню, чтобы узнать, не будет ли у тебя свободного времени на этих выходных. У меня оба дня свободны, и я подумал, что, возможно, мы могли бы встретиться и поговорить... если ты готова. Позвони мне, пожалуйста. В любое время, когда тебе будет удобно”. После долгой паузы он добавляет:

“Всё ещё люблю тебя, детка. Я не ставлю на нас крест”.

Убирая телефон, пытаюсь сохранить каменное выражение лица, после чего смотрю на Адама — его увешанные браслетами запястья и черные ногти. Он поддавливает меня на этом и смотрит в ответ, на несколько секунд наши взгляды встречаются, ни один из нас не улыбается и не говорит. О чем он думает?

Я осознаю, что его кольцо всё ещё на мне, в любом случае оно велико мне, так что снимаю его и возвращаю Адаму.

— Спасибо за фото, — шепчу я. — Это было круто.

Он надевает кольцо на мизинец.

— Спасибо, что носила мое кольцо, — он подмигивает мне, от чего я хихикаю и закатываю глаза.

— Ты должен спеть мне песню, — немного отодвигаю спинку кресла назад и закрываю глаза.

— Хочешь, чтобы я спел тебе колыбельную?

— Нет, хочу, чтобы ты не давал мне уснуть.

— Что ты хочешь услышать?

— Как насчет одной из твоих песен?

Адам берет телефон и листает музыку, останавливаясь на инструментальной, акустической версии одной из медленных композиций его группы. Он поет мне песню о лучших друзьях, поздних вечерах и воспоминаниях, которые будут жить вечно. Наблюдая, как он поет, радуюсь, что парень не смотрит на меня, потому что в таком случае мне пришлось бы отвести взгляд. Его голос тихий в сравнении с тем, когда он выступает на сцене, и сейчас он звучит ещё красивее. От него у меня мурашки по коже.

Я улыбаюсь Адаму, когда песня заканчивается, и он наконец-то смотрит на меня.

— Знаешь, ты действительно талантлив.

Он меняет руку на руле и тянется ко мне, чтобы прикрыть глаза.

— Прекрати, — стыдится он. — Ты вгоняешь меня в краску.

Адам? Стесняется? Я смеюсь и отталкиваю его руку.

— Ну да, ну да.

Он подмигивает мне с ухмылкой на лице, и мне приходится отвести взгляд,

сосредоточившись на деревьях справа от меня. Я продолжаю твердить себе не влюбляться в него, потому что он — Адам чертов Эверест, а мое сердце уже достаточно натерпелось в этом году.

Долгое время я наслаждаюсь прохладным ветерком, ласкающим кожу, и музыкой, льющейся из динамиков Адама, прежде чем решаюсь взять телефон и написать ответ на сообщение Брейди.

На этих выходных я занята, но в скором времени мы встретимся. Обещаю, я позвоню тебе в ближайшие пару дней, и мы договоримся о встрече.

Позже я остаюсь одна в гастрольном автобусе, пока остальные ребята настраивают аппаратуру. Удобно устроившись на диванчике, набираю Ди. Первое, что она произносит, ответив на звонок: «ПОДРОБНОСТИ!»

— Что ты хочешь знать? — спрашиваю я, уверенная, что она слышит улыбку в моем голосе.

— Как далеко вы с ним зашли?

— Ди, мы просто друзья, — отвечаю я, ожидая, что это будет её первый вопрос.

— Роу, у таких, как он, нет *подруг*. В смысле, Боже, как ты это терпишь?! Меня кинуло в жар от одного только присланного тобой фото! Спроси у Мейси! Мне даже пришлось прилечь!

— Кто сказал, что это легко... Он просто очень милый парень, — смеюсь я в трубку.

— Так в чем проблема?

— Он не столь мил с девушками, с которыми спит...

Я вспоминаю то, как прошлой ночью он сбросил девушку со своих колен, словно она была надоедливым цепким котом, который перестал быть ему интересен.

— Оу... он переспал с кем-то, пока ты была там?

— Нет, но прошлой ночью вокруг него была целая толпа девушек.

— И? Что произошло?

— Он...

Ладно, это прозвучит гораздо значимее, чем было на самом деле.

— Он как бы оставил их, чтобы прогуляться со мной.

— ЧТО, ПРОСТИ?!

— Всё потому что мы друзья! Я чувствовала себя совершенно не в своей тарелке, и, думаю, он понял это.

— Ты нрааавишься ему! — пропела Ди.

Я качаю головой.

— Нет, то есть да, я, наверное, могла бы замутить с ним, если бы захотела. Не то чтобы у него были высокие требования... но он не ищет отношений, Ди. Впрочем, как и я. Но и на одну ночь я тоже не согласна. Особенно после...

Я не договариваю до конца, и она вздыхает, точно зная, что я собиралась сказать.

— Он всё ещё звонит тебе? — мы больше не говорим об Адаме.

— Да... Я пообещала ему поговорить. Возможно, на этой неделе.

Могу сказать, Ди тщательно обдумывает, что сказать дальше. Она определенно умерила свой пыл после того, как выхватила мой телефон и послала Брейди, когда мы возвращались с осенних каникул.

— Что ты скажешь ему?

— Ещё не знаю. Решу, когда увижу его.

— Ты же не думаешь о том, чтобы вернуться к нему, да?

— Не думаю...

— Не думаешь?

— Мы многое пережили, Ди. Я просто... просто поговорю с ним и всё выясню. Но я не дура. И ты это знаешь, так что просто верь мне.

Она тяжело вздыхает, и между нами повисает долгое молчание, прежде чем я решаюсь вновь возобновить разговор.

— Так я пропустила что-то хорошее с момента моего отъезда?

— Кэрри приходила, чтобы официально выселить тебя из нашей комнаты, — она смеется, а я закатываю глаза при упоминании имени представителя студсовета.

— Ты бы видела её лицо, когда она не нашла тебя здесь. Она сделала нам с Мейси официальное письменное предупреждение, но мне плевать.

Официальное предупреждение? Я хмурюсь.

— Что будет, если я останусь? Что сказано в предупреждении?

— Не беспокойся об этом, Роу. Она просто сучка, которой кроме как изводить людей, у которых есть настоящие друзья, больше нечего делать.

— Мне нужно подыскать квартиру...

— Ты можешь себе это позволить?

Я молчу, потому что мы обе прекрасно знаем, что ответ — нет, и я ни за что в жизни не попрошу ещё больше денег у родителей.

— Может быть, пару ночей в неделю ты сможешь оставаться у Лэти...

— Ага, может, — соглашаюсь я, на самом деле так не считая. Я устала быть обузой для своих друзей, поэтому мне нужно что-то придумать. В ближайшее время. — Волнуешься из-за первого рабочего дня завтра?

— Не-а, — отвечает Ди. — Я готова загребать лопатой чаевые! Я даже угощу вас с красавчиком выпивкой, когда ты вернешься!

Я смеюсь, когда она вдруг произносит:

— О! Угадай, с кем я была прошлой ночью!

— С кем?

Подруга называет мне имя парня, но я даже не утруждаюсь запомнить его, потому что через две недели она, вероятнее всего, сама его не вспомнит. К тому времени, как она заканчивает восторгаться, остается меньше пяти минут до начала концерта. Я расчесываю волосы и собираю их в тугий пучок, после чего переодеваюсь в пару обтягивающих джинс и обновляю блеск на губах. Когда выхожу из автобуса и закрываю за собой дверь, с удивлением обнаруживаю Адама. Он стоит, прислонившись спиной к автобусу и опершись ногой о черный металл, с зажжённой сигаретой в руке. Делает последнюю затяжку и тушит окуроч, а когда замечает меня, подходит и обнимает за плечи.

— Почему ты ещё здесь? — спрашиваю я, поднимая взгляд, чтобы встретиться с его серо-зелеными глазами. Той ночью в Mayhem я была на высоченных каблуках. Без них я значительно ниже него. — Я думала, ты пошел готовиться.

— И быть *вовремя*? — ухмыляется он, глядя на меня. — Я бы предпочел провести тебя.

Прежде чем уйти из автобуса, Адам выпил пару бокалов спиртного, и я чувствую, как запах сигарет и виски смешивается с ароматом его одеколона. Когда он подводит меня к началу очереди, всё ещё обнимая, и мы с легкостью проскальзываем внутрь здания, я ощущаю на себе завистливые взгляды каждой девушки, мимо которой мы проходим. Я ловлю

себя на том, что всё это время мысленно повторяю уже знакомую мне мантру.

Не влюбляйся в Адама. Не влюбляйся в Адама. Не влюбляйся в Адама чёртова Эвереста.

Он проводит меня за кулисы, и я общаюсь с группой, пока они не уходят на сцену. Затем я стою с Водилой и смотрю их выступление. Девушки истерически визжат после каждой песни, и уже к третьей я обнаруживаю себя орущей вместе с ними. Услышав меня, Адам оборачивается и сверкает мне своей жемчужно-белой улыбкой, что превращает все мои внутренности в пудинг. Невзирая на смущение, я складываю ладони рупором и кричу ещё громче. Смотрю на Майка, сидящего за барабанами, который смеется надо мной, прежде чем начать играть вступление к следующей песне. Ребята совершенно потрясающие, а когда Адам с Шоном поют в унисон, заканчивая строчки друг друга и переплетаясь голосами, у меня бегут мурашки по коже. Голос Шона немного ниже, чем у Адама, но они идеально звучат вместе. У Шона, Джоэля и Коди весьма прыткие пальцы — они с легкостью бренчат на гитарах, а Майк стучит на барабанах так лихорадочно и сдержанно одновременно, как никогда. Интересно, будет ли Адам считать меня достаточно хорошим другом, чтобы пропускать за кулисы после окончания этой поездки... я бы хотела, чтобы Ди и Лэти смогли увидеть это.

К концу выступления ребята взмокли от пота. Адам подходит ко мне и поднимает руку, словно собирается облокотиться мне на плечо, но я быстро делаю шаг в сторону. Когда он удивленно смотрит на меня, я отвечаю:

— Ты *потный*.

Он опускает взгляд на свою мокрую от пота рубашку, а затем вновь смотрит на меня глазами, наполненными бедами и плохими идеями.

— Ой, брось, ты же не боишься немного тяжело заработанного пота, да?

Он делает угрожающий шаг ко мне, а я быстро отступаю назад и, защищаясь, выставляю руки вперед.

— Не смей!

Адам зыркает глазами мне за спину, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он глядит, как вдруг меня обвивают длинные руки. Огромные зеленые глаза, выглядывающие из-под коротких черных волос, встречаются с моими — Шон. Так как Адам прижимается ко мне спереди, мне не удастся вырваться из его хватки, и я оказываюсь в потном бутерброде между ним и Шоном.

— Фу! — визжу я, извиваясь и пытаясь стать тонкой, как бумага, чтобы проскользнуть мимо этих пропитанных потом футболок. Но затем ещё одно пламенно-горячее тело прижимается ко мне.

Майк кладет руки Шону и Адаму на плечи.

— Слышал, ты питаешь слабость к чужому поту, — улыбается он мне.

— НЕТ!

— Майк! Я тоже это слышал! — Джоэль прижимается с другой стороны.

Они смеются, когда я пытаюсь съжаться до минимальных размеров. Я не пытаюсь высвободиться, потому что в таком случае только ещё больше пропитаюсь потом. Они все слишком высокие; сомневаюсь, что кто-то смог бы увидеть меня, беспомощно стоящую среди них. В конце концов, я падаю на пол и проползаю между чьими-то ногами, после чего подбегаю к Водиле и прячусь за ним. Я цепляюсь за его плечи, чтобы использовать, как щит.

Ребята смеются, когда он пытается отодвинуться от меня, а я в свою очередь ещё крепче цепляюсь за него, практически душа воротником его собственной футболки. Когда они

наконец-то возвращаются к тому, чем занимались до этого — вытираться полотенцем и жадно пить воду — я отпускаю Водилу и глуповато улыбаюсь ему, прежде чем сесть на ступеньки рядом с Коди. Он смачивает полотенце водой, а затем вытирает им лицо и голову. За всё это время мы с Коди обменялись парой слов — если не меньше — но, думаю, это лишь потому, что он гораздо тише остальных.

— Вы очень круто отыграли сегодня, — говорю я, надеясь завязать беседу.

— Спасибо, — улыбается он.

— После этого все пойдут в автобус?

— Эй, Шон! — кричит Коди, прерывая беседу Шона, Адама и Водилы. — Мы куда-нибудь пойдём или останемся в автобусе?

Словно по принципу домино, Шон смотрит на Адама, а Адам в свою очередь — на меня. Его губы медленно растягиваются в улыбке, и в итоге он улыбается мне, будто Чеширский кот, только с очень плохими мыслями в голове.

Глава 15

«Куда-нибудь» в действительности оказывается обычной забегаловкой через дорогу от концертной площадки. Когда группа вместе со свитой, сопровождаемая огромным количеством зрителей, пересекает её порог, от просто переполненной она становится *невероятно переполненной*.

Рука Адама словно приклеилась к моей спине, пока он ведёт меня к единственному свободному стулу у бара, усаживает на него и становится рядом. Он заказывает по шоту для каждого члена группы, после чего интересуется, пила ли я прежде текилу.

— Не-а, — качаю головой.

— Тогда ты просто обязана позволить мне показать, как это делается, — шепчет Адам мне на ухо.

Если он думает, что я позволю ему пить текилу из моего пупка, пусть найдет кого-то другого. Я поворачиваюсь к нему, собираясь сказать об этом, и тут же сталкиваюсь лицом к лицу с толпой девушек, пристроившихся к парню рядом.

— Привет, — здоровается с Адамом, очевидно, лидер этого гарема. У нее длинные, цвета ночи, волосы, завитые в совершенные локоны, и густые накладные ресницы, которыми она без причины хлопает, если учесть, что Адам даже не смотрит в её сторону. Когда он, в конце концов, замечает, что она к нему обращается — поворачивается и мило улыбается ей.

— Привет.

— Мы были на вашем шоу, — она соблазнительно улыбается парню. — Это было потрясающе. Мне нравится, как ты поешь.

— Спасибо, — вкрадчиво благодарит он. Адам не кажется взволнованным её попытками соблазнить его. Полагаю, он к этому уже привык.

Когда передо мной появляются наши шоты, я хватаю свой и выпиваю ещё до того, как Адам увидел, что их принесли. Он всё ещё общается с черноволосой шлюшкой, и мне как воздух нужен алкоголь. Я борюсь с искушением выпить и шот Адама, но потом решаю, что это будет слишком. В какой-то момент разговора парень переводит взгляд на наши шоты, на мою пустую рюмку, затем — на меня.

— Ты уже выпила? — он прерывает девушку на полуслове.

— Прости, — хихикаю я, увидев его шокированное выражение лица.

— Текилу так не пьют!

— О! — восклицает девушка рядом с ним. — Я люблю текилу! Ты никогда не пила

шоты? — улыбаясь и сверкая карими глазами, спрашивает у меня. — Сейчас. Давай, покажу тебе, — предлагает она, не оставляя мне возможности ответить.

Берет дольку лайма в одну руку, а другой держит запястье одной из подруг, чувственно облизывает бледную кожу, после чего посыпает солью. Затем помещает дольку лайма между губ своей подруги — низенькой крашенной блондинки с короткой рваной стрижкой — после чего вызывающе слизывает соль с её запястья. Выпивает шот Адама и распутно, насколько это вообще возможно, закусывает лаймом из губ своей подруги.

Я закатываю глаза, но никто этого не замечает. Адам полностью поглощен данным зрелищем, от чего моя кровь закипает.

— Миленько, — возмущаюсь я.

Он отводит взгляд в сторону, чтобы наградить меня дьявольской улыбкой.

— Хочешь попробовать?

Я неодобрительно прищуриваюсь, глядя на него, тем самым рассмешился.

— Давай же. Будет весело.

— Я пас, — отказываюсь, глядя на черноволосую фифу.

— Не с ними, — шепчет Адам, наклонившись ближе ко мне.

— Роуэн! — неожиданно кричит Шон, пробираясь сквозь толпу, чтобы встать рядом с Адамом. — Что ты тут пьешь? — улыбается он мне, глядя на пустую рюмку. — Шнапс? Персиковый?

Я игнорирую тупой подтекст и спрыгиваю со стула, хватая его за локоть.

— Сыграй со мной в бильярд.

Мне нужно убрать от Адама, прежде чем я оближу его с головы до ног. И подальше от его шлюх, прежде чем выцарапаю им глаза.

Шон ведет меня к бильярдным столам, где уже играют Коди и Джоэль.

— Кто выигрывает? — интересуюсь я, рассеянно замечая, что Адам последовал за нами, впрочем, как и его разодетый девчачий конвой. Они сливаются с уже присутствующими здесь фанатками, наблюдающими за игрой Коди и Джоэля. Майк стоит в стороне и потягивает пиво, невзирая на то, что рядом с ним девушка пытается — и успешно проваливается в этом — привлечь его внимание. Он игнорирует её так, словно ему за это платят — стоит со скрещенными на груди руками, опершись плечом о деревянный столб. Услышав мой вопрос о том, кто выигрывает, он подходит ко мне.

— Коди, но они оба отстойно играют.

Я смеюсь, глядя, как парни раз за разом промахиваются, пока не приходит официантка, чтобы узнать, не хотим ли мы чего-нибудь выпить. Когда Майк спрашивает, чего я хочу, и сообщает, что всё это за счет группы, я заказываю Лонг-Айленд, отчаянно нуждаясь в алкогольном буфере между мной и витающими в воздухе феромонами.

Когда бильярдный стол освобождается, я хватаю кий и зову Шона.

— Ты готов?

Он качает головой, так как клеит стоящую рядом девушку.

— Я пас! Адам, играй!

Адам тут же отходит от толпы девушек и хватается за кий.

— Если честно, я ужасный игрок, — смущенно произносит он, натирая мелом кий.

— Ты не можешь быть хуже Коди и Джоэля, — шучу я.

— А что насчет тебя? — спрашивает он, смахивая челку с глаз. — Ты хороша в этом?

— Не очень, — лгу я.

— Значит, мы должны сделать это интересным.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Это уже становится интересным.

— Что ты имеешь в виду?

— Если я выиграю, ты должна будешь сделать со мной боди шот. Неважно, ты будешь пить или я, главное — ты будешь моей партнершей.

— А если я выиграю?

— А чего ты хочешь? — он хлопчет, выравнивая шары.

Я долго обдумываю, а затем хитро улыбаюсь.

— Ты должен пройти весь материал до восьмого параграфа, даже если тебе придется заниматься после концерта.

— Это же четыре параграфа!

— Другого не дано, — ухмыляюсь в ответ.

Он облизывает губы, обдумывая предложение.

— Могу я хотя бы разбить шары?

— Конечно же, — говорю я с легкой улыбкой. Разобьет он или нет — всё равно победа за мной.

Наклоняясь над столом, Адам прицеливается.

— Я в деле, — с уверенной улыбкой произносит он.

Парень с такой силой ударяет по битку, что остальные шары разлетаются по всему столу, и два из них сразу же попадают в лузы. Его удар был столь ловким, что я без раздумий могу сказать — он соврал по поводу своего мастерства.

— Роуэн! — смеется Шон, когда Адам делает следующий удар. — Он надул тебя! Адам вырос у бильярдного стола.

Когда Адам делает следующий удар и промахивается, я подхожу к битку и ухмыляюсь Шону.

— Я тоже.

Я склоняюсь над столом и делаю удар, отправляя шар прямым в угловую лузу. Парни наблюдают за тем, как красный шар попадает в неё, а затем начинают заливисто хохотать. Адам выглядит так, словно окончательно потерял дар речи, когда я обхожу стол, настраиваюсь на следующий удар и выполняю его так же безупречно, как и предыдущий.

— Отец приобрел бильярдный стол, когда мне было восемь, — говорю я, загоня третий шар в лузу. — А так как я единственный ребенок, мы играли вместе. *Много играли*, — ухмыляюсь Адаму, который по-прежнему выглядит так, словно думает, что всё это ему снится. — Прости, Адам, но у тебя не было шанса.

Позже я сижу за барной стойкой рядом с ноющим Адамом.

— Ты же на самом деле не собираешься заставить меня учиться после шоу, да?

Я усмехаюсь, опустив взгляд на напиток и пытаюсь игнорировать массирующую его плечи девушку. У неё длинные розовые волосы (ради всего святого, розовые волосы!), и она одета в коротенький топ детского размера и кукольную юбочку. Я уж было собиралась ответить, когда она вдруг обошла Адама и села к нему на колени.

— Что ты изучаешь?

— Французский, — разочарованно стонет он.

— Ооо, обожаю французский, — произносит она, запуская пальчики в его волосы. Я каким-то образом противостою желанию оттолкнуть её руки. — Скажи что-нибудь по-французски.

Адам мгновение раздумывает, после чего, широко улыбаясь, обращается к ней.

— *Tu parles trop.*

Я с трудом сдерживаю смехок, прикрывая ладонью рот, чтобы случайно не выплюнуть напиток, когда девушка визжит от восторга и спрашивает у Адама, что он сказал. Он смотрит на меня с подергивающимися от сдерживаемого смеха губами. Я же не могу рассказать ей, что, по его словам, она слишком много болтает, да? Адам хихикает, и я понимаю, что он не собирается отвечать ей, тем самым делая эту ситуацию невероятно неудобной.

— Он сказал, что ты очень красивая, — говорю я девушке, чтобы заполнить неловкое молчание. Она заливается краской и чмокает его в щеку. Адам хитро улыбается мне.

— *Tu es une...*

Он наклоняется и шепчет мне на ушко:

— Как будет «неисправимая лгунья» по-французски?

Я смеюсь, когда парень выпрямляется, а девушка рассеянно улыбается нам.

— *Menteuse*, — подсказываю ему.

— *Tu es une menteuse*, — Адам разочарованно качает головой и цокает языком.

Я игриво закатываю глаза и поворачиваюсь к бару, чтобы заказать ещё один коктейль. Когда Шон приходит, чтобы узнать, не готова ли я сыграть в пул — я следую за ним к бильярдным столам, стоящим в дальнем углу зала, оставляя Адама с сидящей на его коленях девушкой, сигаретой в руке и коктейлем на барной стойке.

Мы с Шоной пробираемся через толпу, минуя Джоэля (которого сложно не заметить, благодаря ирокезу), целующегося с какой-то брюнеткой, и Водилу, курящего что-то подозрительное. Когда мы подходим к свободному столу, который держит для нас Майк, я беру кий и натираю его мелом.

— Почему ты передумал? — спрашиваю у Шона, удивляясь, почему он всё-таки решил сыграть со мной.

— Сколько ты вышила?

Я показываю три пальца, после чего задумчиво смотрю на деревянный потолок и медленно поднимаю ещё один палец. Он смеется.

— Вот поэтому и передумал. Может хоть так у меня будет шанс победить.

— Я бы на это не рассчитывал! — кричит Майк, уходя в сторону бара.

Я смеюсь и в благодарность киваю ему, после чего он растворяется в толпе.

— Давай, Персик, ты разбиваешь, — говорит Шон после того, как выстроил шары.

Я нервно озираюсь, изучая лица стоящих вокруг нас людей, но кажется, что никто не услышал или не придал этому значения. Пристально гляжу на Шона и подхожу ближе к нему, чтобы сделать свой ход.

— За это я надеру тебе зад, — бормочу я, склоняясь над столом.

— Ты в любом случае сделала бы это, — смеется он.

— И то правда, — ухмыляюсь ему, после того, как шар забила в угловую лузу.

Чтобы подготовиться к следующему удару, я подхожу к столу со стороны стены, и это означает, что теперь я могу видеть Адама. На моем месте уже расположилась новая девушка, прежняя всё ещё сидит у него на коленях, и ещё одна держится за его плечо. Я делаю удар и тотально промахиваюсь, ругаясь себе под нос.

— Ага, может и нет, — смеется Шон.

Я всё больше разочаровываюсь во время игры, так как *конкретно проигрываю*. Не

уверена, из-за выпивки это или из-за шлюшек, но я абсолютно не могу сосредоточиться. Шон подходит и останавливается рядом со мной, глядя на Адама, шепчущего что-то на ушко девушке.

— Знаешь, я думаю, он не обращал бы на них внимания, если бы ты всё ещё была там.

Меня раздражает то, что он достаточно наблюдателен, чтобы понять, что именно выбило меня из колеи.

— Ему не нужно со мной нянчиться, — усмехаюсь я.

— Это не то, что я имел в виду, — странно смотрит на меня Шон.

— Просто делай свой ход, Шон.

Ещё какое-то время он изучающе смотрит на меня, после чего пожимает плечами и склоняется над столом, отправляя шар в боковую лузу.

Я выиграла партию, но, клянусь, только потому, что Шон позволил мне. Наверное, он жалеет меня. Взглянув на Адама, смеющегося со своим собственным гаремом хихикающих потаскушек, я внезапно почувствовала себя не к месту в этом баре.

— Думаю, мне пора убираться отсюда, — обращаюсь я к разговаривающим рядом со мной Шону и Майку.

— Ой, да ладно тебе, — говорит Шон. — Всё было *не так уж и плохо*. Да ты порвала меня, как Тузик грелку!

— Я не из-за этого, просто устала. Нет сил продолжать тусить, парни, — выдавливаю из себя улыбку.

— Я провожу тебя, — обнимает меня за плечи Майк.

По приходу в автобус парень сразу же заваливается перед телевизором и выхватывает контроллер из путаницы проводов мультимедийного центра. Он предлагает мне сыграть с ним, но я отказываюсь и поднимаюсь наверх, чтобы подготовиться ко сну. Умываюсь, расчесываю волосы и переодеваюсь в шелковые пижамные шорты и чистую майку. Когда возвращаюсь к своей кровати, которую кто-то любезно застелил для меня, с ужасом смотрю на нее. Я не врала Шону, когда сказала, что устала. Такое чувство, словно я на протяжении сорока восьми часов ни разу не сомкнула глаз — длительные поездки под палящим солнцем и ночные пьянки с группой одолевают меня. Ещё одна ночь, сопровождаемая храпом Джоэля, *вполне* может убить меня, и завтра я наверняка не смогу выдержать репетиторский марафон с Адамом.

Мой взгляд скользит на закрытую дверь в спальню, после чего, тяжело вздохнув, я захожу в неё. Сложив все вещи в углу комнаты, заползаю под черное атласное покрывало. Простыни прохладные, и это так прекрасно ощущается на моей разгоряченной алкоголем коже. Я зарываюсь лицом в мягкую плюшевую подушку, которая так вкусно пахнет Адамом, и засыпаю, думая о том, заметил ли он, что я уже ушла, или нет.

Глава 16

Сквозь сон ощущаю движение на кровати. Сначала шевелится одеяло, затем позади меня кровать прогибается под тяжестью веса. Кто-то пододвигается ближе, и я смутно осознаю, что это Адам. Он пахнет сигаретами и более насыщенной версией выветрившегося одеколлона, всё ещё сохранившего свой аромат на моей подушке. Сон практически затащил меня обратно в свои объятия, когда я почувствовала, как что-то теплое коснулось моего плеча. Что-то влажное.

Адам целует меня в плечо и нежно проводит языком по изгибу шеи.

— Адам, — тихо произношу я, не совсем проснувшись. Четыре выпитых коктейля всё

ещё держат мой рассудок в тумане. — Не надо.

— Почему? — так же тихо спрашивает он, снова целуя меня в шею.

— Мы друзья.

Он ласково проводит пальцами по моей руке и нежно целует чувствительную кожу, посылая мурашки по всему телу.

— Очень, *очень хорошие* друзья.

Я хихикаю и перекатываюсь на живот. Прижавшись щекой к подушке, изучаю его великолепное, освещенное луной лицо, и тяжело вздыхаю.

— Ты мне нравишься.

Адам приподнимается на локте и протягивает руку, чтобы нежно провести пальцем по моим губам, от чего я замираю.

— Ты мне тоже нравишься, — отвечает парень и роняет руку на подушку до того, как я нахожу в себе силы оторваться от него.

Не знаю, что бы я сделала, если бы он сейчас не прекратил меня касаться... Что бы я сделала? Наверняка, что-то глупое. Что-то очень, очень глупое.

— Тогда давай не будем рушить это, ладно? Не хочу переспать с тобой и потом ненавидеть утром, — хмурюсь я. И говорю на полном серьезе. Не думаю, что Адам придаст бы большое значение нашему сексу, в отличие от меня. Он с легкостью пережил бы это, а я нет.

— Я тоже не хочу этого...

Он какое-то время смотрит на меня. От его серовато-зеленых глаз невозможно отвести взгляд.

— Ладно, — произносит Адам, наклоняясь, чтобы в последний раз поцеловать мое плечо ещё нежнее, чем прежде. А затем отодвигается. Не уверена, что я сделала правильный выбор, но знаю — *он* точно поступил правильно.

— Спасибо, Адам.

— Не благодари меня. До рассвета ещё несколько часов, и я уверен, что не собираюсь спать.

Я хихикаю и перекатываюсь на свою половину кровати.

— Сладких снов.

Я чувствую движение на кровати, когда Адам пододвигается ко мне обратно. Знание того, что он находится за моей спиной, — горько-сладкая пытка, но вскоре я слышу, как его дыхание тяжелеет, и в конце концов сама засыпаю.

На следующее утро я просыпаюсь от того, что что-то щекочет мое лицо. Смахиваю его и уже практически засыпаю, как перышко вновь скользит по моему лицу. С трудом приоткрываю один глаз и вижу перед собой улыбающегося Адама. Он слишком широко улыбается, обнажив свои жемчужно-белые зубы, а его глаза искрятся весельем. Он сидит рядом со мной на кровати, свежевыбритый, его волосы всё ещё влажные после душа. От него пахнет дорогим гелем для душа и сигаретным дымом. Я зарываюсь лицом в подушку, чтобы спрятать улыбку, которая угрожает раскрыть то, на сколько по-девчачьи он заставляет меня себя чувствовать.

— Доброе утро, — произносит Адам.

— Доброе утро, — поворачиваюсь к нему, скрыв румянец.

— Ты готова?

— Готова к чему? — интересуюсь я, надеясь, что ответ не имеет ничего общего с тем,

что он начал прошлой ночью.

Адам встает, чтобы сесть на край кровати, чуть ли не на меня. Одеяло плотно натягивается на моем теле, и он кладет руку с другой стороны от меня.

— Учиться!

— Серьезно? — стону я. — Сколько времени?

— Время учиться!

Когда я недовольно гляжу на него, он смеется и отвечает:

— Восемь.

— Разве ты не должен спать до... Не знаю, обеда или около того?

По словам Шона, Адам отнюдь не жаворонок, и после того, как вчера он пригрозил заехать по моим несуществующим яйцам за ранний подъем, я более чем слегка удивлена такому скорому пробуждению.

— Да, на самом деле должен.

Адам шевелится, и я оказываюсь зажатой между ним и его рукой.

— Но у тебя ни за что не получится учить меня после шоу. Без обид, но... это просто невозможно. Так что тебе следует заучить меня до чертиков, пока есть такая возможность.

По крайней мере, он проявляет инициативу.

— Можно я хотя бы душ приму?

— Только если ты сделаешь это по-быстрому, — отвечает парень, повторяя моё вчерашнее обращение. Он подмигивает мне. — У нас четыре параграфа впереди.

Мы с Адамом единственные, кто не спит, так что, когда я выхожу в коридор, стараюсь быть как можно тише. На цыпочках пробираюсь между кроватями, тогда как Адам преднамеренно шумит, ударяя по свисающим из-под одеял рукам и ногам. Он прыгает в постель к Шону, обнимает и девчачьим голосом пищит: «Ооо, Шон!». Я хихикаю, глядя на них, и ускоряю шаг, чтобы попасть в душ прежде, чем развернется ад. Возможно ли забить человека до смерти подушками и одеялом? Потому что уверена, Адам собирается это выяснить...

Когда я захожу в ванную, там жарко, влажно, а в воздухе всё ещё витает аромат Адама. Пахнет как полночь — как громкая музыка, затуманенный взор и лазерные лучи. Принимать душ с его ароматом, окутывающим меня, кажется в некотором роде странным и... интимным. Аромат Брейди никогда так не заполнял ванную.

Я быстро моюсь и надеваю красные леггинсы, длинную черную майку и черные сандалии. Затем немного подкрашиваюсь (совсем чуточку), надеваю очки и собираю влажные волосы в неряшливый пучок. Когда выхожу из ванной, Адам и Шон сидят на диванчике за столиком. Шон потягивает кофе, что-то просматривая в телефоне, а Адам что-то строчит в блокноте, который я видела уже несколько раз за нашу поездку. Он поднимает глаза и улыбается, когда слышит, что я уже вышла.

— Это *не* было быстро.

— Это было *очень* быстро! — спорю я.

— Ну, не знаю, — дразнится Шон. — Адам своего рода эксперт по скорости.

— Твоя мамочка сказала тебе об этом? — не упускает возможности ответить Адам.

— Оууу! — восклицаю я, присаживаясь рядом с Адамом и широко улыбаясь Шону, который в свою очередь смеется и укоризненно качает головой, после чего возвращается к своему телефону.

Я беру в руки учебник по французскому языку и листаю его перед собой, спрашивая

Адама, помнит ли он, на какой странице мы остановились, но он забирает у меня учебник.

— Не здесь.

— Чё?

— Мы уходим.

Эм... ладно.

— Куда?

— Пока не уверен, — Адам встает, глядя на меня. Он идет в сторону двери, а я бросаю взгляд на Шона, который одной рукой переписывается, а в другой держит кофе. Его короткие черные волосы в полном беспорядке, и, похоже, он спал в той же одежде, которую носил вчера, не заморачиваясь над тем, чтобы сменить на чистую.

— Ты идешь? — спрашиваю его.

Он переводит взгляд с меня на Адама и качает головой.

— Не-а.

Шон вновь переводит взгляд на меня и подмигивает. Так, чтобы Адам не увидел, и я знаю, что это подмигивание предназначалось Персику. Причудливо улыбаясь, он желает мне хорошо провести время, а затем возвращается к своим делам.

Я следую за Адамом к его машине.

— Если серьезно, куда мы едем?

— Я серьезно не знаю, — пожимает парень плечами.

Я забираюсь на пассажирское сидение за секунду до того, как заводится двигатель. Рука Адама покоится на моем подголовнике, пока мы выезжаем с парковки и оказываемся на центральной городской улице.

— Как мы должны узнать, куда едем, если ты понятия не имеешь, куда хочешь пойти?

— Разберемся. Прекрати беспокоиться.

— Ладно, а что мы пытаемся найти?

— Местечко, чтобы позавтракать. Что-то... французское.

— Французское? — я начинаю смеяться.

— Ага. Мне нужно немного вдохновения, если мы собираемся разобрать все те параграфы, — улыбается Адам, и сильный ветер раздувает пряди его волос по лицу.

Я замечаю быстро слева по улице и указываю на него.

— Как насчет этого?

Это небольшое кирпичное здание с тентом в бело-зеленую полоску и двумя маленькими столиками перед ним.

Адам переводит взгляд в направлении моего пальца, после чего качает головой.

— Оно выглядит итальянским, — он поворачивает налево.

— Скорее всего, французские кафе так рано не открываются.

— Значит, нам придется долго ездить.

Адам включает радио, не заморачиваясь подключением телефона, достаточно громко, чтобы мы могли слышать его, и начинает переключать радиостанции.

Поскольку, по всей видимости, он не шутит, я открываю учебник и начинаю спрашивать его по пройденному материалу, пока мы едем. К тому времени, как он заезжает на парковку и занимает свободное место, мы практически заканчиваем с первым параграфом.

Я поднимаю взгляд и тут же начинаю смеяться.

— АЙХОП?

— Они же делают французские тосты или нет? — Адам откидывается на сиденье.

— Они делают лучшие в мире французские тосты, — смеюсь я и качаю головой.

— Значит, решено, — он глушит двигатель, и мы выходим из машины.

В блинной Адам заказывает два вида французских тостов и блинчики до кучи. Я придерживаюсь своей привычки и заказываю клубничные блинчики.

— Знаешь, куда мы ещё могли пойти? — спрашиваю я. Когда он ждет мой ответ, я дразнюсь. — Макдональдс. Мы могли заказать картошку фри⁹.

— Не говори чепухи... Все знают, что в Макдональдс не подают картошку до десяти тридцати, — он ухмыляется, тем самым заставляя меня засмеяться.

— Ты сумасшедший, — улыбаюсь ему в ответ.

— Говорит мне девушка, отправившаяся в трехдневную поездку с десятью незнакомыми парнями.

Это не совсем так, но правда ещё безумнее.

— Туше.

Так начинается наш урок французского. Я открываю учебник и немного просматриваю материал.

— Хорошо. Нам нужно немного попрактиковаться в письме... иии мы забыли взять блокнот.

— Нет, не забыли, — Адам достает маленький блокнотик, который я видела сегодня утром, из заднего кармана.

— *Это* твой блокнот?

Он кивает и делает плоток кофе, который ранее принесла наша официантка. Он называется «Французская ваниль», и я сильно подозреваю... нет, я уверена, что Адам заказал его лишь потому, что в названии есть слово «Французская».

— Ты в нем на занятиях пишешь? — интересуюсь я.

Адам снова кивает. Я протягиваю ладонь, и он кладет на неё блокнот.

Открыв его, я вижу, что он практически весь исписан небрежными строками. Стихи. Повсюду написаны фразы, все они разного размера и наклона — и практически ни одна из них не написана по линиям блокнота.

— Здесь нет никаких заметок, — говорю я, листая страницы.

— Конечно же есть.

Адам забирает блокнот и листает его, пока не находит то, что искал.

— Видишь? — передает мне блокнот.

Единственная (в буквальном смысле) запись гласит закончить до понедельника домашнее задание на странице восемьдесят два, и это (если мне не изменяет память) означает, что ей больше двух недель.

— Закончил? — спрашиваю я Адама, возвращая блокнот.

— Что? — он открывает пустую страницу.

— Домашнее задание.

— Не в этом дело, — помедлив, отвечает он.

Я тут же снова начинаю смеяться, и Адам улыбается мне в ответ.

— Думаю, нам нужно купить тебе новый блокнот.

— Или завести сладенькую секретаршу, которая будет вести записи, — с довольной ухмылкой отвечает он.

— Если те девушки вообще умеют конспектировать.

Я была бы приятно удивлена, если те девушки хотя бы умеют читать.

— Какие девушки? — он выглядит абсолютно растерянным — нахмурил брови и не сводит с меня глаз.

— Девушки, которых ты всегда приводишь с собой на занятия.

Адам смеется и чешет затылок.

— Я не *привожу* их. Они как бы сами следуют за мной.

Я хочу прокомментировать то, каким пофигистом он выглядит, но в последний момент одумываюсь, заканчиваю этот разговор и возобновляю занятие. Я даю Адаму письменные упражнения и в один прекрасный момент проскальзываю на диванчик рядом с ним, чтобы показать, что именно он делает неправильно. Когда официантка приносит наш заказ, я быстро возвращаюсь на свое место и ставлю перед собой тарелку.

Когда поднимаю глаза, замечаю, что Адам с любопытством смотрит на меня.

— В чём дело? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду?

Он смотрит на официантку — пожилую женщину, которая теперь помогает семье из четырех человек, а затем снова переводит взгляд на меня.

— Почему ты пересела обратно?

Не знаю, что ответить ему. Потому что я слишком уютно чувствую себя рядом с тобой и уверена, что, когда мне придется вернуться к реальности, твое отсутствие образует огромную зияющую дыру в моей жизни?

Адам тяжело вздыхает и опускает вилку.

— Слушай, если это из-за прошлой ночи...

— Нет.

— Прости меня. Я много выпил, обнаружил тебя в комнате и подумал...

— Адам, я не из-за этого. Всё хорошо, ладно?

Он хмурится, словно не верит мне.

— Тогда в чем дело?

— Ты не думаешь, что это как-то странно будет выглядеть, если мы будем сидеть рядом?

— Почему это должно быть странно? — он слегка наклоняет голову.

— Будет выглядеть так, словно мы встречаемся или что-то в этом роде...

— И?

— И... не знаю.

— Так ты говоришь, что у тебя нет веской причины?

Я переживаю странную смесь эмоций, когда вижу, как он улыбается мне одним уголком рта. Смесь смущения и... нечто, о чем я не очень хочу думать.

— Уверена, у меня есть веская причина... просто не могу думать об этом в данный момент.

Адам смеется и берет в руки вилку.

— Значит, думаю, ты должна вернуться сюда.

— Почему?

— А почему нет?

Я не отвечаю ему. Потому что, опять же, не имею ни малейшего понятия, что ему, на хрен, ответить. Вместо этого вожусь со своими блинчиками. Я высыпаю гору сахара в свой кофе, жду, пока он растворится, после чего добавляю ещё. Когда Адам отрезает по кусочку от его французских тостов и блинчика и кладет их на мою тарелку, я, в свою очередь,

отрезаю большой кусок от клубничного блинчика и кладу на его тарелку.

Он улыбается, глядя на блины и отрезая от них кусочек.

— Ты очень нравишься ребятам.

Комплимент вгоняет меня в краску. Я рада, что они не ненавидят меня.

— Они просто потрясающие.

Адам берет кусочек моего густо приправленного завтрака, после чего хохочет с набитым ртом.

— Черт возьми, как же сладко!

Я улыбаюсь ему.

— Так вкуснее всего.

Когда он проглатывает, запивая большим глотком кофе, я говорю ему:

— Мы с моей подругой Ди очень часто едим в АЙХОП. Мы всегда заказываем клубничные блинчики. А если мы с похмелья, то обязательно заказываем ещё и порцию бекона, и она всегда пытается стырить мою.

Адам отрезает второй кусочек.

— Правда? Это так часто происходит, что уже вошло в привычку?

Ага... Честное слово, мне надо *срочно прекратить* открывать свой большой рот. Я пытаюсь небрежно пожать плечами.

— Наверное. Она в какой-то мере рискованная. И мы дружим с... ладно... всю жизнь.

Надеюсь, перевод темы на Ди поможет избежать разговора о пьяных ночах, одна из которых, в частности, была проведена с очень сексуальным рокером. Который сейчас сидит напротив меня и обращает внимание на каждое мое необдуманное слово, что очень раздражает.

— Прямо как мы с Шоном.

Наконец-то тема, которая меня устраивает. Я мгновенно расслабляюсь и прощаю Шону вчерашние тупые комментарии про Персика.

— Да, по вам видно, что вы давно дружите. А как насчет других ребят?

— С Шоном и Майком мы подружились в средней школе, с Джоэлем — в старшей, когда он переехал в город. Коди — его сводный по отчиму троюродный брат или что-то в этом роде. Он присоединился к нам, когда мы начали расширять коллектив. До этого мы были четвером.

Я киваю и накалываю вилкой кусочек французского тоста Адама, представляющего из себя непорочное совершенство.

— Он довольно тихий.

— Это намного лучше, чем когда он болтает — всё время несет какую-то чушь.

Я хихикаю, вспоминая, как Коди спросил меня «каково это — быть единственной девушкой в истории, отшившей Адама». Боже, это было так неловко.

— Хотя, в целом, он классный, — добавляет Адам.

Впрочем, как и они все. Даже помощники группы кажутся прикольными, особенно Водила — несмотря на то, что внерабочая деятельность оставляет желать лучшего. Официантка подходит, чтобы узнать, не желаем ли мы еще чего-нибудь, но на данный момент всё превосходно. Когда она уходит, Адам проскальзывает на диванчик ко мне и забирает свою тарелку. Я нервно сглатываю и наблюдаю за ним. Он слишком близко.

— Да?

Не отводя от меня взгляда, берет учебник и блокнот. Он выглядит слишком веселым.

— Нам нужно вернуться к занятию.

Ах, да. Я открываю учебник на странице, на которой мы остановились. Мы проходим целых два параграфа к тому моменту, как заканчиваем завтракать. Заказываем ещё кофе и проходим большую часть материала третьего параграфа, когда я отвлекаюсь. Через два столика от нас сидит группа девушек нашего возраста, и последние двадцать минут они пялятся на Адама. Каждый раз, когда они смотрят в нашу сторону, я сверлю их взглядом в ответ. Если бы мы с ним не сидели рядом (выглядя, как парочка), уверена, они бы уже подошли узнать его номер телефона, домашний адрес и размер члена для будущей покупки в магазине. Не знаю, они пялятся на него, потому что узнали, или из-за сексуальной энергетики плохого парня, которую он излучает. В любом случае, они у меня в печенках сидят.

Когда Адам пододвигается ко мне ближе, упираясь коленом, я отвлекаюсь от своих хмурых мыслей. Переключаю всё свое внимание на него, и он убирает прядь волос с моего лица.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, не останавливая его.

Адам нежно улыбается мне, но его глаза искрятся озорством.

— Разве ты не хочешь, чтобы они завидовали?

Больше всего на свете.

— Почему я должна этого хотеть?

— *Все* девушки хотят, чтобы другие им завидовали, — фыркает он.

Не спорю. Я позволяю парню играть с моими волосами, пока он не начинает наклоняться, от чего я с ужасом расширяю глаза. Тем не менее, Адам не наклоняется к моим губам — он шепчет мне на ушко.

— Расслабься. Я не собираюсь целовать тебя. Просто подыграй мне.

Адам нежно целует меня за ушком, не знаю, каким образом он классифицировал это как «не поцелуй», потому что я, вне всякого сомнения, чувствую себя *зацелованной до потери сознания*. Он оставляет два поцелуя на моем подбородке, а затем, двигаясь ближе, смотрит мне в глаза. Я чувствую его теплые губы, когда парень в мучительно мягком и дразнящем поцелуе прижимается ими к внешнему уголку моего рта.

Мои глаза закрываются, так как я не в силах остановить то, что происходит с моим телом. Мое сердце останавливается, и я задерживаю дыхание. Каждую капельку своей силы я вкладываю в то, чтобы поцеловать его. Потому что, Боже, я *очень хочу* это сделать. Я до боли этого хочу. Я должна. Просто должна...

Когда Адам медленно отстраняется, я открываю глаза и вижу его ухмыляющееся лицо, от чего чувствую себя нереально смущенной. Я пытаюсь контролировать свое дыхание, чтобы после длительной задержки не сделать унижительный вздох.

— Смотри, — тихо говорит он, указывая на девушек.

Я перевожу взгляд с Адама на столик и вижу их — застывших, как статуи, глазеющих на нас. Одна, в прямом смысле этого слова, сидит с раскрытым ртом. Они поспешно отводят взгляд, и я сразу же начинаю хихикать.

— Вау!

Правда, не уверена: это я восхищаюсь эффектом, который произвело на них наше небольшое представление, или самим поцелуем. Моя кровь всё ещё словно жидкая лава, с трудом поставляющая кислород в мозг.

— Мы могли бы заставить их *завидовать ещё сильнее*, если ты хочешь... — говорит

Адам на полном серьезе.

Я нервно смеюсь, потому что да — я *ужасно* хочу заставить их ещё сильнее завидовать. Хочу, чтобы они завидовали... в уединенности спальни... где они не смогут присутствовать, чтобы засвидетельствовать то, как мы заставляем их завидовать.

— Пора приступить к неправильным глаголам, — я переворачиваю страницу учебника и стараюсь говорить ровным голосом. Пытаюсь выбросить из головы тот «не поцелуй», пока мы с Адамом разбираем материал третьего параграфа, но мне кажется, возможно, это был самый страстный поцелуй в моей жизни. Такое вообще возможно?

Пытаясь успокоиться, перевожу себя в режим «учителя», и спустя сорок пять минут возбуждающее ощущение губ Адама окончательно исчезает из моей памяти. Когда мы проходим до конца третий параграф, решаем вернуться в его машину.

— Если бы ты был так же мотивирован на занятиях, — браню Адама после того, как он настоял на оплате счета за завтрак, и мы вышли из блинной, — мог бы получить твердую пятерку.

— Если бы занятия были такими же, как наши с тобой, я бы, вероятно, был более мотивированным.

Он поджигает сигарету, опускает очки на глаза и садится за руль. Я кладу руку на дверь и наслаждаюсь тем, как ветер обдувает лицо, пока Адам на скорости пересекает городские улицы.

Солнце, цепляясь за последние летние деньки, греет мою кожу и слепит глаза. Я сняла свои очки, так как совершенно уверена, что они лишь усиливают адские солнечные лучи и направляют их прямоком в мои зрачки.

Прикрываясь рукой от солнца, поворачиваюсь к Адаму.

— У тебя нет лишней пары солнцезащитных очков?

Он какое-то время смотрит на меня, после чего снимает свои и протягивает их мне.

— Не-а.

Дерьмо, я не хотела ставить его в неловкое положение или что-то в этом роде.

— Нет-нет. Не стоит, не беспокойся об этом, — настаиваю я, отталкивая его руку.

— Я *не* беспокоюсь, — улыбается он и бросает очки мне на колени. — Всё равно на тебе они лучше смотрятся.

Так, мне действительно нужно взять под контроль свое смущение.

— Спасибо, — благодарю его, надевая очки.

Та часть из них, которая была прижата к его коже, всё ещё теплая, и мне приходится напомнить себе, что друзья всегда делают подобные вещи. Носить его очки не такое уж и большое дело. Не. Большое. Дело.

Смотрю на себя в боковое зеркало и хихикаю.

— Как я выгляжу? — спрашиваю, повернувшись к нему лицом.

Адам оценивающе смотрит на меня, и уголок его рта растягивается в ухмылке.

— *Tu sembles chaud.*

Я не в силах сдержать смех, вырывающийся из моего рта. *Только что Адам Эверест* сказал, что я *сексуально* выгляжу. Он со знанием дела улыбается мне.

— *Merci*, — наконец-то я справилась с собой. Он подмигивает мне в ответ, от чего я снова начинаю хохотать. Кто *эта* девушка, и почему она не хочет покинуть мое тело?

— Ты готова приступить к четвертому параграфу? — спрашивает он после того, как я достаточно долго смотрела в окно, чтобы совладать со своими взбалмошным альтер-эго.

— А мы должны? — ною я, откинувшись в кресле.

Мы практически три часа подряд учились в АЙХОП, но несмотря на то, что мы хорошо провели время, и Адам, словно чёрт вундеркинд, сделал нереальный прогресс, я *уже смотреть не могу* на этот проклятый учебник.

Он пожимает плечами.

— Я рад не учиться, если ты не хочешь, но по закону я обязан сообщить тебе, что отказавшись учить меня, ты лишаешься права держать меня в условиях нашего пари.

Я стону от безысходности.

— Ладно, мы будем учиться. Просто дай мне... полчаса.

Я кладу голову на подголовник и глубоко вдыхаю душный послеполуденный воздух. Он пахнет асфальтом и угасающим летом. В этом году осень наступала медленно, но в октябре листья, в конце концов, начали менять цвет, несмотря на мстительную жару.

Когда Адам подключает телефон к проигрывателю и передает его мне, я ищу инструментальные версии песен его группы и выбираю одну со знакомым названием. Когда она начинает звучать, я поворачиваюсь к нему.

— Споешь мне снова?

Он краем глаза смотрит на меня, и я наблюдаю, как плохая идея зарождается в его голове.

— Давай заключим сделку?

Ой-ой-ой...

— Какую сделку?

— Я спою тебе, если ты выпьешь со мной текила-шот сегодня вечером.

— Даже не обсуждается.

— Да ладно тебе! Почему нет? — он смотрит на меня с негодующим блеском в глазах.

Я пожимаю плечами.

— Нечестная сделка.

Выпить боди-шот с Адамом Эверестом? О, да, это была бы более чем честная сделка. Девушки бы затоптали друг друга за такую возможность. Черт, может быть, как раз именно это и снилось Лэти. Может, это был вещий сон?

Не могу сказать Адаму, что настоящая причина, почему я не хочу пить с ним шот, заключается в том, что каждый раз, когда его губы касаются меня, я не хочу, чтобы он останавливался. А если я поцелую его... честно, я даже представить не могу, что из этого выйдет. Наверное, сбудется мечта Ди. К сожалению, мой ответ лишь подстёгивает его.

— Ладно, чего ты тогда хочешь? — спрашивает он.

Я смеюсь и качаю головой.

— Давай же, просто скажи!

— Я ничего не хочу!

— Ты должна хоть *что-то* хотеть.

Я беру его телефон и переключаю на не инструментальную песню. Его голос льется из динамиков, и я торжествующе ухмыляюсь ему.

— Тем не менее, это немного не то, чего ты хотела, да? — хитро улыбается он в ответ.

Я сердито вздыхаю и выключаю проигрыватель, на что Адам лишь смеется.

— Я подумаю об этом, — говорю я, вытягивая из подстаканника телефон, чтобы проверить сообщения.

— Подумаешь о том, чего ты хочешь, или о том, чтобы выпить со мной шот?

— И о том, и о другом.

Я не сумасшедшая — не собираюсь об этом думать.

Когда включаю телефон, обнаруживаю сообщения от Ди и Лэти, и ни одного от Брейди. Я благодарна, что впервые за несколько дней он первым делом утром не прислал мне сообщение, потому что до этого момента сегодняшний день был очень хорошим, и я хочу, чтобы он таким и остался.

Ди несколько раз написала мне, чтобы «проверить статус» моего «почти что сорванного цветка». Я отвечаю ей, что «мои ромашки всё ещё на месте и как никогда цветут и пахнут», и желаю ей удачи в первый рабочий день на новой работе.

Лэти сообщил мне, что ему приснился ещё один сон об Адаме. В этом я, по всей видимости, сидела на коленках Адама на уроке французского языка и рассказывала ему всё, что хочу на Рождество, а Лэти был зол как черт, потому что была его очередь сесть на колени к Адаму.

Читая его сообщение, я так сильно смеялась, что у меня из глаз брызнули слезы, и Адам одарил меня любопытным взглядом. В следующем сообщении Лэти просит меня прислать фото с Адамом, чтобы загладить вину за «достойное пощечины нарушение очереди». Когда я успокаиваюсь после истерического смеха, прошу Адама сделать ещё одно фото для моего друга.

— Только если выпьешь со мной текила-шот вечером, — как ни в чем не бывало отвечает он.

Я закатываю глаза и проговариваю вслух то, что набираю в ответ Лэти.

Прости, но его высочество Адам Эверест ведет себя сегодня, как чертова примадонна.

— Скажи своим друзьям почему. Посмотрим, на чьей стороне они будут, — усмехается он.

Господи, я представляю себе, что вышло бы из этого разговора. Ди, скорее всего, бросила бы свою новую работу, чтобы вместе с Лэти приехать на следующую концертную площадку, и они держали бы меня, пока Адам слизывал соль с моего живота.

Хотя, если подумать... может это и не такая плохая идея — рассказать им.

— Время вышло, — говорит Адам, и я кидаю взгляд на часы на проигрывателе. Мои полчаса прошли слишком быстро. Я вздыхаю и достаю учебник с заднего сидения, куда забросила его, и мы сразу же возвращаемся к учебе.

Глава 17

Два часа спустя я захлопываю книгу, на что Адам удивленно поднимает бровь.

— Вот и всё, — говорю я.

— Мы закончили?

— Ага. За исключением письменных заданий.

— У нас будет немного времени перед шоу.

— Круто, — улыбаюсь ему. — Поздравляю.

Адам протягивает руку и сжимает мое плечо.

— Сама понимаешь, без тебя я бы этого не сделал.

— Ох, поверь мне, — хихикаю, — я знаю.

— Ты будешь помогать мне учиться до конца семестра? — спрашивает он с улыбкой.

Мы что, в самом деле, строим планы на будущее?! Мои ноги дергаются в ожидании танца заучки, который я сплясала бы, не сиди Адам рядом. Мои губы, точно как и ноги,

нервно дрожат, угрожая озарить Адама улыбкой во весь рот.

— Да, конечно, если ты захочешь.

— Я хочу, чтобы ты меня учила, — он отвечает мне белоснежной улыбкой, его глаза наполнены счастьем и искренностью.

— Тебе *нужно*, чтобы я тебя учила.

Он смеется.

— И это тоже.

По правде говоря, Адам абсолютно не нуждается во мне. Ему просто нужно заниматься но, по всей видимости, он не в состоянии это делать, пока ему никто не дышит в затылок.

Когда я наконец-то забрасываю наш учебник на заднее сидение и сажусь обратно, солнце освещает лучами дорожный указатель, гласящий, что мы в десяти милях от Фэйрвью. Я удивленно поднимаю брови.

— Где именно будет следующий концерт?

Мы менее, чем в двадцати милях от моего родного города, и места концертов Адам говорил мне по расстоянию, а не по названиям городов.

— Фэйрвью. А что?

Я рассказываю Адаму, что выросла неподалеку от этого места, и что мои родители по-прежнему живут в соседнем городе. Он шутит о том, как я приведу его домой, чтобы познакомить с мамой и папой, и я смеюсь. У отца случился бы сердечный приступ, а мама... ну, мама, скорее всего, испекла бы шоколадное печенье и с улыбкой вручила бы Адаму в качестве раннего (за два месяца) Рождественского подарка жидкость для снятия лака.

Когда мы подъезжаем к месту, у нас остается ещё полтора часа до начала шоу. В автобусе я вручаю Адаму учебник и блокнот из рюкзака, и он погружается в письменные упражнения, решив покончить с учебой до концерта, чтобы не заниматься после него. Я беру баночку Red Bull на кухне и присаживаюсь рядом. Все помощники группы подготавливают площадку к концерту, но большинство членов группы, за исключением Джоэля, всё ещё в автобусе. Спустя какое-то время, я замечаю, что все они как-то странно поглядывают на меня.

Я уставилась на Коди, который, вне всякого сомнения, наименее хитрый из всех присутствующих.

— В чём дело?

Он ухмыляется.

— Вот тебе и басни о собственном достоинстве, да?

— Эээ, что?

Майк цыкает на Коди, чтобы он заткнулся, но тот лишь смеется ещё сильнее. Майк кидает извиняющийся взгляд — он смотрит на меня, а затем быстро отводит глаза, словно ему стыдно за мое поведение, и меня наконец-то осеняет.

Они думают, что я переспала с Адамом.

— СТОП, стоп, стоп! — выкрикиваю я, эмоционально размахивая руками. — Прошлой ночью НИЧЕГО не произошло! Я спала в спальне лишь потому, что не хотела нести ответственность за удушение Джоэля, пока он спал. И не более того!

— Нууу дааа, ну дааа, — с издёвкой отвечает Коди, тем самым закрепляя себя в качестве моего наименее любимого члена группы.

Майк с любопытством смотрит на меня, сидя на полу у игровой консоли.

— Расскажи им! — я резко поворачиваюсь к Адаму.

Он хитро ухмыляется.

— Ну, не знаю... я много выпил.

Чешет затылок, изображая, что не может вспомнить, при этом имея откровенно коварный вид.

— Но, если ты пообещаешь выпить со мной боди шот этим вечером, я скажу им всё, что ты захочешь.

Я сердито смотрю на него.

— Скажи им *правду*. Сейчас же! Или попросишься с выпускным в декабре!

Адам смеется и качает головой. Он смотрит на Коди и Майка и пожимает плечами.

— Я пытался соблазнить её, но она мне отказала, — он переводит взгляд на меня и добавляет. — Снова.

Шон, спускаясь по лестнице в чистых потертых джинсах и черной футболке, спрашивает:

— О чём болтаем?

Майк откладывает контроллер и встает с пола.

— Роуэн не переспала с Адамом прошлой ночью.

Он чешет рукой голову, а затем потягивается. Его волосы растрепались грязными прядями, он одет в темные джинсы и коричневую Гиннесс футболку.

— Серьезно? — Шон удивленно поднимает бровь.

— Боже мой, — вскрикиваю я, — и ты туда же?

Когда он не отрицает этого, я оглядываюсь вокруг и ору:

— Слушайте, если я пересплю с Адамом, то позабочусь о том, чтобы сделать это настолько страстно, бурно и ГРОМКО, что у вас не возникнет и тени сомнения! Вас это устраивает?

Четыре пары глаз уставились на меня с отвисшими челюстями, тогда как я стою, уперев руки в боки. По очереди хмурюсь на каждого из них до того момента, когда больше не могу сдерживать широкую улыбку, расцветающую на моем лице. Не могу поверить, что сказала это. Я начинаю смеяться, и Шон тоже.

— Ни фига себе, — смеется он. Майк тепло улыбается мне, Коди выглядит предельно смущенным, а Адам... Адам просто сидит и смотрит на меня широко с распахнутыми глазами и приоткрытым ртом. Не представляю, о чем он думает.

— Я пойду наверх, чтобы переодеться, — говорю я, прежде чем кто-либо из них сможет сформулировать связный ответ на мою вспышку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда поднимаюсь наверх, падаю на свою старую кровать и накрываю подушкой лицо. Не могу поверить, что сказала это. Страстно, бурно и *громко*? Мой недоверчивый смех приглушается подушкой, которую прижимаю к щекам. Я официально схожу с ума. Адам сводит меня с ума!

Я убираю подушку, когда чувствую, как кто-то давит на неё, шутливо прижимая-отпуская, и вижу улыбающееся лицо Шона.

— По шкале от одного до десяти, — спрашиваю я, — насколько сумасшедшей меня все считают?

— Определенно одиннадцать.

Он смеется и присаживается на край кровати.

— Значит, он ещё не знает?

Шикнув на него, сажусь на кровати, нервно поглядывая на лестницу, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Нет.

Наклоняюсь ближе и шепчу:

— Я же сказала тебе, что не собираюсь рассказывать ему.

— Не считаешь, что он заслуживает знать правду?

— Ему просто *не нужно* знать правду, — хмурюсь в ответ.

— Персик по-прежнему в списке доступа за кулисы, знаешь ли. Он её... тебя... так и не убрал из него.

— Может быть, просто забыл.

— Возможно, — отвечает Шон, но при этом не кажется убежденным. Он встает и чешет подбородок, покрытый щетиной. — Просто скажи ему, ладно?

— Нет, — качаю головой.

Шон разочарованно вздыхает и идет в сторону лестницы. Когда я зову его, и он оборачивается, прикладываю палец к губам, беззвучно умоляя его сохранить мой секрет. Парень вздыхает и неодобрительно качает головой, но я знаю, что он сохранит это между нами.

В спальне я передеваюсь в узкие джинсы и темно-синий с кружевной отделкой топ, после чего причесываю волосы и собираю в пучок. Меня действительно начинает утомлять носить их собранными круглосуточно и ежедневно (я уже не говорю об очках вместо контактных линз), но боюсь, если распушу их, это может освежить воспоминания Адама. Я понимаю, что, в конце концов, он когда-нибудь увидит меня с распущенными волосами, если мы собираемся быть друзьями, но... не сейчас. Он даже ещё ни разу не обратился ко мне по имени, так что не уверена, что я запечатлена в его памяти как Роуэн. Мне нужно убедиться, что у поблекших воспоминаний о Персике нет возможности вернуться обратно.

Я спускаюсь вниз, чтобы проверить выполненные упражнения Адама, и исправляю несколько ошибок, после чего возвращаю ему лист.

— Ты сдал.

Он радостно улыбается мне.

— Боди шоты, чтобы отпраздновать?

Я закатываю глаза, тем самым вызывая его смех.

— Фиг с ним, ладно. Но мы определенно куда-нибудь пойдём!

После шоу, которое я никогда не устану смотреть, мы с ребятами подвергаемся уже привычной атаке фанов. Парни и девушки — в большинстве девушки — просят сфотографироваться, автографы и возможность куда-нибудь сходить с ребятами выпить. Мишель Хоторн — последний человек, которого я когда-либо ожидала увидеть среди толпы.

— Привет, Адам, — произносит она своим самым страстным голосом, мило хлопая ресницами.

— Привет.

Он улыбается ей в ответ, и я сержусь — ненавижу, когда Адам улыбается таким, как Мишель. Она была самой популярной девушкой в школе — королевой выпускного бала, капитаном группы поддержки и, по всей видимости, мечтала выйти замуж за восьмидесятилетнего миллиардера и бросить его спустя два дня. Она была на класс старше меня, но моя школа была очень маленькой, все друг друга знали и большинство из нас ещё с детского сада жили в одном районе.

В сравнении с загорелой кожей Мишель, моя выглядит совершенно белой, и тогда как мои волосы грязно-белые и вьющиеся, её — золотистые и прямые. Даже её глаза кажутся более ярко-голубыми, нежели мои. Она словно мой красивый близнец. Очень красивый. Более худой, грудастый и смешливый. Черт возьми, да какого хрена она хихикает? "Привет"? Её рассмешило "Привет"?

— Помнишь меня? — спрашивает она у Адама, не обращая на меня внимания, и это при том, что я стою на расстоянии меньше фута.

— Ммм...

Она снова хихикает.

— Ничего страшного. Мы... встретились на твоём концерте несколько месяцев назад.

Она встает на цыпочки, чтобы прошептать ему что-то на ухо. От её слов губы Адама растягиваются в ухмылке.

— Что-то такое припоминаю, — произносит он, глядя на неё.

Тьфу, пристрелите меня. Я в процессе отступления в менее кишашую шляхами часть комнаты, когда Адам хватает меня за руку.

— Эй, — произносит он. — Стой.

Я недовольно вздыхаю и оборачиваюсь.

— *Роуэн?* — удивляется Мишель, наконец-то замечая меня. — Роуэн Майклз?

— Привет, Мишель, — выдавливаю улыбку.

— Боже мой! — она притягивает меня в объятия, а я сжимаю зубы. — Как поживаешь? Не видела тебя с выпускного!

— Замечательно, — отвечаю я. Не интересуюсь, как у неё дела, потому что в действительности мне плевать.

— Откуда ты знаешь Адама?

Я смотрю на Адама, который с удивлением наблюдает за нами. Не знаю, что это, но что-то в нём меня бесит.

— Мы друзья.

— Серьезно? — с неприкрытым удивлением спрашивает Мишель. Почему, черт возьми, в это так трудно поверить? Мой взгляд каменеет, когда я смотрю на неё, но она оживленно добавляет:

— Это очень круто! Как твоя подруга... как её там...

— Ди.

— Точно! Как она?

— У неё тоже всё хорошо.

Может быть я фантазирую, но Мишель, пока мы разговариваем, кажется, всё ближе и ближе придвигается к Адаму. Я делаю мысленную пометку о количестве дюймов, разделяющих их.

— Она здесь с тобой?

— Нет. Я пришла с Адамом.

Подозрение, словно забавный фильм, который я никогда не устану смотреть, вспыхивает на лице Мишель. Чувство гордости распространяется по венам, словно вино, от чего я чувствую себя так, будто могу парить в полуметре над ней и смеяться, как отъявленный злодей, в её глупое веснушчатое лицо.

— О, это круто, — отвечает она без своего привычного энтузиазма, но затем приходит в себя. — Мы должны все вместе затусить! Не отставайте!

Двадцать минут спустя я оказываюсь в автобусе с неисчислимым количеством фанатов. Мы подвозим огромное количество людей в маленький клуб на другом конце города, и я, мрачная, сижу от них так далеко, как только возможно. Меня не покидает странное чувство ревности и... собственничества. Я абсурдно чувствую себя так, словно это *мои* ребята, *мой* автобус. *Мой друг*, который в данный момент находится в окружении полуголых сучек. Когда мы только зашли в автобус, Адам пытался заставить меня сесть рядом с ним, но я искренне полагала, что уж лучше я выколю себе глаза и уши вилкой, чем еще большая доза хихиканья Мишель врежется в мою долгосрочную память.

Я сижу на самом угловом диванчике, погрузившись в себя и пытаюсь не глазеть ни на Мишель, ни на других девушек, флиртующих и развлекающих Адама. Хотела бы я ехать вместе с ним в его машине, а не в этом грязном шлюхо-фургоне. Я знаю, что это тот же Адам, с которым я провела почти каждую свободную минуту за последние два дня, но... сейчас он кажется другим. Недоступным. Волнующим.

Сердцеразбивающим.

Я кусаю внутреннюю сторону губы, глядя в темное окно. Вижу знакомые здания и магазины. Так как мой город слишком маленький, Фэйрвью — то место, куда все едут. Хочешь в кино, на шоппинг, в ресторан — отправляйся в Фэйрвью. И я точно знаю, куда мы направляемся, потому что Ди бесчисленное количество раз тащила меня туда. “Эмили” — маленький клуб в западной части города. В нём есть бар, танцплощадка и диджейский пульт, но кроме розового освещения, в нём нет ничего особенного.

Когда автобус останавливается на парковке, у меня не получается достаточно быстро выбраться из него. Пробираясь по проходу, я едва не спотыкаюсь о ногу Джоэля, и Адам с любопытством смотрит на меня, когда я прохожу мимо него. Мне отчасти хочется стереть этот взгляд с его глупого лица. Девочки первыми вываливаются из автобуса, повиснув на ребятах из группы и даже на помощниках. Они хотя бы знают в чём долбанная разница? Кстати, Водила отшил одну из шлюшек — думаю, это означает конкретное “нет”.

Майк становится рядом со мной, и мы наблюдаем за тем, как другие гуськом выходят из автобуса.

— Думаю, я сначала пойду на другую сторону улицы, чтобы купить что-нибудь поесть, — говорю ему. Буквально через дорогу находится небольшая пиццерия, которая работает допоздна. Они хорошо зарабатывают на посетителях клуба, которым нужно протрезветь, прежде чем ехать домой.

— Слава Богу, — отвечает Майк. — Я с тобой.

— Эй, Адам! — кричу. Он поднимает взгляд в поисках меня, стоящей через несколько людей. — Встретимся позже. Мы с Майком собираемся перекусить.

Адам пробирается ко мне через толпу. Мишель следует за ним по пятам.

— Хочешь, чтобы я пошел с вами?

— Не-а, — импульсивно отвечаю я, не желая, чтобы он чувствовал себя обязанным нянчиться с бедной занудной репетиторшей, которая совершенно не вписывается в компанию. И кроме того, последнее чего я сейчас хочу — ужинать с Мишель или любой другой из девиц, практически пускающих по нему слюни.

— Мы, скорее всего, управимся минут за двадцать.

Адам переводит взгляд с меня на Майка, затем обратно.

— Уверена?

— Да, всё в порядке. Увидимся позже.

Мишель уже легонько тянет его в сторону толпы, направляющейся в клуб. На ней короткая юбочка и босоножки на супер высоком каблуке. Отчасти надеюсь, что она споткнется и так сильно разобьет колени, что ей придется ампутировать ноги.

Ладно, нет... это ложь.

Я действительно надеюсь, что это произойдет. Пожалуйста, упади. Пожалуйста, упади. Пожалуйста, упади.

— Хорошо, — отвечает Адам, прерывая дурную карму, которую я отчаянно себе зарабатываю. — Увидимся через двадцать минут.

Я выдавливаю улыбку, отворачиваюсь от него и вместе с Майком перехожу дорогу в неполюженном месте.

— Терпеть её не могу, — бормочу я, как только мы пересекаем желтую ограничительную линию.

Он посмеивается.

— Девушку с Адамом?

— Мы вместе ходили в школу. Королева выпускного бала и прочее дерьмо. Она такая фальшивка.

— Это его типаж, — Майк пожимает плечами.

Я хмурюсь и закрываю свой рот. Разговор пошел не в то русло.

Внутри Майк заказывает нам пиццу. Мы забираем простую сырную пиццу, так как она уже готова, после чего занимаем свободный столик.

— Боже, как же я голодна, — произношу я, выбирая большой кусок с сырными пузырьками — мой любимый.

Майк кладет три куска на бумажную тарелку и посыпает их дополнительной порцией орегано и красного перца.

— Я живу ради пиццы.

— Если бы ты оказался на необитаемом острове и должен был питаться только тремя видами еды всю оставшуюся жизнь, — спрашиваю я, пережевывая толстый кусок сырного совершенства, — что бы ты выбрал?

Майк слегка прищуривается, жуя кусок и обдумывая мой вопрос.

— Пиццу... — он делает паузу. — Пиццу... — снова делает паузу. — И пиццу.

— Превосходный выбор, — смеюсь я.

Он улыбается, откусывая кусок.

— Что насчет тебя?

Когда первым пунктом я называю пиццу, он широко улыбается мне.

— И клубничные блинчики, — добавляю я, — иии... ммм... что еще... А! Маминс печенье.

Майк смеется.

— Я хотел бы изменить свой ответ. Пицца, блинчики и печенье... — он кивает. — Да, отправьте меня на этот остров.

Мы с Майком разговариваем обо всём, начиная от маминого печенья, заканчивая тем, почему клубничные блинчики и бекон — идеальное лекарство от похмелья. Он рассказывает, что родителям его бывшей девушки принадлежит ферма, где они разводят свиней и выращивают клубнику, и мы решаем выращивать клубнику в общежитии Ди и завести свинью в автобусе. Свинью по имени Завтрак.

— Но мы не можем зарезать завтрак! — твержу я.

— Тогда как мы получим бекон?

— Нам просто нужно будет пойти в АЙХОП... и взять с собой Завтрак!

— И накормить её беконом?

— Боже мой! Да ты монстр.

Майк просто ухахатывается со смеху, — впервые вижу, чтобы кто-то так сильно смеялся

— и это вызывает улыбку на лице.

— Так что случилось с той девушкой? — интересуюсь я.

Он шумно вздыхает.

— Она поступила в колледж и ожидала, что я последую за ней. Она не считала карьеру в группе достойной внимания, — Майк ухмыляется. — Я с этим не согласился.

— Паршиво.

— Да, есть такое, но что поделаешь, — отвечает он, пожимая плечами.

— Почему ни у кого из вас нет девушки? — я жалею о своем вопросе, как только он слетает с моих уст. Это действительно не мое дело.

Майк смеется.

— Ну, Адам, Шон и Джоэль на самом деле не нуждаются в этом. Коди не может удержать никого рядом. А я просто ещё не встретил подходящую.

Так я и думала, но слышать, как Майк говорит об этом вслух... да, в какой-то мере это ранит. Адам не хочет встречаться с девушками. Нет, не то чтобы я хотела встречаться, но даже если бы и хотела, то это не был бы такой гуляка, как Адам, хотя...

Без понятия, почему всё это заставляет меня чувствовать себя так... блин.

— Уверена, в конце концов, ты найдешь её, — уверяю Майка. — Возможно, тебе просто следует искать в других местах.

— Да, девушки, которых мы встречаем на этих шоу... — он неодобрительно качает головой. — Их интересует только одно.

— Секс?

Майк смеется и слегка качает головой.

— Нет, секс бы меня устроил. Они просто хотят славы. Им нужна возможность похвастаться, что они завалили одного из участников группы. Меня не интересует чика, которая в первый же день знакомства переспит со мной в автобусе, когда при этом мои друзья тусуются в двух шагах, понимаешь?

Если бы только Майк знал, как я была близка к тому, чтобы стать одной из таких чик.

— Да, — всё, что я могу выдать из себя.

Когда мы заканчиваем с едой, и я настаиваю на оплате, так как в этот раз взяла с собой кошелек, Майк ведет меня в клуб. Внутри всё выглядит (и пахнет) так же, как я запомнила. Темно-розовый свет и так сильно пахнет духами, что окажись у меня под рукой противогаз, я бы с удовольствием его надела. Не знаю, то ли это сотрудники клуба распылили что-то перед открытием, то ли это всего лишь аромат всех этих дрянных девчонок, набившихся сюда, но эффект поражает.

Майк идет впереди меня, чтобы расчистить путь к бару среди моря людей. Я сразу же обнаруживаю месторасположение Адама, так как в том месте толпа значительно плотнее.

— Вон Адам, — Майк кивком указывает в предполагаемом мной направлении. — Мне нужно в уборную. Сама справишься?

— Ага. Увидимся позже.

Я плетусь и пробираюсь сквозь толпу, пытаюсь добраться до бара. Иду до тех пор, пока

не могу идти дальше, так как достигла точки, где люди изо всех сил отказываются сдвинуться с места, прожигая меня взглядом из-за попыток пройти между ними. Я вижу Адама, но он никак не сможет услышать меня отсюда. Мишель по-прежнему цепляется к нему, балансируя на краешке стула рядом с ним, практически падая лицом в его колени. Вокруг него много людей — и парней, и девушек. Расстроенная, я стою и тяжело вздыхаю.

— Нужна помощь?

Я оглядываюсь и обнаруживаю Джоэля. Спасибо тебе, Господи. Я поворачиваюсь и улыбаюсь ему.

— Ну-ка.

Он обнимает брюнетку, а девушка, выглядящая, как её близняшка, прильнула к нему с другой стороны.

— Эй, АДАМ! — орёт Джоэль из-за моей спины, и Адам в конце концов смотрит в нашу сторону. Толпа следит за его взглядом и расступается, пропуская нас. Там почти негде встать, но Адам притягивает меня к себе, и я каким-то образом оказываюсь стоящей между ним и Мишель. Спинай к ней. И я уверена — она кипит от злости.

Счёт: Роуэн 1 — 0 Мишель. Какая к чёрту разница?

— Текила? — предлагает Адам, лукаво ухмыляясь, и я смотрю на барную стойку перед ним, где несколько пустых стопок уже выстроились в ряд.

— Похоже, ты уже выпил парочку.

— Но ни одной с тобой! — возражает он. — Нам нужно отпраздновать!

Он притягивает меня к себе на колени, и я верещу и хватаю его за плечи для равновесия.

— Ты *ещё* не сдал тест, — дразнюсь.

— Что я получу взамен, когда сдам его? — вкрадчиво тихо спрашивает он.

Боже мой.

Я не особо грациозно сползаю с его колен. Что это было? И почему здесь так чертовски жарко?

Когда бармен принимает наш заказ, я прошу Белый русский, а Адам два нежелательных шота. Он либо о Мишель забыл, либо обо мне, либо не заказал себе... В любом случае, будет интересненько.

— Где все? — интересуюсь я. Джоэль исчез, и я понятия не имею, где остальные ребята.

— Большинство ребят на танцполе. Шон, наверное, пошел искать столик. Или за диджейский пульт. Или, честно говоря, он может быть в туалете. Ну, как вариант... Думаю, он...

Я не могу не засмеяться.

— Ты понятия не имеешь, не так ли?

Когда Адам качает головой с глуповатой улыбочкой на лице, я хочу схватить его за щеки и поцеловать. Или потереться носом... Или, черт возьми, не знаю. Что-то же столь нелепое.

— Адам, — внезапно произносит Мишель позади меня, напоминая о своем существовании, — потанцуешь со мной?

Адам отрицательно качает головой, и я не уверена, должна ли засчитать это как два очка в пользу Команды Роуэн, но в любом случае делаю это.

— Я ещё *недостаточно* пьян для этого.

Я подпрыгиваю, когда огромные руки ложатся мне на плечи, и, оглядываясь, обнаруживаю большие зеленые глаза Шона, глядящие на меня из-под спутанных черных

волос.

— Я заказал нам столик, — улыбаясь, он обращается к Адаму, оставив руки на моих плечах.

Наши напитки приносят вовремя. Я беру свой и потягиваю его, пока мы маневрируем через толпу, чтобы добраться к дальнему столику, где гораздо тише. Столик представляет собой массивную угловую кабинку. Диванчики из мягкой розовой кожи, а в центре низкий ярко-розовый столик. Майк, Джоэль и его близняшки, и еще одна девушка, которая флиртовала с Шоном в автобусе, уже здесь. Шон присаживается рядом с ней, Мишель и Адам следуют за ним. Я остаюсь стоять в сторонке, нуждаясь в возможности побега, если Адам и Мишель решат лизаться. Одному Богу известно, что ему вздумается. Адам пытается притянуть меня, чтобы я села рядом, но я беру его руку и опускаю вниз.

— Всё в порядке.

Он хмурится на меня, но я улыбаюсь, дабы успокоить его. Не хочу портить его последний гастрольный вечер.

Ну вот, от этой мысли у меня практически наворачиваются слёзы на глаза. По этой причине я чувствую себя такой сумасшедшей? Сегодня последний вечер, который я проведу с ним и ребятами? После этого вечера я вернусь к своей скучной, депрессивной жизни без Адама. Без Адама, Шона, Майка. Без Джоэля и Водилы. Черт возьми, даже Коди мне будет не хватать.

Адам протягивает мне один из двух принесенных шотов, но я отказываюсь.

— Просто возьми, — настаивает он. — Никаких скрытых мотивов.

— Можно мне лайм и соль? — прошу я.

Адам передает их мне и с любопытством наблюдает. Заинтересованная в том, какова текила на вкус, когда её правильно пьют, облизываю тыльную сторону руки, посыпаю солью, слизываю её, выпиваю шот и откусываю лайм. Вытираю подбородок чистой стороной руки и ухмыляюсь Адаму в ответ на его ошеломленный взгляд.

— Спасибо, — наконец произношу я.

Он медленно облизывает нижнюю губу, и мне приходится поспешно отвести взгляд. Сюда реально нужно установить кондиционер, а лучше хорошую вентиляционную систему и... подачу воздуха.

— Итак, Роуэн, — произносит Мишель, и я беззвучно всасываю воздух, радуясь отвлечению. — Как поживает Брейди?

Глава 18

Похоронный марш, который должен был ознаменовать крах моего мира, так и не прозвучал. Меня застали врасплох. Я смотрю на Мишель с выражением неподдельного шока на лице. Быстро маскирую свои чувства и надеюсь, что никто ничего не заметил, потому что мой ответ чудесным образом звучит невозмутимо и безупречно:

— Не знаю. Мы больше не вместе.

— Оу, — произносит Мишель. Она пытается казаться сочувствующей, но я вижу её натуру сквозь всё это притворство. — Как жаль! Вы были такой очаровательной парой.

— Кто такой Брейди? — интересуется Адам.

— Никто, — отвечаю я, но Мишель не может держать язык за зубами.

— Вы же, ребята, какое-то время встречались? Кажется... всю среднюю школу, да?

— Ага.

— Что произошло?

— Ты серьёзно, блять, меня об этом спрашиваешь?

Уф. Я *не хотела* так реагировать.

Глаза Мишель расширяются от шока, и она, запинаясь, бормочет извинения:

— Извини. То есть... я на самом деле не хочу об этом говорить.

— Ну так бы и сказала.

Вздыхаю и прикусываю губу. Такое чувство, словно все смотрят на меня. Возможно, потому что так и есть. Я присаживаюсь рядом с Адамом лишь для того, чтобы попытаться не выделяться, чтобы на меня не так легко было глазеть. Радуюсь, когда разговор переходит на другую тему, отличную от меня и моей развалившейся личной жизни, и ещё больше радуюсь, когда приходит официант, чтобы принять наш заказ. Я заказываю ещё один шот и Лонг-Айленд айс ти.

— Помирать, так с музыкой? — шепчет мне на ухо Адам, вновь напоминая о том, что это наша последняя ночь вместе.

Прижавшись к парню щекой, по секрету шепчу ему:

— Я буду скучать по тебе.

ЗАЧЕМ Я СКАЗАЛА ЭТО?

Адам отстраняется, чтобы взглянуть на меня, и я боюсь того, что он скажет. Я, наверное, до чертиков его напугала. Я *буду скучать по тебе*? Он меня всего два дня знает! Адам открывает рот, словно собирается что-то сказать, но потом закрывает. Наконец он наклоняется ко мне и произносит:

— Нет, не будешь.

Когда он отстраняется, чтобы посмотреть на мою реакцию, я хмурюсь. Чёрта с два я не буду скучать по нему.

Он снова наклоняется.

— Мы будем встречаться дважды в неделю на занятиях и, скорее всего, на выходных, когда я буду похищать тебя для репетиторства.

Ладно, я могу всерьез разреветься. Вместо этого смеюсь:

— Обещаешь?

Он качает головой.

— Я не даю обещаний. Впрочем, для тебя сделаю исключение.

Может, это из-за алкоголя, или из-за «недообещания» Адама, но внезапно я чувствую себя менее стервозной. Когда Джоэль предлагает мне потанцевать, я даже позволяю ему вытащить меня на танцпол.

Он раскручивает и отпускает меня, а сам вертит бедрами рядом со мной — немного слишком вызывающе, но это же Джоэль! Дело явно не в том, что я ему могла понравиться. Но я подыгрываю ему, и в конечном итоге мы истерически смеемся на танцполе из-за наших нелепых движений. Моя кожа блестит от пота, когда я следую за ним, пробираясь сквозь толпу к нашему столику, ухватившись сзади за футболку парня. Я практически останавливаюсь как вкопанная, когда вижу, как уютно устроились Мишель и Адам, но каким-то образом даю команду ногам двигаться дальше.

Мишель одной рукой обхватила подбородок Адама, удерживая его лицо повернутым к ней. Их лбы соприкасаются, и он улыбается ей. Она хихикает и наклоняется, чтобы что-то прошептать ему на ухо, после чего парень облизывает губы.

Я плюхаюсь рядом с ним, «случайно» слишком сильно завалившись и ударив его прямым в спину. Когда они ударяются лбами и вскрикивают, я начинаю безудержно

хохотать:

— О боже, — произношу я сквозь смех, — извините.

Адам смеется и потирает лоб.

— Спасибо тебе.

— Обращайся.

Я ещё посмеиваюсь, оглядывая всех сидящих за столом, пока не натыкаюсь взглядом на ухмыляющегося мне Шона. Его глаза остекленели, доказывая коллекцию выстроившихся в ряд пустых стопок, и она не включает в себя шоты, которые он выпил с Адамом до того, как мы сели за столик.

— Хорошо себя чувствуешь, Шон? — дразнюсь я.

— Превосходно, как персик в солнечных лучах! — смеется он.

Шон смеется ещё громче, а моё сердце пропускает удар. Мне следует пресекать его комментарии, чтобы парень снова не застал меня врасплох.

Мишель продолжает навязываться Адаму, пока мы общаемся и выпиваем, и в тот момент, когда я думаю, что больше не выдержу этого, она спрашивает его, достаточно ли он пьян, чтобы потанцевать.

Он смеется и качает головой.

— Даже близко нет.

— В таком случае, может, ты хочешь уйти отсюда?

Она произносит это достаточно тихо, поэтому большинство сидящих за столом не слышат этого, но я наострила уши на их разговор, словно от этого зависит национальная безопасность. Я тут же встаю, чтобы выпустить Адама, не желая слышать, как звучит его голос, когда в конце концов он попросит меня встать. Мои резкие движения привлекают его внимание. Он начинает двигаться вместе с Мишель, практически приросшей к его бедру.

Я так сильно кусаю внутреннюю сторону губы, что уверена — скоро почувствую кровь, но в этот момент слышу смех Шона:

— Адам! — кричит он, и тот останавливается, чтобы посмотреть на него. — Иисусе, мужик, ты так и не понял, кто она? Да?

Адам поворачивается к Мишель и удивленно поднимает брови.

— А?

— Не она! — кричит Шон.

О Боже, о Боже, о Боже.

— Она! — Шон указывает пальцем на меня, от чего кровь стынет в жилах.

Адам медленно переводит взгляд на меня.

— О чем он говорит? — спрашивает он, выглядя совершенно сбитым с толку.

— Ни о чем, — быстро отвечаю я. — Он пьян.

— Просто скажи ему, кто ты! — выкрикивает Шон, и я одариваю его угрожающим взглядом. Я убью его. Честно, убью!

— Кто она? — спрашивает Адам у Шона, и я практически хватаю его за локоть и увожу подальше от стола.

Когда Мишель спешит последовать за нами, я резко останавливаюсь и, оглядываясь на неё, шиплю:

— НЕ ТЫ!

Она спотыкается, словно мои слова в буквальном смысле бьют её по лицу, но я слишком взволнована, чтобы гордиться этим, и тут же вновь начинаю тащить Адама к выходу.

— Лучше скажи ему! — кричит нам вслед Шон, но я не обращаю на него внимания, как можно скорее вытаскивая Адама из клуба. Он смотрит на меня так, словно я сумасшедшая, но без вопросов следует за мной.

Как только мы оказываемся снаружи, он останавливается, и я отпускаю его руку.

— Что это было?

Я поворачиваюсь и смотрю на него, кусая внутреннюю сторону губы. Завтра будет очень болеть.

— Мы можем просто забыть произошедшее?

— Нет, — он отвечает гораздо более серьезным голосом, чем я привыкла слышать, — расскажи мне, что он имел в виду.

Я вздыхаю и увлеченно разглядываю асфальт под ногами. Это занимает некоторое время, но в конце концов я набираюсь мужества и поднимаю на него взгляд.

— Мы уже встречались раньше... до этих выходных, — признаюсь я, сняв очки.

Адам смотрит на меня с любопытством.

— Где?

Не хочу говорить, но Шон не оставил мне выбора.

— В Mayhem.

— Когда?

Нервно тереблю мочку уха. Не хочу об этом говорить. Это вообще последнее, что я когда-либо хотела бы обсуждать.

— Чуть больше месяца назад.

Когда понимаю, что ещё недостаточно рассказала, наконец добавляю:

— Тебе отказала всего *одна* девушка, Адам. Не две... Одна.

Адам долгое время изучающе смотрит на меня, его лицо медленно озаряет понимание. Его взгляд смягчается в свете уличного освещения, легкий ветерок развеивает каштановые локоны.

— Только ты, — тихо соглашается парень, после чего, глядя в глаза, приближается ко мне. Он берет пальцами за резинку и распускает мой хвост, позволяя волосам рассыпаться. После чего поправляет их, вытягивая вперед.

— Прости, что не сказала тебе, — извиняюсь я, хмурясь, когда он играет с моими волосами, но затем Адам протягивает руку и ласкает пальцем мою нижнюю губу. Как и прошлой ночью, я замираю. Я вижу, как воспоминания о нашем первом поцелуе проносятся в его голове. Когда Адам касается меня, как в прошлый раз, и смотрит на меня так же, я не имею ни малейшего понятия ни что мне сказать, ни что чувствовать или делать... или... или... я вообще дышу? Чёрт, мне нужно дышать.

Когда взгляд Адама падает на мои губы, и он начинает приближаться ко мне, я резко вдыхаю и нервно отступаю назад:

— Стоп.

Парень следует за мной, а в его глазах тлеют угольки. Одним пальцем он хватает меня за ремень, чтобы притянуть за бедра, тем самым резко сокращая расстояние между нами. Внезапно моё тело охватывает пламя возбуждения, и я не знаю, как долго смогу противостоять всем плохим решениям, которые оно умоляет меня принять. По крайней мере, он не сумасшедший... Не думаю.

— Адам, — каким-то образом мне удается произнести запыхавшимся и неровным голосом, — мы по-прежнему просто друзья.

Адам отрицательно качает головой, одним быстрым движением разворачивая наши тела так, что я оказываюсь прижатой к бетонной стене. Он вплотную подходит ко мне, одной рукой всё ещё удерживая меня за пояс, а другой лаская меня за ухом.

— Почему ты не сказала мне? — спрашивает он. Его голос низкий, опасный и сексуальный, как у змея-искусителя. От него у меня кружится голова. Он зол? Чёрт... Даже не знаю.

— Я... Я не хотела, чтобы ты знал.

— Ну, теперь я знаю.

Он так близко и такой высокий, что мне приходится поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Взгляд Адама прожигает меня насквозь, и я чувствую жар по всему телу

Киваю и с трудом сглатываю.

— Ты *целый месяц* посещала со мной занятия.

Я снова киваю, закусывая нижнюю губу. Но это лишь возвращает его внимание к моему рту, так что я отпускаю её.

— А потом последние три дня ты провела со мной и рассказала Шону...

— Я *не* рассказывала Шону, — перебиваю его.

— Тогда откуда он знает?

— Он узнал меня. А *ты* — нет.

Это прозвучало более раздраженно, чем я хотела.

— Я знал, знал, что это ты!

Он наклоняется, прижимается губами к моему уху и шепчет:

— Ты солгала мне, Персик.

Когда он отворачивается от меня, я не могу прочесть эмоции на его лице.

— Я... Мне жаль.

Адам медленно качает головой.

— И снова лжешь.

Я опустила глаза. Парень прав, и он чертовски меня взволновал. Адам пальцем поднимает мой подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза.

— Почему ты не пришла за кулисы тем вечером?

— Я была в полном раздрае.

— Я хотел тебя увидеть.

Я в миллионный раз хочу извиниться перед ним, но решаю промолчать.

Адам кладет руку мне на шею, лаская пальцем нежную кожу за ухом.

— Ты отправилась со мной в эту поездку... и не позволила мне даже поцеловать тебя.

У меня перехватывает дыхание. Я... Что я должна на это ответить?

Адам прижимает меня вплотную к стене, заслоня собой. Я чувствую, насколько сильно парень хочет меня. Он наклоняется мучительно близко к моим губам:

— Теперь, когда я знаю, кто ты, позволишь мне поцеловать тебя?

Я нервно мотаю головой из стороны в сторону.

Он наклоняется еще ближе, и мы соприкасаемся носами.

— Почему?

Адам так близко, я чувствую его дыхание на моих губах.

— Я... Я просто...

Прежде чем мне удастся закончить или хотя бы осмыслить, что я хочу ответить, он резко подается вперед, чтобы накрыть своими губами мои. Напирая, Адам сокращает между

нами расстояние и втягивает мою нижнюю губу. Он прижимается ко мне бёдрами, и из моих уст вырывается бездыханный стон, когда я чувствую его. Всего. Хочу, чтобы он поднял меня. Чтобы обернул мои ноги вокруг своей талии и прижал к этой стене, чтобы я могла почувствовать его там, где по-настоящему хочу. Я не думаю — просто целую его в ответ. Целую так отчаянно, что больше невозможно скрывать, как сильно хочу.

Адам скользит руками вдоль моей шеи и погружает их в мои волосы. Он целует меня, пока мой рассудок окончательно не поглощает туман, а затем прижимается губами к моей шее и стискивает мои бедра, ещё сильнее придвигаясь ко мне. Я таю в его руках. Он так страстно целует меня, уверена — завтра там будут засосы, но мне плевать. Так продолжается до того момента, пока его холодные пальцы не проскальзывают под мой топ, грубо прижимаясь к моей голой коже, от чего я шокировано открываю глаза.

Мы стоим перед клубом, на тротуаре. Я ловлю на себе неодобрительные взгляды проходящих мимо людей и, задыхаясь, отступаю назад.

— Адам, — я качаю головой. — Нет.

Он оглядывается, осознавая, что выставил нас на всеобщее обозрение. Парень кажется в равной мере взволнованным и весёлым, когда протирает глаза, широко улыбаясь.

— Автобус, — произносит он, после чего перестает тереть глаза и протягивает мне руку.

— Нет, — выдыхаю я, качая головой. — Мы не можем.

Моё тело кричит в знак протеста, но ему действительно следует научиться вовремя затыкаться.

Его лицо кривится в непонимании.

— Почему?

— Потому что... мы друзья.

Адам рычит и проводит руками по волосам, разочарование одолевает его.

— Мы *не* друзья.

Его слова режут меня по живому, и я боюсь, что могу разреветься прямо здесь, перед всеми. Он, должно быть, замечает это, потому что немедленно уточняет:

— Нет-нет, я не это имел в виду.

Адам начинает нервничать и выставляет руки вперед, словно боится, что я могу рассыпаться на миллион кусочков, и ему придется держать меня в целости. Я знаю, что он искренен, и от этого мне становится легче. Но вопрос об автобусе всё ещё в силе.

— Вернуться в автобус было бы *очень* плохой идеей, — объясняю я ему.

— Что в этом такого плохого?

Ничего и всё одновременно.

— Я не ищу отношений на одну ночь... — выдавливаю из себя слабую улыбку. — Даже с Адамом Эверестом.

Особенно с Адамом Эверестом.

— Откуда ты знаешь, что это будет лишь на одну ночь?

Я многозначительно смотрю на него, отвечая взглядом на его вопрос. *Все* отношения Адама — на одну ночь. Он даже не может отрицать это.

— Почему ты поехала со мной, Персик?

— Хотела помочь тебе.

— Зачем?

— Просто захотела.

Ответ соответствует логике Адама, так что он не может спорить с этим. Парень вздыхает и отступает назад, проводя рукой по волосам.

— Разве мы не можем просто посмотреть, к чему нас это приведет? — спрашивает он спустя несколько секунд.

Я качаю головой.

— Я по-прежнему хочу быть друзьями.

Мы *оба* знаем, к чему это приведет. Это приведет нас прямо в постель, после чего он оставит меня сидящей у телефона, который никогда не зазвонит, рыдающей на плече у Ди.

— Честно? После *этого*? — Адам невесело усмехается. — Не думаю, что вся эта «дружеская хрень» сработает.

— Именно поэтому я не хотела тебе рассказывать, — нахмурившись, отвечаю я.

Адам снова подходит ко мне, соприкасаясь нашими лбами.

— Персик, — произносит он, пристально вглядываясь в мои глаза. — Не думаю, что я когда-либо так же сильно чего-то желал, как хочу прямо сейчас схватить тебя и отнести в автобус.

Я упираюсь рукой в его грудь и медленно отталкиваю. Он не выглядит счастливым, но позволяет мне сделать это.

— Что мне делать? — спрашивает он.

— Остыть, — отвечаю я, фальшиво улыбаясь.

— А потом?

— Забыть то, что произошло в Mayhem.

И то, что произошло только что. Потому что одному Богу известно — произошедшее было выжжено в моей памяти и будет по-прежнему тлеть даже спустя год.

Адам качает головой.

— Я не могу.

— Тогда просто притворись.

Он снова качает головой, но в этот раз улыбаясь.

— Не получится.

— Почему?

— Не хочу.

Он берет меня за руку и оттягивает от стены, чтобы обнять за плечи, и ведет обратно в клуб.

— Так ты не против быть друзьями? — спрашиваю, пока мы идем.

— Против, — он смеется в ответ.

— Но... Мы ведь попробуем, да?

Он ухмыляется мне, не отвечая на вопрос, после чего мы заходим внутрь.

Глава 19

Следующим утром, увидев Шона, сидящего за кухонным столом с опущенными плечами и головой, лежащей на руках, словно она — пятидесятифутовый шар для боулинга, я решаю отыгаться на нем по полной. Его спутанные волосы и грязная вчерашняя одежда так и кричат об убийственном похмелье, и я должна отплатить ему за то, что вынудил рассказать Адаму мой секрет.

Я подхожу к кофе-машине и начинаю рыться в шкафах и шухлядах, со всей силы хлопая дверцами. Открываю шкаф за шкафом, затем захлопываю их в поисках молотого кофе.

Нахожу его и шлёпаю жестяную банку на кухонную стойку. После нахожу ящик, наполненный разнообразными ложками и лопатками, и засовываю руку, рыская, словно не могу найти мерную ложечку, несмотря на то, что она лежит сверху.

Шон стонет и закрывает лицо руками. Я ухмыляюсь и достаю мерную ложку.

— ЭЙ, ШОН, — пренебрежительно и громко произношу я, насыпая кофе в фильтр. — КАК ТЫ СЕБЯ СЕГОДНЯ ЧУВСТВУЕШЬ?

В придачу делаю вид, словно «случайно» задеваю духовку, и по всей кухне проносится звон.

— Прости, — стонет он, уткнувшись лицом в ладони.

— Что-что? ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ГОВОРИТЬ ГРОМЧЕ.

Шон поднимает на меня налитые кровью глаза, выглядя при этом откровенно жалко. Затем поднимает голову, держась ладонями за виски.

— Прости, ладно? Я был вдребезги пьян.

Заканчиваю наливать воду, закрываю крышку кофе-машины и включаю её, после чего поворачиваюсь к нему лицом, облокотившись на кухонную стойку.

— Тебе следует говорить яснее.

— Прости, что выдал твою тайну. Я должен был молчать.

Киваю, принимая его извинения. Тоже чувствую себя немного виноватой — я знала, что Шон ненавидел сам факт наличия секрета от лучшего друга, но, тем не менее, ему следовало держать рот на замке. Это была не его тайна.

— Что тебе нужно, чтобы полегчало? — спрашиваю я. — Тайленол? Яичница? Блинчики? — это моя форма извинения, и это лучшее, что он может получить.

— Всё вышеперечисленное? — застенчиво улыбается Шон.

Наливаю ему немного апельсинового сока из холодильника, после чего нахожу Тайленол в аптечке в ванной. Как можно тише, не издавая ни звука, ставлю всё это на стол перед ним.

— Секундочку, — говорю ему, а затем отвожу в переднюю часть автобуса, чтобы можно было приступить к работе.

Прошлая ночь была определенно... интересной. У нас с Адамом так и не получилось войти в клуб, так как ребята изменили наше направление, выпроваживая на улицу. Они перенесли всю вечеринку обратно в автобус, и я была счастлива, когда поняла, что Мишель не является её частью. Поинтересовалась, не должны ли мы подбросить её к автомобилю, но Джоэль заверил меня, что такую, как она, никто не откажется подвезти.

Когда Адам рассказал группе о том, что я — печально известный Персик, мои щеки зарделись от смущения. Это была длинная история со множеством вопросов, смущения и дразнилок. В конечном итоге всё завершилось тем, что весьма пьяный Шон безжалостно получил по руке. Впоследствии Адам вывернул ему руку, на что я с одобрением ухмыльнулась.

Как только наверху стало свободно, я заползла в черную атласную постель, надеясь, что это не будет слишком странно. Но я заснула до того, как вернулся Адам, так что мне не пришлось это выяснять. А сегодня утром я выскользнула из спальни и на цыпочках пробралась между рук, ног и простыней, свисающих с кровати.

К тому моменту, как проснулись остальные ребята, я приготовила бекон, яичницу, оладьи и тосты. Еды даже близко недостаточно для них всех, но они как-то справятся. Помощники группы быстро едят и уходят на перекур, тогда как остальная часть группы

остается в автобусе. Адам ещё не встал, так что я накладываю еду в тарелку и прячу в микроволновке.

— Где моя еда? — сонно спрашивает он, когда наконец-то спускается вниз. На нём солнцезащитные очки, и я полагаю, что парень надел их, потому что страдает таким же похмельем, как и Шон. Он без футболки, в выцветших потрепанных джинсах с низкой посадкой, выставяющих напоказ резинку черных боксеров Calvin Klein. Даже при том, что Адам спит без футболки или штанов, я отказывала себе в удовольствии рассматривать его. Теперь ничего не могу с этим поделать.

Из меня вырывается неестественный смех, и я спешу прикрыться кулаком. Когда убеждаюсь, что не собираюсь вновь расхохотаться, спрашиваю:

— Единорог?

Адам смотрит на маленького единорога, набитого внизу живота, и широко улыбается. Затем поднимает взгляд и пожимает плечами.

— Шон взял меня на слабо. Мы были подростками.

Адам худой и подтянутый. У него нет кубиков пресса или чего-то в этом роде, но вид его твердого живота всё ещё заставляет меня краснеть от макушки до пяток. Виднеется легкий намек на мышцы, но, думаю, больше всего меня бросает в жар от вида линии, идущей к низу живота. На его левой груди ещё одна татуировка — волшебный шар с надписью «Переспросите позже». Это так в его стиле. Я бы улыбнулась, не пытайся притвориться, что это не я только что бессовестно пялилась на него. Встаю, подогреваю завтрак Адама в микроволновке и приношу ему за стол.

— Ты оставила для меня? — удивленно спрашивает он, когда я ставлю перед ним тарелку.

— Пожалуйста.

Он смеется и первым делом берет кусок бекона.

Джоэль доедает последний кусочек оладьи и откидывается на стуле, поглаживая живот.

— Думаю, я буду скучать по тебе, Персик.

— Ты так говоришь только из-за блинчиков, — усмехается Шон.

— Это не так. Она также «тот ещё» танцор.

Он улыбается мне, и я краснею, вспоминая какими пьяными и грязными были наши танцы.

— Ну, — перебивает Майк, — я буду грустить из-за отсутствия поблизости хоть наполовину такого же достойного игрока в Call of Duty, как ты.

— Эй! — протестующе вскрикивает Коди, тем самым рассмешив нас всех. Он сидит на столешнице и болтает ногами, рассеянно переписываясь в телефоне.

— Я тоже буду скучать по вам, ребята, — произношу я, чувствуя тепло и грусть одновременно.

Адам усмехается, поливая сиропом оладьи.

— Не понимаю, что вы тут за мелодраму развели. Это не значит, что вы с ней больше никогда не встретитесь. Вы увидите её через две недели.

— Правда? — это новость для меня.

Адам кивает, давая время впитаться сиропу, после чего добавляет еще слой — точно так же, как делаю я. Это вызывает у меня улыбку.

— Ага, — отвечает он, — ты идешь на наш концерт в субботу.

— Я?

Шон смеется, а Адам улыбается, сдвинув очки на голову.

— Ты. У тебя даже есть пропуск за кулисы.

— Только один?

Я хотела бы пригласить Ди и, возможно, Лэти.

— Или пятьдесят. Сколько тебе нужно?

Я хихикаю и отпиваю кофе. Если Адам хочет видеть меня в Mayhem — я буду там.

Прежде чем отправиться в путь с Адамом, я обмениваюсь номерами и обнимаюсь с остальными участниками группы, даря самые крепкие объятия Шону и Майку. Эта поездка стала бы действительно трудной, если бы эти двое не были столь удивительными. Рада, что Адам хочет, чтобы я изредка зависала с ними. В противном случае, я бы очень скучала.

Мы уже какое-то время в дороге, ветер лениво раздувает мои волосы (которые я впервые за эти дни оставила распущенными), когда Адам вдруг произносит:

— Итак, прошлой ночью мне удалось не пригвоздить тебя к постели и не претворить свои сексуальные фантазии в жизнь.

У меня перебивает дыхание, и я шокировано смотрю на Адама. Его глаза скрыты за очками, а один уголок рта изгибается в сексуальной ухмылке.

— Ты гордишься мной?

Закашлявшись от смеха, произношу:

— Да, Адам. Я очень горжусь тобой.

— Потому что друзья не спят со своими друзьями, верно?

Ладушки, я поняла — он просто издевается надо мной. Очень сильно, чёрт возьми, издевается.

— Верно.

— Я в том смысле, что не так долго мы бы и спали, но...

— Адам!

— Ладно.

Он смеется и достает из пачки сигарету, поджигая её.

— Как думаешь, я сдам завтра экзамен?

— Думаю, сдать в твоих же интересах.

Учитывая то, сколько мы с ним выучили? Если он не сдаст, я дух из него вышибу учебником по французскому.

— Тебе не кажется, что нам нужно ещё одно ночное занятие?

Как бы то ни было, я всё утро настраивала себя на прощание с Адамом, и чувствую, что мне нужно сорвать этот пластырь, прежде чем я приду в отчаяние. Он сказал, что мы будем продолжать общаться, но как только мы вернемся к реальной жизни, и он вновь будет втянут в круговорот всех этих красивых знакомых лиц, преследовавших его каждый день, мне интересно, сколько пройдет времени, прежде чем он забудет меня. Теперь, когда я больше не Персик из Mayhem, а просто Персик — девушка, которая отказала ему, у Адама действительно больше нет причин обращать на меня внимание.

— Не-а, думаю, у тебя всё под контролем, — отвечаю я, выдавливая из себя улыбку. — Я верю в тебя.

— Осторожно, Персик, — предупреждает он, взглянув на меня. — Как бы не так.

Я закатываю глаза.

— Верю или нет, если ты не сдашь этот тест, это будут твои последние слова.

Адам усмехается и опирается локтем на дверь.

— Ты своего рода маленькая лютая шгучка, не так ли?

— Что могу сказать: ты пробуждаешь худшее во мне.

Он снова смотрит на меня. В его глазах плещется соблазн, что вновь вгоняет меня в краску.

— И сейчас?

Я отвлекаю себя, доставая из сумочки телефон и проверяя сообщения. Ди написала мне, чтобы сказать, что она скучает по моему надоедливому лицу, и напомнить, что мои ромашки «засохнут и УМРУТ», если я не буду их регулярно поливать. Я прыскаю и перехожу к сообщению Лэти.

Ди сказала, что ты, вероятно, захочешь остаться у меня на этой неделе?

Дерьмо.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Сообщение Лэти — гигантский красный флаг. Ди не написала бы ему, если бы дело с председателем не стало слишком серьезным. Я грызу ноготь на большом пальце, пока мой бесполезный мозг пытается придумать что-то типа плана действий. Я не могу вернуться к Ди, но также не хочу, чтобы Лэти нарвался на те же проблемы. И от его соседа у меня мороз по коже... Уф. Какая лажа. Если бы не Брейди, я бы даже не попала в такое положение. Теперь в его распоряжении двухкомнатная квартира. Для него одного.

Из этой ситуации есть только один выход.

Когда мы подъезжаем к институту, Адам спрашивает, куда поворачивать, и я отвечаю — вправо.

— Но это же не к общежитиям, — замечает он, вопросительно подняв бровь.

— Я знаю.

— Куда я везу тебя?

Я вздыхаю, проводя вспотевшими ладонками по холодной коже подлокотника.

— Председатель общежития Ди сделал предупреждение, что я больше не могу оставаться у неё. Так что я подумываю вернуться в свою квартиру.

— К твоему бывшему...

Во время поездки я вкратце рассказала ему о Брейди: что мы встречались три года в старшей школе, что переехали сюда вместе и, что до того страшного вечера в Mayhem, я никогда не подозревала его в измене. Адам был нетипично тихим, молчаливым.

— Да, — отвечаю я. — У нас двухкомнатная квартира, так что, думаю, я просто остановлюсь в своей старой спальне.

Адам долгое время смотрит куда-то вдаль, впрочем, как и я.

— Ты уверена? — наконец спрашивает он.

Черта с два я уверена. Но у меня действительно нет другого выхода, не так ли?

— Да, уверена.

Глава 20

Я сижу на пассажирском сидении Адама и нервно заламываю руки, после чего, стиснув зубы, хватаю рюкзак с заднего сидения. Багажник открыт, так что я собираюсь просто забрать свои вещи и уйти. Поворачиваюсь к Адаму, готовая с ним попрощаться, но в этот момент он открывает дверь и выходит из машины.

Ладно... Всё пошло не так, как я планировала. В моей голове было четкое представление. Я бы улыбнулась, кивнула, сказала, что хорошо провела время, и «увидимся в понедельник». Семь слов, не более. «Спасибо», «Я хорошо провела время», «Увидимся

завтра». По пути сюда я мысленно проговорила их сотню раз, чтобы не молчать и не заикаться, когда придет время их произнести, но затем этот дурачок взял и вышел из чёртовой машины.

Я выхожу и иду к багажнику, наблюдая, как Адам вытягивает мой чемодан, после чего стоит и смотрит на меня. Так неловко. Не знаю, что делать.

— Спасибо, что позволил мне провести с вами эти выходные, — запинаясь я.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спрашивает он. В глазах Адама я замечаю обеспокоенность, которая слышна в его голосе. Даже несмотря на то, что Адам по большей мере гуляка, я знаю — в глубине души он хороший парень. И вижу, тот факт, что я собираюсь жить с человеком, который разбил мне сердце, ему не по душе. Но у меня нет другого выхода.

Не знаю от чего мне хуже — от того, что я впервые за два месяца собираюсь лицом к лицу поговорить с Брейди или от того, что расстанусь с Адамом. Или потому, что завтра эти выходные официально станут лишь воспоминанием.

— Да, — лгу себе в той же мере, как и очаровательно нечесаному рокеру, стоящему менее чем в двух футах передо мной. — Я обещала ему поговорить. Позже попрошу Ди, чтобы она привезла мои вещи.

Адам прислоняется к багажнику, уставившись на свою обувь — черные Vans с черными шнурками и белой подошвой. О чём он думает? С каждой секундой его молчания я становлюсь всё слабее и слабее. Прощания — не мой конёк, и это уже слишком затянулось. Других ребят я обняла на прощание, а что с Адамом? Стоит такой тут весь из себя идеальный.

Внезапно парень достаёт из заднего кармана телефон.

— Дай свой номер.

Я не дала ему его в автобусе, потому что он не просил, и была абсолютно уверена, что и не попросит. В свою очередь, я не спросила его номер, потому что, ну... в этом не было смысла. Он Адам чёртов Эверест, и я никогда не осмелюсь позвонить ему, даже после проведенных вместе выходных и осознания, насколько он удивителен.

Парень устался в свой телефон, пальцы терпеливо застыли над сенсорным экраном. И тогда я произношу первое, что приходит мне на ум. И оказывается самым глупым, что я вообще могла сказать.

— Зачем?

Адам быстро поднимает на меня глаза, его вздёрнутая бровь выдает то, насколько он удивлен моему провальному вопросу.

— Эмм, может быть, потому что я собираюсь тебе позвонить?

— Ты собираешься позвонить мне?

Я едва не начинаю смеяться — даже представить себе не могу, скольким девушкам он скормил эту байку.

Но Адам лишь выжидающе смотрит на меня. Его губы подергиваются в сдерживаемой улыбке.

Я протягиваю руку, и он передает мне свой телефон. В обмен даю ему свой.

— Ты первый, — говорю ему, на что он улыбается и вводит свой номер в мой телефон.

— Хорошо, я позвоню тебе, — произносит Адам после того, как я ввожу свой номер в его телефон и возвращаю ему. Он кладет телефон в карман.

На этот раз я реально смеюсь.

— Хорошо.

— Я позвоню тебе, Персик.

— Не сомневаюсь.

Адам сужает глаза, но в то же время глуповато ухмыляется.

— Ты не веришь мне, да?

— Моей веры не всегда достаточно, Адам Эверест.

Он отходит от машины, переплетает наши пальцы и притягивает меня к себе. Крепко обнимает, положив подбородок на мою голову. Это именно то, чего я хотела. Я улыбаюсь, уткнувшись в его мягкую футболку, позволяя себе так же крепко обнять его.

— Знаешь, — произносит он, — думаю, я позвоню тебе сегодня ночью.

Даже несмотря на то, что мое сердце делает кувырок от его объятий, я не могу упустить шанса поиздеваться над ним.

— Поверю на слово.

Мы обнимаемся в течение долгого времени. Гораздо дольше, чем положено друзьям. Не хочу отпускать его. Чего я на самом деле хочу, так это проскользнуть пальцами под его футболку, чтобы узнать, как ощущается рельеф его нагретой солнцем спины. По всему моему телу проносится жар, и я закрываю глаза. Адам очень высокий, и всё это кажется таким правильным. Я вздыхаю и немного отстраняюсь, чтобы взглянуть на него.

— Эй, Адам?

Я всё выше и выше поднимаю глаза, и мягкие темные волосы Адама падают ему на глаза, когда парень наклоняет голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Да, Персик?

— Я рада, что встретила тебя.

Он ласково улыбается мне в ответ, в уголках его губ видны морщинки. Часть меня (та, которой нельзя доверять) отчаянно желает прикоснуться к ним. К его губам. Щекам.

— Я тоже, — искренне отвечает он. Его ресницы выглядят такими мягкими и нежными, что мне хочется прикоснуться и к ним.

В конце концов я собираюсь с силами и разрываю наши объятия.

— Увидимся завтра?

Он кивает, выглядя при этом так, словно не больше моего хочет, чтобы я уходила.

— Тебе лучше прийти вовремя, — предупреждаю я, оглядываясь через плечо, и тащу чемодан к двери дома.

На лице Адама наконец-то снова появляется моя любимая нахальная улыбочка, озаряющая его взгляд.

— Пообещай выпить со мной боди-шот, и я приду даже раньше.

Смеюсь и качаю головой.

— Увидимся, Адам.

Я не оглядываюсь, когда он произносит: «Увидимся, Персик». Не могу, у меня и так уже трясутся коленки.

Я слышу, как дверь с водительской стороны открывается и закрывается прямо перед тем, как я поднимаюсь по лестнице здания, после чего открываю дверь и заставляю свои ноги нести меня внутрь.

Сразу же подхожу к стене и прислоняюсь к ней, закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Это гораздо сложнее, чем я предполагала. Учитывая, что, по моему предположению, это было чертовски трудно. Всё будет совершенно иначе, когда мы завтра увидимся на занятиях.

В глубине души я знаю, что вновь стану для него просто ещё одной девушкой. Если мне повезет, он мимоходом поздоровается со мной. И затем моё сердце пропустит удар, а к руке прильет кровь, чтобы я смогла помахать ему в ответ, прежде чем займу свое привычное место рядом с Лэти.

Да кого я обманываю? Не будет ни приветствий, ни взмахов, потому что в действительности мы с Адамом никогда не пересечемся. Он приходит на занятия позже меня, уходит раньше. Не будет никаких мимолетных разговоров, улыбок, дружеских звонков или завтраков в АЙХОП. Он сказал, что хочет, чтобы я пришла в *Mayhem* на их выступление через две недели, и я приду. Надеюсь, Персик по-прежнему будет в списке доступа за кулисы. И, если я на самом деле попаду за кулисы, знаю, он позволит мне остаться, даже если будет... занят.

И в этом только моя чёртова вина.

У меня были на то веские причины. Уважительные, небезосновательные причины. Возможно, мне будет не так трудно, если я продолжу напоминать себе об этом.

Взяв себя в руки, набираюсь смелости, чтобы подняться по лестнице. Два пролета, и я оказываюсь перед дверью Брейди. Наверное, я должна была позвонить. Черт, наверное, мне следует позвонить *сейчас*. Но это и моя квартира, и я не собираюсь притворяться, что это не так. Роюсь в сумочке в поисках ключей. Если я собираюсь жить здесь, мне не нужно звонить, стучать или *что-то ещё* в этом роде, и уж тем более прощать его. Я ничего не должна ему — если Брейди хочет моего прощения, то должен заработать его, и никто не говорит, что это будет легко.

Весьма уверена, что вступать с ним в беседу, когда я так раздражена — не лучший способ наладить отношения, но уже слишком поздно что-либо менять, так как я уже накрутила себя, выстроив между нами стену ещё до того, как зашла в квартиру.

Ладно. Возможно, это к лучшему.

Я могла бы позвонить Ди и рассказать, как собираюсь поступить, но не хочу, чтобы подруга чувствовала себя так, словно толкнула меня в объятия Брейди. Или, что ещё хуже, я не хочу, чтобы она прыгнула в машину и примчалась сюда, чтобы при помощи силы удержать меня от того, что (*я уверена*) она сочтет ошибкой эпических масштабов. Настоящей ошибкой будет допустить выселение моей лучшей в мире подруги из общежития в первый же семестр. Ди всегда была потрясающим другом, теперь мой черёд ответить ей тем же.

Я позвоню ей после разговора с Брейди, когда для неё уже будет слишком поздно, чтобы сделать что-то безрассудное. Позвоню, когда вопросы будут урегулированы, решения приняты, и вся эта неопределенность, которую я остро ощущаю, будет стерта длинным, драматичным, изматывающим разговором, который я слишком долго откладывала.

Тяжело вздыхаю и сжимаю ключ между пальцами. Затем проворачиваю его в замочной скважине и открываю дверь, чтобы увидеть то, чего я, чёрт возьми, никогда в жизни не ожидала. Мой «типа бывший» и та девка из грёбаного клуба переплелись на диване полуголыми.

— Ты, блять, ШУТИШЬ!

Брейди поднимает взгляд, в то время как его член (по моему предположению) находится в кишащей герпесом вагине. На его лице промелькнул шок, а затем абсолютный ужас, и он всеми силами пытается натянуть штаны. А я уже мчусь обратно по коридору.

— Роуэн! Подожди! Нет!

Держа чемодан в руке, добегаю до конца коридора и бросаюсь на лестничный марш,

захлопнув за собой дверь. Спускаюсь по ступенькам быстрее, чем кто-либо с чувством самосохранения. Слава Богу, что все вещи, которые я взяла с собой в поездку, легкие.

Спустя мгновение после того, как я захопываю дверь, слышу, как Брейди распахивает её, и его голос эхом пронесется вниз.

— Роуэн! Детка, пожалуйста!

Я практически падаю на лестнице, спотыкаясь то тут, то там. Даже не смотрю, куда иду, потому что мой взгляд прикован к телефону с номером Адама на экране.

— Детка! Я могу объяснить!

Хах! Ох, это конец всего. Если Брейди меня догонит, я так сильно врежу по его поганой роже, что он станет косоглазым. Посмотрим, будет ли он нравиться той сучке в моей квартире, когда не сможет смотреть прямо.

Во второй раз набираю Адама, и он не отвечает, но, когда я выбегаю на улицу, вижу, что его машина ещё даже толком не выехала с парковки. Стоп-фары его Самаго загораются белым, когда он дает задний ход. Подбегаю к нему, когда он подъезжает ближе, забрасываю чемодан на заднее сидение и буквально запрыгиваю на пассажирское сидение, не открывая дверь. Брейди, словно пушечное ядро, вываливается из здания, во весь голос выкрикивая мое имя.

— Что произошло? — рычит Адам, положив руку на мое сидение и наблюдая, как Брейди приближается к машине. — Что он сделал с тобой?

Он паркует машину и тянется к дверной ручке, а я хватаю его за рукав футболки.

— Ничего! Просто... Он был не один!

Брейди всё ближе, и я по полной паникую.

— Просто забери меня отсюда, ладно?

— Извини, — произносит Адам, решительно качая головой, после чего открывает дверь и выходит из машины.

Брейди едва хватает времени выкрикнуть: «Кто ты, чёрт возьми, та...», после чего Адам со всей силы бьет его кулаком, и мой бывший отлетает назад и падает на асфальт. Я восклицаю, а Адам трясет рукой от боли.

— Персик, иди сюда.

Я делаю то, что мне велено, потому что слишком потрясена, чтобы сделать что-то другое. Подхожу к Адаму, пока Брейди сидит на земле и трясется над своей челюстью, явно слишком напуганный, чтобы встать.

— Скажи то, что ты хотела сказать этому мудаку, — Адам поворачивается ко мне, он ужасно серьёзен, — потому что я забираю тебя к себе домой и не хочу, чтобы ты когда-нибудь снова виделась с ним, ибо ты слишком охуенна для этого изменяющего куска дерьма.

Мои глаза заволакивает пеленой слез, но я продолжаю смотреть на Адама, чтобы у Брейди не было возможности позлорадствовать, увидев, как сильно он меня ранил. Снова.

— Мне больше нечего сказать.

Адам прижимает меня к себе и целует в макушку. Я чувствую, как он поворачивается к Брейди и произносит:

— Слышал? Ты, блять, сам всё испортил, и если ты когда-нибудь снова попытаешься с ней заговорить — я не единственный, с кем тебе придется иметь дело.

Глава 21

У дома Адама я вновь оказываюсь в его объятиях.

— Всё хорошо, — успокаивает он меня. — Всё хорошо. Просто... Сделай глубокий вдох

или что-то в этом роде.

Когда мы подъехали к его пятиэтажному жилому комплексу, я попыталась вытащить свой чемодан с заднего сидения, но в итоге разрыдалась. Адам прижался ко мне сзади, крепко обняв. Сейчас его грудь прижимается к моей спине, щека — к виску, а руки обвивают мой живот. Он держит меня так, словно я могу расклеиться.

А я могу.

— Тот парень — грёбанный придурок. Нет, ну в самом деле, ты видела его волосы? Ну.

Я весело смеюсь. Светлые волосы Брейди всегда были коротко острижены и идеально уложены назад с пробором на левую сторону. Ничего общего с лохматой рокерской прической Адама.

— Видишь? Ты слишком хороша для такого придурка, как он, — Адам целомудренно целует меня в щеку. — Теперь я собираюсь отвести тебя наверх, предложить выпить и...

И? Что будет после «и»? Потому что последний раз, когда Брейди довел меня до такого, Адам отвел меня в свой автобус, дал выпить, а после учил всем тем чудесным вещам, которые он может вытворять своим языком.

— И? — рискую поинтересоваться я. Если он в ближайшее время не закончит предложение, уверена, мне придется сесть прямо здесь, в центре парковки, чтобы остановить головокружение.

— И... мы будем заниматься тем, чем обычно в таких дерьмовых ситуациях занимаются друзья.

Нежные руки Адама разворачивают меня лицом к нему.

— Я никогда не делал этого раньше.

Я догадывалась об этом. Впрочем, он был по другую сторону баррикад. Уверена, Адам заставлял девушек, подобных мне, рыдать. Они, вероятно, называли его самыми последними словами. И, наверное, он заслужил это... Что, вероятно, является причиной того, почему он сейчас застрял здесь со мной, растрачивая впустую последние часы выходных. Карма — сука.

— Ты когда-нибудь изменял? — импульсивно спрашиваю я. Мне внезапно понадобилось узнать это, потому что... потому что просто понадобилось.

— Изменял?

Я киваю, боясь его ответа.

Адам прислоняется к двери машины, барабанив пальцами по блестящему черному металлу.

— Изменял? Нет. Ты должен быть в отношениях, чтобы изменить кому-то, верно?

Когда я киваю, он продолжает:

— На самом деле я никогда ни с кем не встречаюсь. Одна сумасшедшая пыталась обвинить меня в измене, но она знала, с кем связалась. Они все знают. Это не секрет.

В конце концов, он прав. Всякий, кто проведет хоть какое-то время с Адамом, поймет каков он. Кокетливый, беспечный, без обязательств. Но даже несмотря на то, что эти качества должны были бы предостеречь девушек держаться от него подальше, именно они больше всего и привлекают. Таких девушек, как я. Адам — плохой парень с подмоченной репутацией. Он из тех парней, которых надеются исправить все девушки в мире.

Только меня не проведешь.

— Ты никогда не хотел иметь девушку? — интересуюсь я, слишком глупая, чтобы беспокоиться о том, что говорю, хоть и знаю, что позже буду жалеть.

Глядя на меня, Адам ухмыляется.

— Почему спрашиваешь? Хочешь стать моей девушкой?

Я фыркаю, притворяясь, что нахожу эту идею абсурдной. Черт, зачем притворяться?

Она абсурдна.

— Просто интересно.

Улыбаясь, он отвечает:

— Хотел ли я когда-нибудь иметь девушку... Хм...

Задумавшись, он рассеянно вертит черный резиновый браслет на запястье.

— С девушкой нужно много возиться.

— Это значит нет?

Он смеется и вытягивает мой чемодан из машины, неся его через парковку к двери дома.

— Это наблюдение.

Я следую его примеру и заканчиваю разговор, пока мы идем через вестибюль с полированным гранитным полом и потолками высотой с пятиэтажное здание. На лифте мы поднимаемся на четвертый этаж и идем по узкому длинному коридору к квартире Адама — 4Е.

Открывшаяся дверь представляет к обзору огромную гостиную, и даже если бы я не знала, что Адам с Шоном живут здесь, я бы подумала, что здесь живут студенты-холостяки. Деревянный пол простирается в пространство, где находятся серый бархатный диван и два разномастных кресла. Они обрамляют деревянный кофейный столик и обращены к гигантскому развлекательному центру с огромным плоским телевизором и большими-пребольшими колонками. В углу комнаты стоят еще колонки и три гитарных подставки с двумя гитарами на них. Стены приглушенного серого цвета, голые, за исключением маленького пятнышка — кто-то написал ярко-синим маркером «НЕ ПИСАТЬ НА СТЕНАХ!», в чём я распознаю почерк Адама, который прежде видела в его блокноте, и широко улыбаюсь.

Поставив мой чемодан, он направляется на кухню слева от нас и ставит два бокала на стойку. Затем открывает несколько шкафов, до краев заполненных бутылками с алкоголем, при этом нервно барабаня пальцами по деревянным дверцам. Я сажусь на барный стул перед стойкой, отделяющей кухню от гостиной, и наблюдаю за ним. Адам стоит спиной ко мне, его черная футболка свободно свисает с плеч.

— Итак, у меня есть идея.

Он поворачивается ко мне со взглядом сумасшедшего ученого.

— Давай создадим новый коктейль. Назовем его «Забыть подонка» или что-то в этом роде. Только скажи мне, что будет в его составе.

Я смеюсь.

— «Забыть подонка»?

— Эй, если можешь предложить название получше — вперёд, — он нежно улыбается мне. — Так что в нём будет, Персик? Ты называешь, а я, скорее всего, добавляю. Если нет — дальше по улице есть магазин.

Я долгое время раздумываю, глядя на выстроившиеся в ряд бутылки. Мне в глаза бросается полная бутылка джина — напоминание о том единственном разе, когда я видела Брейди пьяным в дрова. На моем выпускном он выпил слишком много джина, и его полтора дня рвало. С тех пор он к нему не прикасался.

— Брейди ненавидит джин, — произношу я, и уголок рта Адама изгибается в одобрении.

— Обожаю джин.

Он достает бутылку из шкафа и ставит ее на стойку.

— Что ещё?

— Он ненавидит всё с ароматом винограда.

Виноградные леденцы, жвачка, газировка — при виде этого он зажимает нос и поворачивает голову так, словно пытается сбежать от своей шеи. На самом деле в какой-то мере это мило. Но сейчас? Я хочу искупаться в виноградном соке, обмазаться пастилой с ароматом винограда и засунуть свой кулак в его лживую, предательскую глотку.

Адам роется в шкафу, звеня бутылками.

— Да ладно, я же знаю, что у нас должно быть что-то... Ага!

Он вытаскивает наполовину пустую бутылку виноградной водки и победно улыбается, болтая бутылкой.

— Что-то ещё?

Я пожимаю плечами.

— Я обнаружила, что люблю текилу.

Адам наклоняется ближе, оперевшись локтями о стойку и подперев руками подбородок.

— Обнаружила, правда?

Я смеюсь и прикрываю его глупое лицо рукой.

— Да.

Схватив меня за мизинчик своими накрашенными черным лаком пальцами, он оттягивает мою руку, чтобы улыбнуться.

— Принято к сведению.

Адам встает и переворачивает всё вверх-дном, чтобы найти бутылку текилы. Он смешивает огромное количество алкоголя из трёх бутылок в двух стаканах, после чего передает один из них мне.

Я беру его и какое-то время изучаю. Подношу к носу и нюхаю — по аромату напоминает кислоту.

— Будет мерзко, — кашляю я.

— Хорошо. Ещё одна причина приложить все силы, чтобы ты больше никогда не пила его.

Адам чертовски прав. Я поднимаю бокал, и он чокается своим.

— На счёт «раз»? — спрашиваю я.

Он кивает, после чего я начинаю обратный отсчет от трёх. Стараюсь сильно не задумываться о последнем разе, когда я так считала с Адамом, и о всех постыдных вещах, которые последовали за этим. На раз я залпом выпиваю напиток, и он разливается пламенной рекой с кончика языка до пупка. Глаза слезятся. Я оглядываюсь и вижу, что Адам всё ещё держит полный бокал и ухмыляется мне.

— Ты тоже должен выпить! — возмущаюсь я, мои горло и глаза полыхают дьявольским огнем.

— Уверена, что не хочешь *абсолютно* потерять память? — спрашивает он, ставя передо мной бокал.

— Адам! — ругаюсь я, отодвигая его. Мой хриплый голос — свидетельство крепости напитка.

Адам смеется и вздыхает, подготавливая к коктейлю. Запрокидывает голову и одним быстрым движением опустошает бокал с янтарной жидкостью.

— *Боже* милостивый, — давится он, ставя бокал на стол, и энергично мотает головой взад-вперед, словно сможет вытрясти этот ядовито-жгучий привкус.

— Если это не заставит тебя забыть его, то я не знаю, что в силах это сделать!

К моменту возвращения Шона домой мы с Адамом совершенно пьяные. Я демонстрирую разбитые костяшки Адама, пока он рассказывает историю о том, как разбил лицо Брейди, и мы оба смеемся, как ненормальные. Даже когда я узнаю, что Джоэль спит на их диване, и мне придется ночевать с Адамом — я слишком пьяная и уставшая, чтобы возражать. Забираюсь под одеяло, ощущая, как мое отяжелевшее от алкоголя тело проваливается в матрас. Адам, оставив меня наедине с тишиной, всё ещё находится в гостиной с Шоном и Джоэлем.

Мне не удается остановить воспоминания о Брейди, и они заполняют мои мысли, сбегая солеными слезами на подушку Адама. Я считала, что покончила с ним, но от этого не стало менее больно видеть его с *той же* девушкой снова.

Когда чуть позже Адам ложится рядом со мной, я отчаянно пытаюсь не всхлипывать, но вместо этого в конечном итоге икаю.

— Он этого не стоит, Персик, — произносит Адам, глядя мне в глаза.

Бледный лунный свет освещает сосредоточенное выражение его лица, мой голос срывается, когда я произношу:

— Знаю.

Адам вздыхает, и я в конце концов всхлипываю. После долгого молчания он поднимает руку, одеяло сползает, и нас больше ничего не разделяет.

— Иди сюда.

— Зачем? — взволнованно интересуюсь я. Хочу быть ближе к нему. Отчаянно. Но из-за нервов, вместо того, чтобы сократить между нами расстояние, я открываю рот.

— Потому что собираюсь обнять тебя.

— Ты собираешься обнять меня?

Адам кивает.

— Зачем?

Он замолкает на мгновение, а затем произносит:

— Персик?

— Да?

— Перестань задавать вопросы и просто иди сюда.

Пока я борюсь с собой, Адам в ожидании держит одеяло. Я осторожно, сантиметр за сантиметром, передвигаюсь по кровати и прижимаюсь к нему, а он обнимает меня. Не знаю, куда деть руку, так что тоже обнимаю его, прижавшись ладонью к спине. После чего мы просто лежим, обнявшись.

Адам тяжело вздыхает, и я поднимаю на него глаза.

— Что?

— Ничего, — отвечает он, не глядя на меня. — Спи.

Я придвигаюсь ближе, пытаюсь устроиться поудобнее, и Адам крепче прижимает меня к себе. Моя щека прижимается к его груди, я слушаю его дыхание. Хочу поблагодарить Адама за то, что спас меня сегодня, что позволил остановиться у него, что обнял меня. За всё. Но вместо этого я засыпаю под идеальный ритм его сердца.

Глава 22

Следующим утром я просыпаюсь в объятиях Адама, что весьма приятно и вызывает все виды бабочек в моём животе, пока не осознаю, что всё наше обучение не принесет никакой пользы, потому что мы просто колоссально, чертовски опаздываем.

— ДЕСЯТЬ СОРОК?!

Я так быстро выскакиваю из кровати, что мои ноги запутываются в простынях, из-за чего я спотыкаюсь, прыгаю и едва не целую пол.

— Неудивительно, что ты всегда опаздываешь!

Когда Адам не реагирует и просто лежит, глядя на меня, я срываю с него одеяло (не беспокоясь о том, что он в одних лишь трусах) и хватаю за руку, поднимая на ноги.

Он улыбается, пока я разглагольствую о том, что ему нужно пулей одеваться, потому что я не ради удовольствия все выходные вкалывала. Уверена, я выгляжу безумной — отчаянно жестикулирую одной рукой, а другой в это время цепляюсь за шелковые, огромные спортивные шорты, которые одолжила у Адама для сна.

Шорты практически спадают с моей талии, когда я сопровождаю Адама к шкафу и быстро выбегаю из комнаты. Лечу к своему чемодану, оставшемуся в гостиной, поспешно раскрываю его и достаю помятую пару джинс. Нет никаких признаков присутствия Джоэля или Шона, когда я бегу в ванную и передеваю штаны. Квартира Адама находится в десяти минутах от университета. Если сравнить это время и то, сколько нам потребуется, чтобы дойти до класса, мы едва успеваем. А если он ещё раз опоздает...

Когда я выхожу из ванной, Адам уже полностью одет в черные джинсы и темно-серую футболку с V-образным вырезом. Его запястья украшены кожаными и резиновыми браслетами, которые он никогда не снимает. Адам достает чашку из кухонного шкафа. На столе стоит полный кофейник теплого кофе — полагаю, Шон приготовил, — но у нас времени на кофе столько же, сколько и на готовку яичницы с беконом и тостами, и, черт возьми, на трехъярусный торт, раз уж мы об этом заговорили.

— Нет, нет, нет, — восклицаю я, выхватывая чашку из руки Адама и ставя её на столешницу.

Он дуется, глядя на кружку, словно она несет в себе тайну вечной жизни.

— Серьезно?

— Я куплю тебе кофе после теста! — настаиваю я, кружа позади него и толкая к двери.

Парень смеется и позволяет мне шаг за шагом подталкивать его. На выходе я перекидываю рюкзак через плечо, после чего хватаю Адама за руку и тяну в коридор. Когда я отпускаю его, он обратно кладет свою ладонь в мою и крепко сжимает.

— Думаю, нам лучше поторопиться, — произносит он, игриво улыбаясь, после чего начинает бежать и тянет меня за собой. Взавшись за руки, мы мчимся мимо лифта, четыре лестничных пролета вниз и через парковку. Адам прыгает за руль Сагао и заводит двигатель, закидывая руку на мой подголовник.

— Тебе нужно ехать быстрее, если хочешь успеть на занятие, — вздыхаю я.

Он отвечает мне белоснежной улыбкой, после чего резко вырывается с парковки. Но мы и двух кварталов не проезжаем, как происходит худшее. Оранжевые конусы. Женщина-дорожник в желтом жилете. Большой оранжевый знак, гласящий: «Объезд».

Я немного наклоняюсь вперед, наблюдая, как выпускной Адама накрывается медным тазом.

— Нет, — вздыхаю я.

Адам останавливается рядом с женщиной.

— Объехать как-нибудь можно?

— Это экстренно? — спрашивает она.

— Да! — выкрикиваю я, привлекая к себе её внимание.

— Какого рода экстренная ситуация?

— Моя... собака... в ветклинике.

Когда она с сомнением смотрит на меня, добавляю:

— Её сбил... поезд.

Пытаясь выглядеть серьезным, Адам смотрит на неё и говорит:

— Это был очень маленький поезд. Такой, что не может сразу насмерть раздавить такую бедную маленькую чихуахуа как Тинкер Белл.

Тридцать секунд спустя мы мчимся по объездной дороге, и я кричу:

— Чихуахуа?!

— Поезд?! — смеется Адам.

Боже мой, мы провалились. Мы худшие в истории Бонни и Клайд. Я удивлена, что женщина не отшлепала нас знаком «СТОП».

Мои пальцы впиваются в сиденье, когда Адам проскакивает на желтый свет. Следующий светофор загорается красным спустя секунду после нашего проезда, но Адам не сбавляет скорость. Я вжимаюсь в сидение, надеясь, что мы не получим штраф... или, ну знаете, не умрем.

Когда проезжаем последний участок дороги, ведущий к кампусу, я сгрызаю ногти под корень. Осталось три минуты. Мы ни за что не успеем. Это просто физически невозможно. Адам опоздает и...

Он выворачивает руль влево, и машина погружается в ров, прежде чем с гулом выезжает на идеально ухоженный газон кампуса. Мы по инерции движемся по густой зеленой траве, пока не подъезжаем напрямиком к Джэксон Холлу.

— Ты не можешь припарковаться здесь! — протестую я, когда Адам останавливается.

— Я *должен* здесь припарковаться!

Он глушит машину и вытаскивает ключи из зажигания.

О чём, чёрт возьми, он думает? Они заберут его машину на штраф-стоянку! Или выгонят из университета!

— Ты... ты... Боже мой, — заикаюсь я, протягивая руку. — Дай мне ключи.

— Ни за что, — отвечает он, качая головой. — Я не хочу, чтобы ты опоздала.

Теперь я паникую, потому что каждая пролетающая секунда, что Адам спорит со мной, означает, что мы *оба* на секунду ближе к опозданию.

— Д-р Пуллмен любит меня, — рычу я, сжимая его плечо, — но **НЕНАВИДИТ** тебя, та что просто дай мне чертовы ключи, Адам!

Он мнется, но затем отдает ключи. Какое-то время смотрит на меня, а затем наклоняется и быстро целует в щеку, после чего выскакивает из машины и забегает в здание. Повсюду студенты, пляшущие на меня, когда я перелезаю через центральную консоль, плюхаюсь на водительское сидение и настраиваю его под себя. Вставляю ключ в зажигание и поворачиваю его, приводя в жизнь кабриолет Адама. Слава Богу, я умею ездить на механике, иначе это было бы чертовски интересно. Я делаю широкий разворот и выезжаю обратно на дорогу, минуя главный въезд, заезжаю на крытую парковку через черный въезд, на случай, если была вызвана охрана.

К тому моменту, как я попадаю в класс (опоздав на десять минут), из-за бега в Джексон Холл моя шея взмокла от пота. Мои волосы не расчёсаны и выглядят жалко после поездки сюда; я без макияжа, на мне футболка, в которой я спала (её я позаимствовала у Адама, и она на два размера больше), а мои джинсы пахнут так, словно их три дня носили и не стирали с тех пор, как... потому что их носили и не стирали.

Адам Эверест отрывается от своего экзамена, чтобы улыбнуться мне с первого ряда. Когда я подхожу к Д-ру Пуллмену, из меня вырывается напряженный вздох.

— Извините за опоздание, — обращаюсь я к нему.

— Вы в порядке? — его встревоженный взгляд только подтверждает, насколько ужасно я выгляжу. — Вы всегда можете сдать экзамен позже, если плохо себя чувствуете, Роуэн.

— Нет, я в порядке. Спасибо.

Выдавливаю из себя улыбку, когда он вручает мне тест, после чего тащу себя наверх, чтобы сесть рядом с Лэти. Парень осматривает меня, и я вижу, как вопросы, которые он просто умирает от желания задать, крутятся в его золотисто-карих глазах.

— Позже расскажу, — шепчу я, после чего сажусь и приступаю к работе. Тест совершенно убийственный — именно поэтому я едва не выпрыгиваю со своего места, когда Адам один из первых встает, чтобы сдать его. Мне хочется проплыть над студентами, сидящими впереди, чтобы остановить его. Я хочу крикнуть Адаму, чтобы он проверил и перепроверил, и переперепроверил свои ответы. Но затем его тест оказывается в руках Д-ра Пуллмена, и он выходит из аудитории.

Боже, надеюсь, он сдал. Для него же лучше сдать, иначе я убью его, а затем оживлю лишь для того, чтобы вновь убить.

К тому моменту, как заканчиваю тест, я чувствую себя истощенной — эмоционально, физически, интеллектуально. У меня есть желание прогулять риторику и пойти вздремнуть в общежитие Ди, но у меня есть предчувствие, что она убьет меня, если я с ней не увижусь и не расскажу подробности прошедших выходных. Я очнусь подвешенной на пожарной лестнице, а подруга будет стоять рядом со мной со скрещенными руками и кочергой.

Когда я встаю, чтобы спуститься вниз по аудитории, Лэти тоже поднимается со своего места, так что могу сказать, что он ждал, когда я встану. Мы отдаем Д-ру Пуллмену наши тесты, после чего находим свободную скамейку в холле. Я сажусь, вытягиваю ноги и опираюсь головой о белую холодную бетонную стену позади.

— Тест был жестоким.

Лэти сидит со скрещенными ногами, всем телом придвинувшись ко мне.

— Сладенькая, я должен спросить...

Я открываю глаза, чтобы взглянуть на него, а он дергает меня за рукав.

— Это вообще твоя футболка?

Осматриваю безразмерную футболку, поглотившую моё тело.

— Адама.

— Ммм, — задумывается Лэти, потирая подбородок, после чего касается пальцем моего носа.

— И почему же на тебе футболка Адама, скажи на милость?

— Это прозвучит действительно плохо...

Он терпеливо ждет, несмотря на то, что его руки неуклюже свисают набок, словно он хочет вытрясти из меня признание.

— У меня не было чистой одежды, чтобы переодеться, когда я уходила из его дома этим

утром...

Так как я взяла с собой чистой одежды ровно на выходные, Адам настоял на том, чтобы я надела его футболку на ночь, а этим утром мне едва хватило времени, чтобы натянуть пару грязных джинс, не говоря уже о том, чтобы сменить футболку.

У Лэти отвисла челюсть.

Я начинаю смеяться, после чего произношу:

— Я всего лишь переночевала у него. Мы ничего такого не делали. Боже, Лэти, ты столько всего пропустил.

Я рассказываю ему о поездке, затем о том, как застучала Брейди, опуская мысли о его убийстве, которые сейчас идут рука об руку с воспоминанием его лица. К тому моменту, как заканчиваю, у меня появляется такое чувство, словно я пересказала какую-то мыльную оперу. Крайне нереалистичную.

— погоди, дай разобраться, — произносит Лэти. — Адам даже не рассердился на тебя за то, что ты лгала ему, после чего *поцеловал* тебя, а ты отшила его?

— Не сразу... но да.

Лэти качает головой.

— О нашей дружбе больше и речи быть не может. Один ангелочек потерял свои крылышки и *погиб* из-за тебя.

Я игриво закатываю глаза и шлепаю его по колену.

— Не будь королевой драмы.

Однако назойливое чувство, что я упустила свой шанс, вновь возвращается.

— Думаешь, я неправильно поступила?

Лэти достает жвачку из кармана и кладет одну в рот, после чего предлагает мне одну. Я беру две.

— Уверен, что не имею ни малейшего понятия, убийца ангелочков. Думаю, то, что правильно для меня, не может быть правильным для тебя... Он тебе нравится?

Я смотрю на свои шлепанцы и жую губу до тех пор, пока больше не могу сдерживаться.

— Он *очень* мне нравится, — в конце концов признаюсь я. — Серьёзно, Лэти. Он, он такой... — вздыхаю. Он — Адам. Он *такой* Адам.

— Полагаю, именно поэтому ты не позволила ему зайти дальше...

Я уставилась на Лэти в недоумении.

— Да?

— Адам — сердцеед. А твоё сердце уже достаточно разбито.

Предоставляю Лэти возможность попасть в яблочко. Я обвиваю его шею руками, крепко прижимаюсь к нему и вдыхаю аромат. От парня всегда пахнет мятным мороженым с шоколадной крошкой, и он всегда точно знает, что я чувствую.

— Спасибо, Лэти.

— За что?

Я выпускаю его из своих объятий и улыбаюсь.

— За то, что ты всегда рядом.

Он улыбается односторонней улыбкой и спрашивает:

— Ты уже рассказала Ди?

Только от мысли об этом я покрываюсь мурашками.

— Нет ещё.

— А собираешься?

Если бы всё было так просто. Ненавижу что-то скрывать от Ди, но в последнее время чувствую, что должна. И это отстой. Отстойно, что я должна хранить секреты от своей лучшей подруги, потому что иначе она вихрем ворвется в мою жизнь и сделает всё ещё более безумным.

— Да... только пока что не уверена, когда и как, так что ничего не говори ей, ладно?

После того, как Лэти даёт обет молчания, он отправляется на следующее занятие, а я безнадежно пытаюсь расчесать пальцами волосы в туалете. У меня получается сделать только хуже, после чего сдаюсь и закидываю рюкзак на плечо. Выйдя на улицу, прикрываю глаза от ослепительно-яркого осеннего солнца и слышу, как кто-то зовет меня.

Ди?

Подруга там, сидит на скамейке и машет мне рукой, и сидит она с... О Боже.

Прошлой ночью я позвонила ей, чтобы сказать, что в обозримом будущем буду жить у Адама, но была так пьяна, что и половины сказанного не помню. Она, должно быть, как чертов сталкер, ждала у аудитории. Я должна была *знать*, что Ди так поступит. Делаю глубокий вдох и подхожу.

— Привет.

Адам не двигается, чтобы освободить для меня место. Вместо этого он притягивает меня к себе между колен и обнимает за ноги. Ди улыбается, как лиса — злая лиса с хищными идеями.

— Что же, я решила, что нам с Адамом пришло время познакомиться. Теперь мы не разлей вода.

Я вопросительно смотрю на Адама, но он лишь улыбается в ответ.

— Он сказал мне, что вы, ребята, собираетесь выпить кофе, — продолжает Ди.

— Собираемся?

Адам кивает.

— Ты сказала, что после теста угостишь меня кофе.

— И, — перебивает Ди, — он предложил мне пойти с вами.

— Предложил?

Невидимые рога прорастают из её длинных каштановых локонов, сбивая нимб с головы.

— Предложил.

По дороге в кофейню кампуса Адам приобнимает меня за плечи, а Ди с пристрастием допрашивает о том, что вчера произошло у Брейди. Всё ещё не могу поверить, что он *снова* был с той шлюхой. Что случилось с воздержанием до свадьбы? Нет, ну серьезно. Чертовски серьезно.

Ди занимает нам очередь и поворачивается, тыча в меня пальцем.

— Всё ещё не могу ПОВЕРИТЬ, что ты вернулась к нему! Честно, Роуэн, о чём ты думала?

Она подходит к стойке, заказывает фраппучино, после чего поворачивается ко мне и продолжает, словно и не прекращала говорить:

— Этот чувак — ХУДШИЙ из людей. Я определенно собираюсь пойти к нему и что-нибудь расхерачить! И мне плевать — пойдешь ты со мной или нет!

— Ни в чём себе не отказывай, — пожимаю я плечами, тем самым удивляя Ди и вызывая её улыбку.

— НАКОНЕЦ-ТО! — она заключает моё лицо в свои руки. — СПАСИБО.

Адам усмехается, заказывая себе напиток, и интересуется, чего я желаю. Я заказываю

холодный мокко, после чего мы занимаем столик. Он отодвигает для меня стул и присаживается рядом.

— Я так понимаю, тебе нужно перевезти кое-какие вещи к Адаму? — спрашивает Ди, глядя на нас так, словно уже планирует цвет нашей свадьбы и тематику вечеринки к рождению ребенка.

— Ей нужно забрать *все* вещи, — поправляет Адам, от чего её улыбка становится ещё шире. — Я попрошу ребят помочь.

Я предостерегающе смотрю на подругу, но она игнорирует это, задумчиво постукивая пальцем по столу.

— Мне очень нравится твоя футболка, — произносит она с дьявольским огоньком в глазах. — Новая?

Окидываю её еще одним предостерегающим взглядом и отвечаю:

— Это футболка Адама.

— Хм, — мычит она, пытаясь сдержать озорную ямочку, норовящую появиться на её щеке.

— Мы просто друзья, Ди, — мой тон ровный, потому что мне *совершенно* не весело.

— Какая жалость, — дуетса она. — Его одежда так хорошо смотрится на тебе, — Ди переключает свое внимание на Адама. — Тебе так не кажется, Адам?

Мертвая. Она. Чертовски. Мертвая.

Я бросаю на Адама извиняющийся взгляд, он лишь игриво ухмыляется в ответ и говорит Ди:

— Я считаю, что она сексуальна, как ад.

Он встает, чтобы забрать наши напитки, и как только оказывается вне пределов слышимости, Ди практически забирается на стол и хватает меня за руки.

— **ВЫХОДИ ЗА НЕГО ЗАМУЖ.** Боже мой, нарожайте красивых детишек!

Я качаю головой, молясь, чтобы мои пылающие щеки перестали менять цвет, как маниакально-депрессивное кольцо-определитель настроения.

— Ты сумасшедшая.

— Это **ТЫ** сумасшедшая! Как тебе вообще удалось не переспать с ним?! Он на тебя запал!

Я ничего не отвечаю.

— Погоди-ка, ты **ПЕРЕСПАЛА** с ним?!

Отрицательно качаю головой, когда Адам медленно подходит к нашему столику. Он ставит напитки на стол и переводит взгляд с меня на Ди, пока мы пытаемся (и проваливаемся) сделать вид, что только что говорили не о нём.

— Мне нужно ещё пойти погулять? — интересуется он с подозрительным блеском в глазах.

— А ты пойдешь? — Ди улыбается ему сладчайшей из своих улыбок.

— Конечно, — отвечает Адам, хватая свой напиток со стола, — покурю между делом.

Сначала он преподает моему бывшему урок, а теперь сам предлагает оставить меня с лучшей подругой наедине, чтобы мы, как глупые школьницы, могли посплетничать о нём? Боже, он идеален. Я была в корне права, если думала, что парень не может быть *более* идеальным.

Когда Адам уходит, Ди впадает в экстаз, положив подбородок на ладони, и позволяет себе провести Адама взглядом своих огромных карих глаз до двери.

— Думаю, я влюбилась.

— Как и любая другая девушка, с которой он хоть раз заговорил.

Она резко переводит на меня взгляд, обвинительно тыча пальцем.

— Включая ТЕБЯ.

Я пожимаю плечами.

— В любом случае, нет, мы не переспали, — отвечаю на её предыдущий вопрос.

— НО?

— Адам пытался... Он поцеловал меня, но я отказала ему.

Ди в течение минуты шокировано смотрит на меня, после чего протяжно вздыхает.

— Роуэн...

— Да?

— Почему?

— Он бы разбил мне сердце, Ди. Так же, как и Брейди. Брось, ты и сама это знаешь. На этих выходных он практически переспал с *Мишель Хоторн*.

— Из школы?!

— Да! — радуюсь я тому, что это имя вызывает у неё такое же отвращение, как и у меня. — У них был концерт в Фейрвью, и она ходила за ним по пятам! По всей видимости, они переспали пару месяцев назад.

— ФУ, — кричит Ди с перекошенным от отвращения лицом. Она уставилась на свой напиток так, словно смотрит в высоком разрешении видео чего-то, что я не хочу представлять. — Фууу.

— Именно.

Я снимаю крышку со своего мокко, чтобы в первую очередь съесть взбитые сливки.

— Она такая мерзкая стерва со шлющечьим лицом. Ты в курсе, что она переспала с обоими близнецами Хейзелтон?!

— Как и ты! — смеюсь я.

Соломинка прекращает вращаться в её напитке, когда Ди останавливается и морщит нос.

— Я?

— Да! Ты переспала с Генри в одиннадцатом классе на вечеринке в честь Хэллоуина у Бета Миллера, а с Хойтом — следующим летом на озере Лорел.

Она наклоняет голову в сторону, явно не в силах вспомнить.

— Ты уверена?

— Абсолютно! Ты ещё сказала, что это довольно странно, что Хойт был тихим близнецом, так как в постели он был намного громче.

— О! Точно! Боже мой, он был таким ГРОМКИМ.

Я смеюсь, вспоминая, как Ди пародировала издаваемые парнем звуки. Образы гориллы и Хойта в её исполнении были практически идентичны, за исключением разве что почесываний подмышек и воображаемого поедания блох.

— Всё равно! — произносит Ди с выражением крайнего отвращения на лице. — Мишель Хоторн, тьфу! Почему Адам интересуется *такой* девушкой?

— Потому что он — самый настоящий бабник, — небрежно замечаю я, закрывая крышкой мокко. — Ты считаешь Брейди плохим? Он Адаму и в подметки не годится.

— Но Адам не встречается с тобой на протяжении трёх лет... Это не то же самое.

— В любом случае, он не заинтересован в отношениях.

— А если бы был?

— Тем не менее, нет.

Ди ворчит на меня, после чего добавляет:

— Так почему бы тебе просто не повеселиться с ним? Как друзья с привилегиями?

— Ты можешь себе представить, чтобы я так поступала?

Я останавливаюсь, чтобы сделать глоток мокко, пока она обдумывает.

— Я бы привязалась к нему, после чего всё это стало бы слишком странным, и нам пришлось бы перестать общаться. Я бы предпочла оставить всё, как есть. Нам очень весело вместе. Он крут.

Ди кивает.

— Он кажется довольно классным... — она пожимает плечами, помешивая фраппучино. — Чертовски обидно. Он хорошо целуется?

Я хихикаю и заливаюсь краской.

— А ты как думаешь?

Она стонет.

— Думаю, мне нужно было выбрать курс французского в школе.

То, что происходит дальше, можно описать лишь как «Пытка в Кофейне». Ди не знает пощады — она, словно «железная дева», вырезает из меня каждую деталь, и лишь один секрет мне удастся сдержать за зубами. Я рассказала подруге о том, как Адам пробрался ко мне в постель в автобусе и поцеловал моё плечо. Также рассказала о том, как мы с ним целовались у «Эмили». Но я всё ещё не могу поведать ей о том, как полтора месяца назад целовалась с ним в Maуhem. Слишком много времени прошло. Она убьёт меня за то, что я не рассказала ей об этом раньше. А эта кофейня просто *переполнена* потенциальным оружием: пластиковые вилки, обжигающе-горячее молоко, острые металлические краны с сиропом. К моменту возвращения Адама в кофейню, я потираю правый глаз, пытаюсь избавиться от фантомной боли, которая пустила там корни в ожидании того, как соломинка Ди застрянет в нём, если я осмелюсь заикнуться о первом поцелуе с Адамом в гастрольном автобусе.

— Ну что, вы двое уже закончили обсуждать то, как классно я целуюсь? — дразнится он, присаживаясь рядом со мной.

Я, разинув рот, уставилась на него, борясь с желанием нырнуть под стол, чтобы проверить наличие жучков, ибо, КАК, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, ОН УЗНАЛ ОБ ЭТОМ?!

Он смеется, видя моё потрясенное выражение лица.

— Ух ты, вы говорили о том, как классно я целуюсь!

Он смотрит на Ди, чьё идентично шокированное выражение лица ничего не скрывает, после чего вновь переводит взгляд на меня.

— По шкале от одного до десяти?

— *Так или иначе*, — игнорирую его, отчаянно пытаюсь привести Ди в чувство, сменив тему разговора, — в действительности я тусовалась с ним лишь ради бесплатного пропуска за кулисы. Я взяла один для тебя на следующую субботу.

Она смеется и допивает фраппучино.

— Да, в этом есть смысл. Особенно, если учесть, как ужасно он целуется по твоим словам.

— Чушь собачья! — протестует Адам.

Я пожимаю плечами.

— Ты не можешь быть хорош во всем.

Он поворачивается на стуле ко мне лицом, прижимаясь коленями к моей ноге. Одна рука покоится на спинке моего стула, а другая — на столе передо мной.

— Позволь мне попробовать ещё раз, — настаивает Адам, и моя кровь каким-то образом умудряется гореть и стыннуть одновременно.

Ди с силой пинает меня под столом.

— Позволь ему попробовать ещё раз!

— Ай! — вскрикиваю я. — Какого чёрта, Ди! — поднимаю ногу, чтобы унять пульсирующую боль, и ругаюсь. — Ты ударила меня прямым в кость!

— Прости! Но ты слышала, что он сказал?

— Он пошутил!

Она напряженно смотрит на невинно улыбающегося Адама, чьи пальцы барабнят по столу.

— Он не выглядит так, словно шутил...

— Но он шутил, — утверждаю я, несмотря на то, что Ди права — Адам действительно был серьезен.

— Ты пошутил? — прямо спрашивает его Ди.

Он мило улыбается и, не говоря ни слова, пожимает плечами. Адам не сводит с меня глаз, и я чувствую, как жар ползет вверх по моей шее.

Я поднимаю взгляд на часы, висящие на стене, и словно небеса расступились передо мной, чтобы позволить мне это маленькое чудо.

— Ди, — улыбка расползается по моему лицу, — разве у тебя нет занятия прямо сейчас?

Она следит за моим взглядом и ругается, хватая свою сумку с соседнего стула и тычет в меня своим длинным розовым ногтем.

— Ненавижу тебя! Позвони мне позже!

С этими словами она пронесется через кофейню и, словно сумасбродный штатенистый циклон (коим она и является), выскакивает за дверь.

— Она чокнутая, — бормочу про себя. Не могу поверить, что Ди пыталась заставить Адама поцеловать меня менее, чем через пять долбанных минут после того, как я объяснила ей, почему это плохая идея.

— Она догадливая, — отвечает Адам.

Я смотрю на него, ожидая увидеть ту глуповатую «я прикалываюсь над тобой» ухмылку. Но он смотрит на меня с непроницаемым выражением лица.

— Ты должна позволить мне попробовать ещё раз, — на полном серьезе произносит он.

Проглотив жесткий ком, застрявший в горле, мне удастся пробормотать:

— Я думала, мы решили быть друзьями...

— Да, решили. Но разве я не могу ещё раз поцеловать тебя?

Я качаю головой.

— Даже один разочек? — произносит он, облизывая губы. — Просто чтобы доказать самому себе?

— Поверь мне, — сползаю со стула, чтобы выбросить пустой стаканчик, отчаянно нуждаясь в свободном пространстве, — тебе не нужно это доказывать.

Когда я оглядываюсь на Адама, он пристально смотрит на меня в ожидании объяснений.

— Я помню, — признаюсь. — Во всех красках.

— И?

— И скажу тебе свою оценку, если ты пообещаешь больше не поднимать эту тему.

— Я не даю обещаний, — качает головой Адам.

Я пожимаю плечами.

— В таком случае, я не даю оценок.

Я направляюсь к выходу, и он поспешно следует за мной.

Глава 23

Тем же вечером, пока Адам, Шон и Джоэль выгружают горы сумок, заполненных моими вещами, из багажника Camaro, я задаю им тот же вопрос, который уже миллион раз задала Адаму с тех пор, как он сказал, что я могу остановиться у него.

— Вы точно *уверены*, что всё нормально?

— Шутишь? — спрашивает Джоэль, перекидывая одну из увесистых черных сумок через плечо и держа ещё две сумки в руке. К тому моменту как он захлопывает багажник, в нём не остается ничего, что я могла бы взять.

— Это же, — посмеивается он, пока мы идем через парковку, — лучшее, что могло произойти. Ты же понимаешь, насколько это здорово, да?

Адам пинает Джоэля в подошву кроссовка, когда тот делает шаг.

— Заткнись, Джоэль.

Джоэль спотыкается, тихонько хихикая. Лучи вечернего солнца отражаются от светлого, жесткого ирокеза на его голове, от чего он выглядит совершенно убийственно.

— Прости, чувак, но, брось! Это же...

Адам вновь ударяет его по ноге, но на этот раз сильнее, Джоэль подается вперед, с трудом удерживая равновесие.

— Козёл! — выкрикивает он, всё ещё смеясь, и убегает вперед, чтобы быть вне досягаемости ног Адама. Тот ухмыляется, потихоньку отставая.

Мне на самом деле интересно, что имел в виду Джоэль, но, похоже, что он наконец-то понял намек и решил помолчать. Я бросаю вопросительный взгляд на Шона, несущего четыре сумки, и он замечает это.

— Мы не против, чтобы ты жила с нами, — уверяет он. Но это не то, что я хотела узнать.

— Почему это «лучшее, что могло произойти»?

Адам закатывает глаза.

— Он просто чушь несет. Да, Джоэль?

Джоэль смеется и открывает дверь, придерживая ее для нас.

— Как скажешь, Адам.

В квартире я следую за ребятами по коридору в спальню Адама. Они забрасывают мои вещи на черное одеяло, которое всё ещё наполовину свисает с кровати после нашей безумной спешки этим утром. Стены в комнате совершенно белые, местами крест-накрест наклеен синий малярный скотч, а свободное пространство между линиями заполнено текстами песен — сотни строк, написанных ярко-синим маркером. Шторы на окнах черные, но прозрачные, а единственная мебель в комнате, кроме его кровати, — небольшой комод и угловой стол. Комод, стол и даже пол усыпаны стопками блокнотов, которые, не сомневаюсь, исписаны от корки до корки. В комнате полнейший беспорядок, но он прекрасен, ибо каждая его частичка — Адам.

Когда Шон и Джоэль уходят в гостиную, Адам остается со мной и тут же открывает

половину ящиков комода. Парень вытягивает оттуда одежду, распахивает ее по другим ящикам, после чего аккуратно закрывает их. Когда до меня доходит, что он делает, я тороплюсь остановить его.

— О, нет. В этом нет необходимости, — настаиваю я, приближаясь к нему. Чувствую себя слишком назойливой, мне хочется схватить его за руки и заставить прекратить расшибаться в лепешку ради меня.

— Я знаю, — отвечает он, подходит к своему шкафу и сдвигает вешалки, чтобы освободить место для моих вещей. Когда его не удовлетворяет количество освобожденного места, он снимает кучу вешалок с рубашками и бросает их на пол у шкафа. После чего с улыбкой на лице поворачивается ко мне.

— Серьезно, Адам. У Ди мои вещи просто стояли в сумках на полу. Ты же видел.

— И что? Здесь будет гораздо лучше.

Я делаю глубокий вдох.

— Слушай... Я очень ценю то, что ты делаешь для меня, но серьезно, ты не должен этого делать. На самом деле я не хочу, чтобы ты считал себя обязанным принимать меня или что-то в этом роде. То есть мы не так долго знаем друг друга для этого, и я не хочу быть обузой, хоть и знаю, что мне больше некуда пойти, но тем не менее, не хочу, чтобы ты себя чувствовал...

— Эй, — перебивает Адам, когда я едва не рву волосы на голове, — мы друзья, верно?

— Да, — отвечаю я, опасливо глядя на всё ещё открытые пустые ящики.

— А друзья помогают друг другу, верно?

Вынуждаю себя взглянуть ему в глаза.

— Да, но...

— Отлично, я хочу, чтобы ты жила со мной, — перебивает он, тепло улыбаясь. — И... ты должна помочь мне.

Я смеюсь и качаю головой.

— Я должна помочь тебе?

Он кивает, глуповатая улыбка расплывается на его лице.

— Знаешь, у меня, скорее всего, не получится вернуться в строй на оставшуюся часть семестра... верно?

— Ага.

— Это немало времени...

— Не так уж и много.

— Ты устанешь от меня.

— Ты устанешь от меня задолго до того, как я устану от тебя.

— Мы только познакомились.

— Мы уже два месяца знакомы.

— Ты сумасшедшая.

Адам сверкает своей жемчужно-белой улыбкой, и внезапно этого становится достаточно, чтобы убедить меня оставаться с ним столько, сколько он позволит. Я благодарю парня, и он обнимает меня, от чего все мои внутренности начинают плавиться, после чего уходит в гостиную, чтобы я могла закончить распаковывать вещи.

Когда Адам уходит, вместе с ним уходит чувство теплоты, и внезапно мне вновь становится до чертиков страшно. Я что, серьезно переезжаю к парню, с которым не встречаюсь, которого знаю меньше недели и который по чистой случайности оказался

Адамом, черт возьми, Эверестом?

Я, скрепя сердце, заполняю его ящики своей одеждой. Складывать бюстгалтеры и трусики в его комод кажется сверх странным. Уставившись на белые стринги, лежащие на вершине кучи трусов в моем новом бельевом ящике, я практически на грани того, чтобы изменить свое решение. Я поспешно хватаю шелковую одежду и запихиваю на самое дно, прикрывая нижнее белье толстым слоем неинтересных носков.

Боже, это безумие! Мама едва ли одобрит это. По крайней мере, не думаю, что она... *Понравится* ли ей Адам? Папа... о Боже, папа, папа! Я на самом деле чувствую себя так, словно отправляю своих родителей в могилу?

— Ты в порядке? — тихо интересуется Шон, зайдя в комнату.

Я вздыхаю, чувствуя легкое головокружение и жар.

— Это странно, да? Пожалуйста, скажи мне, что я не единственная, кто считает это странным.

Шон присаживается на черное покрывало Адама, потирая колени руками.

— Это определенно странно.

— Спасибо! — я оборачиваюсь и начинаю вышагивать по комнате. — Адам ведет себя так, словно это *нормально*. Словно это не такое уж и важное событие, — тихо произношу я, после чего медленно закрываю дверь, нуждаясь в частной консультации самого здравомыслящего, из присутствующих здесь, человека.

— Ох, это важное событие, — подтверждает Шон. Он рассеянно уставился на стену, и я практически вижу, как крутятся шестеренки в его голове.

— Адам постоянно так делает? Наобум предлагает девушкам жить с ним?

Если это так, то, возможно, на самом деле всё не так уж и странно, как мне кажется. И тогда я, по крайней мере, смогу узнать у Шона, что произошло с теми девушками. Устал ли Адам от них? Выгнал ли?

Если он не всегда так поступает, то я, честно говоря, даже и не знаю, что с этим делать.

Шон отрицательно качает головой.

— Адам никогда не позволял девушке даже *на ночь* здесь остаться.

— Я ночевала здесь прошлой ночью...

— Я имею в виду до тебя, — исправляет он. — Адам никогда не позволял девушке остаться на ночь. *До тебя*.

Я некоторое время смотрю на него, пытаюсь осознать сказанное.

— Никогда?

— Никогда, — он закидывает ногу на кровать. — И теперь ты переезжаешь...

Когда дверь внезапно открывается, Адам смотрит на нас так, словно он мог чему-то помешать, а после интересуется, не сделал ли он это.

— Нет, — отвечаю я. — Просто...

Мне просто нужно было выудить информацию у твоего ближайшего друга. Не хочу доставлять неприятности Шону, но... мне нужно спросить.

— Адам, ты *никогда* прежде не позволял девушке оставаться здесь?

Он резко переводит взгляд на Шона, поднявшего руки в знак капитуляции.

— Прости, чувак. Роуэн спросила. Она вроде как паниковала.

Выражение лица Адама смягчается, когда он облокачивается на дверь.

— Ты паниковала?

Разве это не очевидно? Потому что *именно этим я и занимаюсь!*

— Я *не* паниковала.

Шон и Адам оба смотрят на меня, после чего Шон нервно произносит:

— Нет... ты паниковала. Я думал, ты собираешься вытоптать канавы в половицах.

Осознавая, что я всё ещё переминаюсь с ноги на ногу, вынуждаю себя прекратить вышагивать.

— Извини... Не хочу показаться неблагодарной или что-то в этом роде... но... — я вздыхаю и сажусь прямиком на пол. — Я не могу избавиться от чувства, словно пользуюсь твоей добротой.

И это только цветочки. Другая причина моего страха в том, что Адам вышвырнет мою задницу в ту же минуту, когда найдет кого-то другого, кто привлечет его внимание. Он словно пчела в ботаническом саду, а я — всего лишь крошечная ромашка среди клумбы роз. Единственный цветок, который не будет сорван.

Адам садится на пол передо мной.

— Шон, можешь оставить нас на минутку?

Когда Шон уходит, Адам небрежно поглаживает мои скрещенные ноги, чтобы немного расслабить.

— Персик... Я никогда не позволял девушке оставаться здесь, потому что прежде я никогда *не дружил* с девушками. Это пустяк. Я всё время разрешаю друзьям оставаться у меня.

— В твоей постели? — язвлю я.

Он издает короткий смешок.

— Нет, не в моей постели... Но, ладно тебе, неужто в моей постели тебе так плохо спалось? Она достаточно велика для нас двоих. Держу пари, ты даже не заметила мое присутствие.

— Брось, Адам... это странно.

Он хмурится и очаровательно наклоняет голову, от чего мне хочется томно вздохнуть.

— Почему это должно быть странно?

— А?

— Думаю, я не понимаю.

Он смотрит на свои колени, перебирая бахрому на потертостях, после чего вновь переводит взгляд на меня.

— Почему это странно? Если мы с тобой друзья, почему я не могу сделать что-то приятное для тебя? Если на самом деле я не нравлюсь тебе, Персик, просто признайся в этом.

— Адам... Я просто дурачилась...

Он качает головой и встает, чтобы держаться от меня на расстоянии, и в конце концов присаживается на край кровати.

— Нет. Знаешь, я много думал об этом. О том, почему ты так и не пришла за кулисы той ночью. Почему ты никогда не здоровалась со мной в аудитории. Почему лгала о том, кто ты, и не хотела, чтобы я узнал. Знаю, ты считаешь меня своего рода бабником или типа того, и я не отрицаю этого, но на самом деле это ничего не объясняет. Ведь ты сказала, что мы можем быть друзьями, так почему же ты не сказала мне об этом полтора месяца назад? Почему ты исчезла и *скрывалась*? А потом *лгала*?

— Я не думала, что это заботит тебя, — тихо произношу я. Чувствую себя идиоткой.

— Так вот, меня заботило.

— Прости меня, — присаживаюсь рядом с ним.

— Почему тебе так легко общаться с другим ребятами, но не со мной? Ты спокойно можешь играть всю ночь напролет в видеоигры с Майком. Танцевать с Джоэлем. У вас с Шоном какие-то понятные лишь вам двоих шуточки, словно вы всю жизнь были друзьями. Но когда я пытаюсь сделать что-то приятное для тебя, ты начинаешь нервничать по этому поводу.

— Я никогда не спала в одной постели с Майком, Джоэлем или Шоном, — отвечаю я.

— Тебя бы это так же сильно встревожило?

Нет... Потому что я просто не думаю о них так же, как о нём. Не то чтобы я думала об Адаме.

— Нет, но не потому, что ты мне не нравишься, — честно отвечаю я.

— Тогда почему?

Потому что ты нравишься мне гораздо больше, чем они, гораздо больше, чем должен.

— Я не хочу отвечать на этот вопрос...

Адам вздыхает и падает на кровать, свесив ноги у края.

— Адам? — произношу я спустя какое-то время.

Он издает какой-то звук, который я воспринимаю как «Да?».

Я приподнимаюсь, чтобы взглянуть на него, на его лохматые каштановые волосы и пронзительные глаза. Его руки расслабленно лежат под головой, от чего футболка задралась, обнажив узкую полоску кожи над поясом джинс.

— Ты мой любимчик... вот почему.

Глядя на меня так, словно он не до конца уверен в искренности моих слов, парень спрашивает:

— Я твой любимчик?

Преуменьшение века.

— Самую малость, — улыбаюсь ему.

Адам улыбается, а затем его лицо становится более серьезным. Он садится, внимательно глядя на меня.

— Как сильно я тебе нравлюсь?

Ох, это слишком, слишком тяжелый вопрос. Я уклоняюсь от ответа.

— Достаточно, чтобы не заставлять тебя спать на диване с Джоэлем в обмен на репетиторство.

Он смеется и спустя мгновение поднимается.

— Ты тоже нравишься мне, Персик... И я рад быть просто твоим другом. Так что перестань заикливаться на этом, ладно?

Я залезаю под одеяло и прижимаюсь щекой к подушке Адама, испытывая смешанные эмоции по поводу того, что он рад быть моим другом.

— Ладно.

Откатываюсь к стене, ожидая, что Адам уйдет, но вместо этого он снимает джинсы и ложится рядом, обнимая меня.

Не хочу особо акцентировать внимание на том, что скажу дальше, но мне слишком интересно узнать его ответ, чтобы остановиться.

— Друзья так не делают, Адам.

— Итак, мы друзья и мы так *делаем*, так что, похоже, в этот раз ты ошиблась.

Я хихикаю, после чего ещё крепче прижимаюсь к нему.

Глава 24

Каждую ночь в течение следующих полутора недель я засыпаю в объятиях Адама и каждое утро проваливаю элементарный тест на дружбу. Обычно я просыпаюсь до будильника и лежу, не имея оснований выбираться из постели. Я лежу с Адамом до тех пор, пока не позовет реальная жизнь, а после провожу остаток дня, пытаюсь убедить себя, что мое ежедневное нежелание покидать его постель ничего не значит.

Он подвозит меня в институт, сидит со мной на занятиях по французскому; все вечера мы проводим вместе, и... это бардак. Чёртов бардак.

Я понимаю это, и, тем не менее, этим пятничным утром мне всё равно тяжело выбраться из постели. Я лежу в его объятиях, пока вновь не засыпаю. Позже просыпаюсь, потому что Адам лежит поверх покрывала и всем своим весом прижимает меня к кровати. Он одет, и вода с его только что вымытых волос капает мне на лоб.

— Угадай что, — произносит он, его глаза искрятся от счастья.

Я стараюсь не позволить глуповатой улыбке расползтись по моему лицу.

— Что?

— Я получил А [*оценка «5» в переводе на русскую систему*] за тест по французскому.

Я шокировано таращу глаза. Мы готовились к экзамену, не покладая рук, но я никак не ожидала, что Адам добьется такого результата!

— Правда?

— Угум-с, — говорит он, улыбаясь во все 32. — Девяносто два процента.

Не задумываясь, хватаю лицо Адама руками, от чего его улыбка становится ещё шире.

— Адам! Боже мой, это потрясающе!

— Оценки отправили сегодня утром, — произносит он, смеясь из-за моих удушающих объятий. — Ты должна проверить свою. Спорим, я переплюнул тебя.

Конечно же, он не переплюнул меня, но я всё равно очень горжусь им, и Адам решает устроить вечеринку, чтобы отпраздновать. Позже вечером я сижу напротив него в круге на полу гостиной. Из динамиков льется тихая музыка, смешиваясь с едва слышимыми звуками игры, в которую погружены Майк и Мейси на другом конце комнаты. Остальные играют в «Кубок короля»[1].

Я рада, что Ди удалось притащить сюда Мейси, но мы едва ли помогаем ей расслабиться настолько, чтобы присоединиться к всеобщему веселью — напиваться с толпой рок-звезд явно вне ее зоны комфорта. Майк, кажется, заметил ее страх и вместо этого предложил Мейси поиграть с ним. Он сказал, что был счастлив просто заполучить оправдание, чтобы поиграть, утянув за собой девушку, но я знаю, что в действительности дело не только в этом: он милее, чем ему хочется казаться.

— Хорошо, — произносит Ди, перетасовывая карточную колоду, так как она охотно вызвалась быть первой, — как мне играть в эту игру?

Она сидит справа от меня, а Лэти — слева. Джоэль, Шон и Адам тоже играют. Вместе с двумя шалавами с первого этажа, которых взял на себя смелость пригласить Джоэль. Кайла и Зоуи. Из них двоих Кайла более смелая на язык. У нее длинные черные волосы, темно-голубые глаза и силиконовая грудь. Зои — хрупкая штучка со рваной прической и выкрашенными в блонд волосами. И судя по ее виду, она представляет собой фармацевтическую ценность диуретиков.

Шон дает Ди телефон, на котором открыт глоссарий с обозначением всех карт.

— Выбери карту и скажи нам, — наставляет он, а Ди, вытягивая свою первую карту,

одаривает его бессовестно кокетливой улыбкой.

— Итак, пятерка, — произносит она, — и это означает...

Звук шести громких хлопков по полу поражает меня, и я тоже хлопаю, после чего все ребята взрываются от смеха.

— Какого черта? — Ди раздраженно морщит нос.

— Последний, кто хлопнул по полу, пьет! — восклицает Джоэль. На нем темные джинсы и неоново-желтая футболка, которая подчеркивает его ирокез.

— Так нечестно! Я не знала правил! — Ди смотрит на меня в поисках поддержки, но я лишь пожимаю плечами. Раздраженно вздохнув, она поднимает свой стакан.

— Хорошо, но вы, ребята, засранцы.

Все ребята оценивающе улыбаются ей, но с таким телом, как у Ди, уверена, они бы улыбались ей точно так же, даже если бы подруга сказала, что она поклонница Сатаны, пожирающая детей на завтрак. С того момента, как она появилась здесь в облегающих узких джинсах и черном топе с открытой спиной, Джоэль не в силах отвести от неё глаз.

Мы по очереди берем карты и пьем, пока Кайла (также известная, как черноволосый шлюхопотамус, сидящий между Адамом и Шоном) не вытягивает «Я никогда» карту.

— О, ура! — восклицает она, садясь на колени и одергивая черную мини-юбку. Ей бы не пришлось так чертовски много бороться с ней, если бы она надела что-нибудь более практичное. К недовольству Ди, я по-прежнему одета в темно-синюю футболку и светло-серые леггинсы, которые Адам всё утро разрисовывал, пока мы свернулись калачиком на диване. Я сидела у подлокотника, а он — рядом со мной. Адам произвольно взял мои ноги, снял колпачок с синего маркера и спросил разрешения порисовать на мне. В тот момент, когда мои ноги растянулись на его джинсах, а его руки на моих бедрах, я хотела гораздо большего, чем рисования на мне, но ограничилась лишь молчаливым кивком.

— Ммм, — продолжает Кайла, постукивая пальцем по губам, явно пытаюсь привлечь к ним внимание, — я никогдааа...

Существует уйма вариантов, как она могла закончить это предложение. Я никогда не думала, читала книгу до конца, получала высший балл за предмет, держала ноги сдвинутыми больше пяти минут.

— Я никогда не занималась сексом втроем, — наконец-то она заканчивает предложение, лукаво улыбаясь Зоуи.

Я во второй раз не ведусь на ее «признание». Пылкий взгляд, которым девушка одаривает Адама, просто кричит о том, что у нее был секс втроем, и она уже предварительно «записана» на ещё один этим вечером. Ди незаметно пихает меня локтем, отвлекая от сердитого созерцания. Мои глаза подергиваются в слабой попытке помешать им сузиться до стреляющих лазером щелок.

— Конечно же, не участвовала, — произносит Лэти, и если я думала, что невозможно любить его сильнее, то я глубоко ошибалась.

Пронзительно-высоким голосом, который она, вероятно, считает милым, Кайла решительно настаивает, что у неё не было секса втроем, тогда как Адам, Шон, Джоэль и Зоуи пьют.

Я не удивлена, что в этот раз Адам пьет, но слегка ревную, что само по себе абсолютно бессмысленно. С чего бы мне ревновать Адама из-за секса втроем? Я ни в коей мере не заинтересована в этом. Но сама мысль о том, как он спит не с одной, а с двумя девушками одновременно... вызывает во мне желание оторвать его руку от карточной колоды и

потащить за собой в комнату, чтобы стереть из его памяти все прошлые и будущие тройнички, и всех девушек, которые не являются мною.

Это просто невероятно. Если бы Ди и Лэти на самом деле были хорошими друзьями, они бы сдали меня в психушку.

Адам вытягивает следующую карту, тогда как меня всё ещё терзают сомнения.

— Я мастер вопросов, — сообщает он нам, бросая бубновую королеву в «сброс». — Это означает, что я могу задать вам любой вопрос и, если вы ответите на него, вам придется выпить.

Он сразу же переводит взгляд на меня.

— Всё понятно?

Я пожимаю плечами, отказываясь попасться на его удочку. Он одобрительно улыбается мне, после чего обращает свое внимание на Кайлу.

— Как насчет тебя? Есть вопросы?

Его мягкий голос вызывает ее удовлетворенную улыбку, и она не задумываясь отвечает:

— Не-а.

Адам усмехается, тогда как большинство сидящих в круге смеются над Кайлой. Она заливается краской, когда осознает свою ошибку, после чего выпивает штрафную стопку. Когда она ставит свой стакан на пол, ее щеки всё ещё розовые, и Адам вознаграждает ее широкой, искренней улыбкой, тем самым вызывая мое негодование.

Кто-то действительно должен объяснить ему, что умственная отсталость это, черт возьми, *не мило*.

И уж давно не мило то, как она облизывает свои губы или играет с волосами. На протяжении последних пяти минут я мечтала о том, как держу ее и брею налысо, и не замечаю, как подходит моя очередь. Я нехотя переключаю свое внимание на колоду и вытягиваю еще одну «Я никогда» карту.

— Началось, — ерзает от нетерпения Ди.

В старшей школе всегда была одна вещь, которую я могла произнести, тем самым вынудив всех выпить — «Я никогда не занималась сексом». Но, честно говоря, это последнее, что я хочу, чтобы Адам и остальные ребята узнали обо мне. Мне не избежать бесконечных упреков — я стану ходячим, говорящим отщепенцем. Могу только представить, как они будут смотреть на меня, когда узнают.

Так много вещей, которые я никогда не делала, — мои варианты бесконечны. Я никогда не получала штраф за превышение скорости, никогда не списывала, никогда не пробиралась на закрытую территорию, никогда не купалась голышом. В конце концов я решаюсь:

— У меня никогда не было секса на одну ночь.

Я не стыжусь этого и ухмыляюсь, зная, что все выпьют штрафную.

Шон одобрительно кивает, а Адам в мнимом тосте поднимает свой стакан. Все (даже Лэти) пьют штрафную.

— Ты многое теряешь! — Зоуи обращается ко мне, но очевидно, что ее комментарий предназначен для Адама — дает ему знать, насколько она поддерживает секс на одну ночь. Я даже не пытаюсь скрыть то, как закатываю глаза. Кайла замечает это, но мне плевать. С момента начала игры она всё ближе и ближе придвигается к Адаму, и если в конце концов она окажется на его коленях, Богом клянусь, найду повод, чтобы облить ее пивом.

Когда снова подходит ее очередь, она вытягивает карту «Создатель правил», что означает, что она создаст новое правило.

— Хорошо, — Кайла перекидывает иссиня-черные волосы через плечо. — Как насчет... когда игрок вытягивает семерку, он должен поцеловать кого-нибудь из круга, — она нагло улыбается Адаму. — На их выбор.

Когда Зоуи хихикает, две шлюшки тайком улыбаются друг другу, и от этого мне по-настоящему хочется стукнуть их головами. Даже несмотря на то, что Джоэль пригласил их сюда, все мы знаем, кого они выберут, и это определенно не он. Семерка — карта, которая ещё ни разу не выпадала, так что они максимально увеличили свои шансы. Для таких пустоголовых аквариумных рыбок, они определенно умеют разрабатывать стратегию.

К несчастью для них, я вытаскиваю первую семерку. Пронзительный визг Ди выводит меня из состояния шока. Она хлопает в ладоши, а Лэти смотрит на меня с благоговейным блеском в глазах, словно я собираюсь раскрыть тайны Вселенной или что-то столь же эпичное.

— Будет интересно, — произносит Джоэль, поворачиваясь для лучшего обзора. Все взгляды обращены на меня.

Сперва я смотрю на Адама, потому что я плохой игрок и не контролирую свои побуждения. Он смотрит на меня в ответ, выражение его лица совершенно нечитаемое. Я быстро перевожу взгляд на пол и проклиная себя за то, что неприкрыто взглянула на него в ту секунду, когда увидела свою карту. Зная, что мне нужно скрыть свою оплошность, я поднимаю взгляд на Джоэля, а затем на Шона. Мой взгляд перемещается по кругу, пока не останавливается на Ди. Подруга предупреждающе округляет глаза, и это всё, что ей нужно сделать, чтобы я поняла, о чем она думает. Я практически слышу ее внутренний безумный монолог: *"Даже не смей делать то, о чем думаешь! Выбери Адама! Выбери его! Выбери его или я склею ваши губы, пока вы будете спать!"*

— Ди, — выбираю я, игнорируя ее немые угрозы, и поворачиваюсь к ней лицом. Она — мой единственный реальный вариант. Если я выберу Адама, он поймет, что нравится мне, и это всё разрушит. Если я выберу Джоэля или Шона, они *подумают*, что нравятся мне, и это будет весьма неловко. Ди — безопасный вариант, и не было сказано, каким должен быть поцелуй. Просто чмок и с этим покончено.

— ДА! — резко выкрикивает Джоэль, стуча по полу. — СЛАВА ТЕБЕ ГОСПОДИ!

— ПОДОЖДИТЕ! — кричит Майк из угла комнаты, где всё ещё играет с Мейси. — Секундочку!

Шон смеется.

— Майк, лучше поставь игру на паузу и иди сюда!

— Я не могу поставить ее на паузу! — его пальцы, словно сумасшедшие, летают по контроллеру, сияние телевизора освещает его безумное выражение лица. — Это не... я не могу... она не останавливается!

Ди наклоняется и шепчет так тихо, чтобы услышала только я:

— Что ты делаешь?! Просто выбери Адама!

Я качаю головой и отстраняюсь.

— Просто чмок, — произношу я достаточно громко, чтобы все услышали.

Ди вздыхает и нетерпеливо вытягивает губы, и, клянусь, Шон, Адам и Джоэли наклоняются к нам так, словно пытаются запомнить изгибы наших губ. Майк едва не спотыкается о собственные ноги, когда бежит, чтобы занять место в «первом ряду», на что я лишь качаю головой. Мужчины, они невыносимы.

— Ты готова? — спрашиваю Ди.

— Положись на меня, любимая.

Наши губы на мгновение касаются, и, клянусь, я слышу, как трещат сверчки, после чего раздаётся стон Джоэля.

— Что это, черт возьми, было? — возмущается он. — Это даже не поцелуй!

Не могу сдержать ухмылку, но он хмурится на нас так, словно мы украли его любимую детскую игрушку и разбили ее кувалдами.

— Это могло быть чертовски сексуально, — скулит он.

— Мы сделаем это! — Кайла ползет в сторону Зоуи, вынуждая Ди произнести то, о чем я думаю.

— Клянусь Богом, если вы сделаете это, меня стошнит.

— Поддерживаю, — добавляю я, и она улыбается мне.

Кайла и Зоуи игнорируют нас и целуются прямо перед лицом Адама. Всё это время Ди имитирует рвотные позывы, а я даже не могу смотреть. Не хочу видеть реакцию Адама, так что встаю и иду в коридор.

— Куда ты идешь? — окликает меня Лэти.

— В ванную!

Мне нужна минутка, чтобы взять себя в руки. Я закатываю глаза, глядя на свое отражение в зеркале. В чем, черт возьми, моя проблема? Он не мой парень или что-то в этом роде. Мы просто чертовы друзья! Друзья, которые спят вместе, обнимаются и практически всё свободное время проводят друг с другом... но, тем не менее, черт возьми, просто друзья. Потому что это именно то, чего я хотела и ХОЧУ! Мне нужно полностью овладеть тем, что я к нему чувствую. Что бы это ни было. И затем мне нужно бросить это чувство на землю, разбить, облить бензином и сжечь.

Я открываю дверь и начинаю идти обратно в сторону гостиной, взвизгивая, когда крепкие руки обнимают меня из-за спины.

Адам смеется.

— Тебе не весело?

— Конечно же весело, — лгу я, пока мы, как пингвины, передвигаемся по коридору.

— По тебе не видно.

Я вынужденно улыбаюсь ему через плечо.

— Возможно, я просто не такая веселая, как другие присутствующие здесь девушки.

Прискорбно, но, вероятно, факт.

Внезапно Адам поднимает меня, и я визжу. Он несет меня на кухню и сажает на столешницу. Шон, прислонившись к холодильнику, заказывает пиццу, а Ди сидит за барной стойкой, жуёт чипсы и изумленно смотрит на нас.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я Адама, когда он упирается руками по обе стороны от меня.

— Помнишь нашу маленькую игру в АЙХОП?

Как я могла забыть? Я предельно точно понимаю, о какой именно игре он говорит — о той, где мы притворялись парой, чтобы заставить девушек за другим столиком завидовать. Это было до того, как Адам узнал, кто я такая, когда он целовал уголок моего рта и довёл меня до полуобморочного состояния. Мое сердце трепещет при воспоминании.

— Да...

— Это было весело, не так ли? — его улыбка полна неприятностей. Догадываюсь, к чему он клонит.

— Ага...

Адам заправляет мои волосы за ухо, медленно наклоняется и прижимается к нему губами. Его голос тихий и мягкий, когда он произносит:

— Давай повеселимся.

Я не могу удержаться, чтобы не оглядываться на Кайлу и Зоуи, по-прежнему сидящих на полу вместе с Джоэлем и Лэти. Они притворяются, что не наблюдают за мной и Адамом, и проваливаются в этом точно так же, как Джоэль притворяется, что не пялится на Ди, и успешно проваливается в этом.

Когда Адам отстраняется, чтобы оценить мою реакцию, я удивляю себя (и его), обхватывая парня ногами. Я тяну Адама за шею, пока его ухо не оказывается на уровне с моим ртом. Знаю, что он поддерживает эту маленькую игру, но, держу пари, Кайла и Зоуи могут предложить ему гораздо большее.

— Уверен, что не хочешь секс втроем? — взволнованно спрашиваю я.

Адам смеется и отстраняется.

— Ты предлагаешь?

Я игриво шлепаю его в грудь, но он перехватывает мою руку и, не сводя с меня глаз, подносит запястье к своим устам и нежно целует. Интересно, чувствует ли он, как колотится мое сердце, потому что оно определенно норовит вырваться из моей груди.

Голос Ди напоминает мне, что она буквально сидит рядом со мной. Подруга застыла с отвисшей челюстью и чипсами в руке.

— Это круче, чем порно.

Я смущенно смеюсь, после чего Адам берет меня за руку, ведет к дивану и притягивает к себе на колени, пока Кайли и Зоуи открыто пялятся на нас.

В течение следующих двадцати минут он флиртует со мной, нежно водит пальцами по моей руке, сжимает колени, водит носом по моей шее и шепчет на ушко. Когда приносят пиццу, я чувствую чрезмерную благодарность появившейся возможности слезть с его колен и практически телепортируюсь на кухню. Последнее, что он сделал, — поцеловал меня в шею, и я действительно не думаю, что смогла бы вытерпеть что-то ещё. Я испытывала наисладчайшие муки ада.

После того, как все набили животы пиццей, мы занимаем наши места на полу и возобновляем игру. Джоэль вытягивает ещё одну «Создатель правил» карту и (так как он явно еще не оправился от нашего с Ди «непоцелуя») требует, чтобы все будущие поцелуи были непременно с языком и длились не менее десяти секунд. Я удивлена, что он не включил в правило облапывания в одежде, но не буду об этом заикаться. Последнее, чего я хочу, — подкидывать ему идеи, после которых Джоэль нарисует ещё одну карту «Создатель правил».

Каждый раз, когда подходит черед Кайлы или Зоуи тянуть карту, я параноидально боюсь, что они вытянут карту поцелуев и будут целоваться с Адамом прямо перед моим лицом. Это будет величайшая месть за представление, которое мы с Адамом разыграли перед тем, как доставили пиццу. Даже когда Ди оказывается той, кто вытягивает эту карту, я задерживаю дыхание, опасаясь, что она выберет Адама лишь для того, чтобы преподать мне урок.

К огромному разочарованию Шона и Джоэля, подруга выбирает Лэти, и они устраивают такое шоу, от которого у меня отвисает челюсть. Следующий, кто вытягивает карту поцелуев — Джоэль. Парень выбирает Ди, и теперь *она* остается с отвисшей челюстью.

Удерживая пальцем подбородок, она целует его, повергая остальных в оцепенелое молчание. После чего Джоэль, как в тумане, ползет обратно на свое место и не сводит глаз с моей лучшей подруги. Кайла и Зоуи не рады этому, а когда Ди замечает это, ее дьявольская улыбка становится ещё шире, и она с трудом сдерживает смех. Если бы я не была уверена, что Лэти и Мейси проведут её к машине, уверена, мне пришлось бы подкупить Майку, чтобы он стал ее телохранителем.

Мы продолжаем играть по кругу, ночь становится всё темнее, а колода карт — меньше и меньше, пока в конце концов не остается лишь одна карта.

Широкая улыбка появляется на лице Адама, когда он достает последнюю карту поцелуев, после чего потягивается и встает.

Он не смотрит на сидящих в круге, как это делала я, когда вытаскивала карту. Не знаю, потому ли, что Кайла и Зоуи гораздо сескуальнее меня или из-за моего глупого правила, что мы должны оставаться друзьями. Сейчас я страшно жалею, что сказала такую глупость. Последний раз, когда он целовал меня, я остановила его и настояла на том, что это никогда не должно повториться. Теперь же он выберет одну из этих девушек, которые практически заставили его сесть между ними, и я буду раздавлена.

Мое сердце сжимается, когда он останавливается позади Кайлы и кладет руку на ее голову. С тех пор, как я переехала к нему, он не был ни с одной девушкой на моих глазах, но часть меня всегда знала, что в конце концов это произойдет. Он поцелует ее, и мне придется использовать всю силу воли, чтобы не разреветься. Он не мой. И никогда не будет моим. Но даже если этой ночью Адам уйдет с ней, я знаю, что в любом случае он не будет ее. Едва ли.

Кайла ухмыляется и начинает подниматься, но Адам нажимает рукой на ее голову, тем самым заставляя плюхнуться обратно на задницу.

— Яблоко, — произносит он, и Шон усмехается.

Адам подходит к Шону и кладет руку на его голову, но тот так занят, улыбаясь мне, что даже не поднимает взгляда.

— Яблоко, — повторяет Адам, улыбаясь Шону.

Он подходит к Ди, кладет руку на ее голову, и я задерживаю дыхание. Ди сексуальна, наверное, даже сексуальнее Кайлы и Зоуи. Если Адам выберет ее, это совершенно выбьет почву из-под моих ног. Ради меня Ди откажется целоваться с ним, но от этого его выбор не станет менее болезненным для меня.

— Яблоко.

Адам подходит ко мне, и я ожидаю почувствовать его руку на голове, но этого так и не происходит. Все уставились на меня, и в конце концов я оборачиваюсь и обнаруживаю его, склонившегося ко мне. Мой взгляд встречается с его прекрасными глазами.

— Персик.

В горле образуется ком, а затем (потому что я — это я) я произношу нечто очень-очень глупое. Тоненьким голосочком спрашиваю:

— Что?

Адам ухмыляется и наклоняется ниже, прижимаясь губами к моему уху:

— Тебя выбрали.

— Если ты не хочешь делать этого, — доносится голос Кайлы, — можешь просто выпить.

Если до данного момента у меня возникали какие-то сомнения по поводу этого, то теперь я приняла твердое решение. Я поворачиваюсь и сажусь на колени, после чего

наклоняюсь вперед и обвиваю руками шею Адама. Однако мне не хватает смелости, чтобы притянуть парня к себе, так что мы просто сидим, а удовлетворенная улыбка изгибает его губы.

Секундой позже он медленно сокращает между нами расстояние, его мягкие губы нежно прижимаются к моим, разделяют их и сжигают, все до единой, нервные клетки моего мозга. Его поцелуй нежный и бархатистый, как и его язык, проникающий в мой рот. Не задумываясь, слегка посасываю его, и в следующую секунду Адам обнимает меня за талию, притягивая к себе. Всё остальное исчезает. Есть только он, его аромат и прикосновения.

— Десять, — издали доносится женский голос, но кого это волнует? Если, конечно, не горит дом, она, вероятно, должна заткнуться, а даже если и горит... она всё равно должна заткнуться.

— Десять! — повторяет она.

— Заткнись! — ругается Ди, и я наконец-то прерываю наш поцелуй и открываю глаза. Адам тоже открывает глаза, но затем притягивает меня и ещё раз нежно целует. Его губы ласкают мои. Раз. Два. Он наклоняется и шепчет мне на ухо так тихо, чтобы могла услышать только я:

— Нам нужно поговорить. Наедине.

Глава 25

Не знаю, кто из нас двоих поднимается первым, но в итоге мы с Адамом идем по коридору и... Боже, понятия не имею, почему следую за ним в его комнату, но игнорирую издевки со стороны ребят и просто позволяю ему отвести меня туда. Как только мы оказываемся внутри, он поворачивается и закрывает за мной дверь, поймав в ловушку.

— Ты хотела этого, — произносит Адам обвинительным тоном, но во взгляде застыл немой вопрос, а я слишком взволнована, чтобы отвечать на все незадаанные вопросы.

То, чего я хочу от Адама, гораздо больше, чем поцелуи. Я хочу миллион вещей, которые он никогда не сможет дать мне. Миллион вещей, которые он никогда никому не даст.

Его тлеющий взгляд застыл на моих губах, воспаляя их одним лишь пристальным взглядом.

— Скажи мне, что ты хотела этого.

Я взволнованно провожу пальцами по мягкому материалу его футболки и обвиваю руками шею. Смотрю на парня и притягиваю ближе к себе до тех пор, пока не начинаю дышать с ним одним воздухом, исходящим из его прекрасных полураскрытых губ.

Не могу произнести ни слова. Не могу сказать, чего желаю. Так что продолжаю то, на чем мы остановились.

Целую его.

Всего секунду Адам медлит, после чего с ещё большей, чем в гостиной, настойчивостью отвечает на мой поцелуй. Он сжимает мои бедра и поднимает меня, а я крепко обвиваю ногами его талию, пока парень несет меня на кровать.

Он не отпускает мои губы до тех пор, пока не сажает на матрас, и с легкостью снимает мою рубашку. Когда Адам снимает футболку, я дрожащими пальцами нахожу пуговку на его джинсах, расстегиваю и после этого расправляюсь с молнией. Адам утратил спокойствие, а я позволяю себе разглядывать его плоский живот, татуировки и нежно-бархатные губы. Он пленит меня своим взглядом, когда снимает джинсы и ложится на меня сверху.

Он целует меня так, словно нам не нужен воздух, и когда его язык подобным образом скользит между моими губами, я уверена, что действительно не нуждаюсь в воздухе. Адам

прижимает меня телом к черному мягкому одеялу, его пылающая огнем кожа накаляет воздух вокруг нас и воспламеняет меня. Я теряюсь в его аромате, поцелуях, руках. Он поднимает мою левую ногу и трется о тонкую ткань леггинсов; стон, вырвавшийся из моих уст, побуждает его сделать это снова. Я откидываю голову назад, и парень делает это вновь, припадая губами к моей шее, задавая мучительный ритм.

Его пальцы, словно языки пламени, скользят по моей коже, поднимаясь всё выше и выше, пока не достигают шелковистой ткани бюстгалтера. Тонкая ткань чрезвычайно мучительно ощущается на моем возбужденном соске, а когда Адам опытными пальцами щипает его, пламя преисподней поглощает меня. Весь кислород исчезает из комнаты, и когда я уверена, что вот-вот воспламенюсь, стук в дверь уничтожает момент.

— Адам, мы уходим!

— Пошел нахер, Джоэль! — рявкает Адам, и из меня вырывается беспричинный смешок.

Я здесь... с Адамом.

Я... и Адам.

Его взлохмаченные каштановые волосы обрамляют лицо, когда парень улыбается. Он садится рядом со мной и проскальзывает пальцем под пояс леггинсов, мучительно нежно выводя линии по моей чувствительной коже. Каждая клеточка моего тела настроена на его прикосновения в нетерпеливом ожидании большего.

— Почему ты не выбрала меня во время игры? — спрашивает он, изучая меня, пока я отчаянно пытаюсь придумать, что ответить, чтобы всё не разрушить.

— Потому что мы друзья, — незамедлительно аргументирую. И это не совсем ложь.

— Друзья не делают того, что я собираюсь сделать с тобой, Персик.

Рука Адама опускается ниже, скользит по моим влажным трусикам. Он выводит пальцами круги, от чего у меня перехватывает дыхание в тот же момент, когда вырывается стон.

— Это то, чего ты хотела? — спрашивает он.

— О Боже.

Адам кусает мочку уха, продолжая в мучительном темпе двигать пальцами.

— Это не ответ, Персик.

Я поворачиваюсь к нему лицом и всасываю его нижнюю губу, из-за чего на доли секунды ритм сбивается, но затем возобновляется, когда он пробирается пальцами в мои трусики и проскальзывает внутрь. Они скользят вверх, лаская чувствительное местечко, и я стону его имя или Божье, что, вероятно, должно быть одним и тем же. Зарываюсь пальцами в его волосы и целую так, как никогда никого не целовала.

— Адам, — выдыхаю я, и он углубляет поцелуй, прежде чем проскользнуть пальцем в меня. Я выгибаю спину и всасываю его язык. Удивленный и невероятно возбужденный полурыв-полустон вырывается из его груди.

Он отстраняется лишь для того, чтобы произнести в мой полуоткрытый рот:

— Скажи, что хочешь меня.

— Я хочу тебя, — стону. Никогда в своей жизни ничего так сильно не хотела.

— Скажи почему.

Я задыхаюсь, когда начинаю говорить:

— Потому что я...

Мои глаза распахиваются, когда осознаю, что хотела признаться Адаму в любви.

Его палец останавливается, и он осторожно отстраняется, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Что ты хотела сказать?

— Н-н... не знаю, — заикаюсь я.

Боже мой, я *люблю* его? Такое вообще возможно?! Мы всего две недели знакомы. Две, черт возьми, недели — что с таким же успехом можно сравнить с пятью минутами! Мой мозг проводит быстрое сравнение, что я чувствую к Адаму и что испытывала к Брейди, и с некоторой долей ужаса я понимаю, что люблю Адама *сильнее*. Две недели с Адамом, и боль от потери будет гораздо *сильнее*, чем от потери человека, которому я посвятила три года своей жизни.

Адам вытягивает руку из моих трусиков и долгое время молчаливо смотрит на меня, пока мое сердце колотится в груди. Я в ужасе от того, что он, вероятно, понял. В ужасе, что он напомнит мне, как сильно не хочет отношений сейчас или вообще когда-либо. Но затем Адам наклоняется обратно ко мне, и его губы в головокружительной спешке находят мои. Его поцелуи болезненные и настойчивые, а мои мысли затуманены страстью, когда дыхание парня касается моих губ.

— Скажи мне.

Когда я качаю головой, он целует меня в шею и скользит языком по ключичной ямочке.

— Скажи.

Мои пальцы сжимаются, а глаза закатываются от удовольствия. Рука Адама проскальзывает между матрасом и леггинсами, грубо сжимает мою задницу и притягивает ближе. Его возбуждение ударяется о мою нежную плоть, а я провожу языком по его уху.

— Пожалуйста, — умоляю я, нуждаясь в нем внутри меня. Я столько раз была так близка к тому, чтобы заполучить Адама, что, боюсь, развалюсь на части, если вновь откажусь от него.

Адам игнорирует мою мольбу, ведя дорожку из поцелуев от ключицы до кружевной отделки бюстгальтера, оттягивает чашечку вниз и целует влажными губами твердый сосок. Моя спина непроизвольно выгибается, вынуждая меня двигаться ему навстречу, и мы одновременно стонем. Воздух сгущается, а стены сжимаются до тех пор, пока не остается ничего, кроме наших с ним тел и капель пота, собирающихся на коже.

— Пожалуйста, — повторяю я, а Адам ласкает теплым языком второй сосок. Следы поцелуев всё ещё блестят на другой груди, где только что были губы Адама, а теперь терпят его пальцы.

Когда он отказывается дать мне желаемое, я проскальзываю ладонью между нами и провожу по его боксерам, вниз по его длине, прежде чем сомкнуть нетерпеливые пальцы вокруг него и медленно потянуть вверх. Наши тела так крепко прижаты друг к другу, что в конечном итоге я издеваюсь над собой в той же мере, что и над ним. Я накаляюсь до предела под воздействием силы собственного прикосновения.

Одной рукой я ласкаю его, а другой цепляюсь за волосы. Адам играет с моими сосками, а я наслаждаюсь каждым движением его языка, каждым щипком пальцев и касанием зуб. Я скулю от удовольствия и произношу его имя, когда он достает из ящика стола презерватив. Разрывает обертку и снимает боксеры, когда я торопливо избавляюсь от леггинсов и белья. Секунду спустя он опускается, согнув руки по обе стороны от меня, устраиваясь между моих ног.

Он в секунду от того, чтобы лишить меня девственности, и даже не знает об этом.

Во мне нарастает напряжение, и я практически засасываю свои губы, когда Адам

пытается укусить их. Он двигается вперед, медленно растягивая меня, чтобы я могла принять его, но я слишком тугая, и из-за волнения всё становится только хуже.

— Адам, — тяжело выдыхаю, отстраняясь от его губ. Это несправедливо по отношению к нему. Боже, я хочу его, но должна рассказать. Адам будет моим первым мужчиной, и это означает, что он будет что-то значить для меня, даже если не хочет этого.

Он тут же отступает и освобождает меня, а его лицо принимает крайне обеспокоенный вид.

— Что случилось?

— Я... — прикрываю глаза рукой. Мое лицо заливают краска смущения. Я должна рассказать ему, что никогда ни с кем не была. Он в любом случае должен узнать об этом.

Адам нежно берет меня за руку и убирает ее от моего лица.

— Мы не будем делать это, если ты не хочешь.

— Не в этом дело, — произношу я, закрывая глаза, так как не могу спокойно смотреть на него. — Я просто никогда не занималась этим.

Абсолютная тишина. Я даже не слышу, как он дышит. Когда вновь открываю глаза, он просто смотрит на меня так, словно видит впервые. Так, будто даже не знает меня.

— Ты шутишь...

— Нет, — отвечаю я, стыдливо качая головой. Ненавижу то, как Адам смотрит на меня. Никогда не хотела, чтобы он смотрел на меня так, словно мы незнакомы. Словно я лишь ещё одна из тысячи — наивная, неопытная, недостойная быть в его постели.

— Но ты жила с бывшим...

Я вскакиваю на кровати и судорожно хватаю рубашку, натягивая ее, пока Адам смотрит на меня.

— Мы никогда ничем не занимались. Ну, мы шалили... Не так, как мы *с тобой* только что, — я указываю на его член, обнаженное тело, пытаюсь отвести взгляд. — Но да... нет...

О Боже. Мне следует замолчать. Пожалуйста, Господи, позволь мне заткнуться.

— Ты девственница, — произносит Адам так, словно не может уложить это в своей голове.

Касаюсь босыми ногами пола и надеваю обратно леггинсы и белье, всё ещё держащиеся вместе.

— Да, Адам, я девственница.

— Куда ты? — спрашивает парень, когда я направляюсь к двери. Он в постели на коленях, его возбужденный член между ног умоляет меня вернуться в постель. Но учитывая то, как он только что смотрел на меня, сомневаюсь, что Адам хочет меня. Я не его Персик. Я просто какая-то маленькая, безразличная девочка — явно ему не пара.

— Мне нужно в ванную, — отвечаю я, после чего выхожу в коридор и закрываю за собой дверь.

Глава 26

Зайдя в ванную, опираюсь руками о раковину, проклиная себя за потраченные на Брейди подростковые годы, вместо того, чтобы распрощаться с девственностью на заднем сидении машины какого-то случайного парня, как это сделала Ди. Я не тот тип девушек, который нравится Адаму — независимо от того, как сильно я хочу и притворяюсь таковой. У меня никогда не было секса на одну ночь или секса втроем, ведь и то и другое требует не быть долбаной девственницей. Ему следовало бы позвать в комнату Кайлу или Зоуи, по крайней мере, они бы понимали, какого черта делают.

Поскольку я слишком смущена встретиться с кем-либо, кого могу обнаружить в гостиной (учитывая, что теперь все знают, какие я издаю звуки во время лучшего в моей жизни «почти-секса»), остаюсь в ванной, пока не засыпаю на полу и не просыпаюсь позже, когда кто-то поднимает меня с холодного кафеля.

— Что ты делаешь? — сонно спрашиваю я, обнимая руками чью-то шею. Зарываюсь лицом в футболку, и меня окутывает аромат Адама.

— Помимо того, что задаюсь вопросом, почему ты спишь на полу в ванной? — спрашивает он, а я вспоминаю, что произошло между нами.

Я молчу. Молчу, когда он кладет меня кровать, когда укрывает меня, и когда ложится рядом. Мы смотрим друг на друга, освещенные тусклым светом городских фонарей, просачивающимся сквозь черные прозрачные шторы. Я хотела бы притвориться спящей, но не могу. От парня невозможно отвести взгляд — он так прекрасен. Адам смотрит на меня так, как мечтают все девушки в мире, чтобы парни вроде него смотрели на них. Так, как я хотела, чтобы он смотрел на меня, прежде чем убежала в ванную.

Адам протягивает руку и играет с длинной прядью моих светлых волнистых волос, позволяя ей рассыпаться между пальцами, после чего встречается со мной взглядом:

— Что ты хотела сказать, когда я спросил, почему ты хочешь меня?

— Почему спрашиваешь?

— Потому что хочу знать.

— Я не помню.

Адам какое-то время изучает меня и произносит:

— Тогда спроси меня, почему я хочу тебя.

Его голос тихий и спокойный — полная противоположность моему. Он смотрит на меня так, словно я — нечто хрупкое, и разговаривает так, словно меня может сдуть его дыханием. Когда я не отвечаю, он заправляет выбившуюся прядь за ухо и нежно проводит пальцем по подбородку:

— Персик.... спроси меня.

Его ответ совершенно не может совпасть с моим, а я не хочу слышать что-либо менее существенное. Не от него. Так что вместо того, чтобы спросить, я наклоняюсь вперед, пока мои губы не оказываются на расстоянии вдоха, смотрю в глаза и шепчу:

— *Хочешь* меня?

Это не тот вопрос, который он попросил меня задать, но тот, на который мне нужен его ответ.

Я удивляю себя тем, что не дожидаясь его ответа. Притяжение его губ слишком сильное, чтобы сопротивляться, и в тот момент, когда он открывает рот, чтобы ответить мне, я сокращаю между нами расстояние. Осторожно перемещаюсь, проверяя его реакцию, и задыхаюсь, когда Адам обнимает меня и резко притягивает к себе. Удерживая меня за поясницу, исследует мои губы — нежно, мягко и страстно.

Он осторожно целует меня, слишком осторожно, так что я перекатываюсь на спину и тяну его за собой, вынуждая взять контроль в свои руки. Вместо этого парень отстраняется и смотрит неистовым взглядом, плавающим меня изнутри. Могу озвучить тысячу мыслей, крутящихся в его голове, и каждая, вероятно, кричит о том, что я девственница, так что я сажусь на кровати и медленно снимаю рубашку, бросаю ее на пол, после чего снимаю лифчик. Его я тоже бросаю на пол и ложусь на спину, позволяя голодному взгляду Адама изучать каждый дюйм моей разгоряченной кожи. Его пальцы нежно касаются ключиц, как

перышко скользят по груди, после чего охватывают ее.

Перекатывая между пальцами сосок, он наклоняется и снова целует меня — на этот раз не так бережно. Я стону, когда Адам коленом раздвигает мои ноги и устраивается между ними, усеивая поцелуями живот, опускаясь всё ниже и ниже. Добравшись до пояса леггинсов, он двумя руками медленно стягивает их. Затем ложится на живот между моих ног и проводит рукой по внутренней стороне бедра, наблюдая, как его палец трется о тонкую хлопковую ткань розовых трусиков, и они намокают. Адам продолжает мучить меня, даже когда его взгляд встречается с моим.

— Хочу кое-что тебе сделать.

Он подхватывает пальцем пояс моих кружевных трусиков и медленно стягивает их вниз, выставляя на обозрение мое обнаженное тело во внезапно ставшей слишком освещенной комнате. Я закрываю глаза, пытаюсь игнорировать прилив беспокойства, но затем Адам нежно разводит мои колени ещё шире, и следующее, что я чувствую, — его теплое дыхание на влажности между моих ног.

Я жду, пока не появляется чувство, что вот-вот сойду с ума. Опускаю на него взгляд, задаваясь вопросом, почему Адам бездействует.

И это было именно тем, чего он ждал.

Взгляд серо-зеленых глаз следит за моей реакцией, когда его язык медленно скользит между складочками и давит на клитор, соблазнительно пробуя на вкус, заставляя воздух хриплым стоном покинуть мои легкие. Мои мышцы то напрягаются, то расслабляются, пока не начинают дрожать колени, и Адам отстраняется, чтобы оставить нежные, влажные поцелуи на моем бедре.

Я стону и зажмуриваюсь, утопая в порыве экстаза и агонии одновременно. Я нуждаюсь в губах Адама на мне. Мне нужен его рот, руки и каждая частичка на мне и внутри каждой частички меня.

— Персик, — произносит он, требуя, чтобы я открыла глаза и вновь взглянула на него. — Ты знаешь, как долго я хотел сделать это?

Каждый раз, когда Адам нежно касается моей кожи губами, я чувствую, как расцветает мой бутон. Ощущаю прилив возбуждения, становясь влажной между ног, что Адам использует себе на руку, глубоко проскользнув в меня пальцем. Массируя нужную точку, он всасывает меня своими губами, смакуя кончиком языка. Ощущения настолько ошеломляют меня, что я инстинктивно тянусь к его голове, чтобы остановить его, но вместо того, чтобы оттолкнуть, я цепляюсь за его волосы и притягиваю к себе.

Я стону. Знаю, что стону, и если кто-то в этом доме всё ещё не спит (а теперь они наверняка не спят, даже если до этого было иначе), уверена, они слышат меня. Но, Боже, мне плевать. Важен только Адам и то, что он делает.

Он вытягивает палец, чтобы заменить его языком, всасывая клитор так, словно пытается растворить его в водовороте языка. Мое тело — словно натянутая до предела струна, которая в любой момент может лопнуть, а Адам, должно быть, способен ощутить это, потому что возвращает свой палец, поглощая меня ненасытным ртом. Он смотрит, как я наблюдаю за ним, и взгляда этих глаз достаточно, чтобы расщепить меня на части. В один момент я растекаюсь потоками лавы, борясь с напряжением, пока оно полностью не настигает меня. Кончая, отпускаю волосы Адама и хватаюсь за подушку под моей головой. Мои ноги дрожат, бедра подергиваются, и Адам вытягивает палец из меня, чтобы схватить за бедра с обеих сторон. Он прижимает меня к кровати и зарывается лицом между ног.

— Твою мать, Адам!

Тихий стон вырывается из его груди, пока он вкушает меня, и когда я больше не могу выдержать, хватаю за волосы и отстраняю его голову. Я поднимаюсь ему навстречу и целую, пока мое бешеное сердцебиение пульсирует между ног. Губы Адама прижимаются к моим, и мне приходится лечь обратно, после чего он устраивается между моих бедер, а я схожу с ума от желания при виде его стоящего члена.

— Возьми презерватив, — скулю я.

Он качает головой, усеивая мои губы легкими поцелуями.

— Почему нет?

Его серо-зеленые глаза находят мои, а затем он отстраняется, чтобы провести большим пальцем по моим припухшим от поцелуев губам.

— Не хочу, чтобы ты жалела об этом.

Вопросы, которые я хочу задать, утонули в его поцелуях, таких нежных и чутких, что спокойствие в моем животе превращается в бурлящий вихрь. Адам целует меня до тех пор, пока не расслабляются мои мышцы, и меня одолевает усталость. Затем ложится сбоку от меня, оставляя каждый дюйм моего тела абсолютно расслабленным и нуждающимся в нем. Он обнимает меня за талию и притягивает к себе, после чего зарывается носом в мои волосы и глубоко вдыхает.

Мое тело хочет спать, но в мыслях отдаются эхом его слова. *Не хочу, чтобы ты жалела об этом.* Почему он думает, что я буду жалеть? Он забудет мое имя, как и имена других девушек?

Неуверенная часть меня кричит: *«Конечно забудет! Он — Адам чёртов Эверест! А ты — Роуэн чёртова Никто! Даже Брейди не хотел тебя. Чего ещё ты ожидала?»*

Но другая часть меня (та, которая просто приняла всё, что он был готов дать мне, та, что едва не произнесла три слова, которые разрушили бы всё) удовлетворенно лежит в объятиях Адама, задаваясь вопросом, почему он держит меня так, словно никогда не отпустит.

Глава 27

Можешь забрать меня?

Утром, после моего эпично-неудачного «недосекса» с Адамом, отчаянно пытаюсь придумать план побега. Я проснулась в его объятиях, а он лежал, уткнувшись в мой затылок. Я так сильно волновалась насчет того, что теперь будет между нами, что вместо того, чтобы уснуть в единственном месте, где хотело быть мое сердце, почувствовала, как желудок сжался в комок, и меня едва не стошнило.

Ответ Ди последовал незамедлительно. Она достаточно хорошо знает меня, чтобы понимать, что я не стала бы просить, если бы действительно не нуждалась в ней. И сейчас она нужна мне больше, чем когда-либо.

Выезжаю.

Так как Адам и Шон всё ещё спят, а Джоэля нигде не видно, я сижу на диване, обгрызая до крови кутикулу, так как мои ногти уже давно канули в лету. Я безмолвно молюсь, чтобы Адам не проснулся и не нашел меня здесь, чтобы выяснить, почему я сбежала из постели, или почему использую свою лучшую подругу в качестве водителя для побега, или почему я практически умоляла его лишить меня девственности после того, как едва не призналась в любви.

Адам сделал мне одолжение. Он всё ещё хочет быть друзьями.

Друзья... Если, конечно, в свете нового дня он не поймет, что мы слишком далеки от

дружбы, и один из нас (тот, у которого никогда не было и нет желания иметь такого друга) никогда не сможет вернуться.

Мой палец кровит, а нога нервно подергивается, когда я слышу, как в замке поворачивается ключ, и Джоэль вваливается в комнату с моей совершенно взлохмаченной лучшей подругой. Ее каштановые волосы стянуты в неаккуратный конский хвост, а обычно тщательно уложенные светлые волосы Джоэля взлохмачены самым сексуальным «только что из постели» образом. Я удивленно поднимаю бровь, глядя на Ди, но она дергает меня с дивана, прежде чем мне удастся задать вопрос.

— Пойдем позавтракаем.

Мы уже практически вышли за дверь, когда Джоэль хватает ее за руку и притягивает к себе в непредназначенном-для-глаз-девушечки поцелуе, от которого в моих и так тесных туфлях сжимаются пальцы на ногах. Рука Ди порхает к его груди, и он обнимает ее. Я держусь за дверную ручку, потому что не собираюсь наблюдать за происходящим, если они переместят это шоу на диван. Придется стырить ключи Ди, ибо я ни за что на свете не останусь поблизости с Адамом, но это не так уж и сложно, если Джоэль будет отвлекать ее.

К счастью для меня, их губы расцепляются, и Ди оказывается такой же оцепеневшей, как и я.

— Я позвоню тебе, — произносит Джоэль. Его голос, словно тающий сахар.

Спустя секунду Ди приходит в себя и, ухмыляясь, отвечает:

— Я не давала тебе свой номер.

Она утешает его, легонько похлопав по груди, после чего мы покидаем квартиру.

Как только мы оказываемся в лифте, подруга хватает меня за плечи, изучая обеспокоенным взглядом.

— Что произошло прошлой ночью?

— Ты первая, — отвечаю я, пытаюсь выиграть немного времени. Я определенно не хочу слышать подробности того, чем она занималась прошлой ночью, но уж лучше мы обсудим это, чем катастрофу, произошедшую в спальне Адама.

Ди пытается сдержать улыбку, но у нее ничего не выходит. Она опускает руки и пожимает плечом, но затем проводит пальцем по губам, и могу сказать, что прошлая ночь была не такой посредственной, как пытается притвориться Ди.

— Джоэль поехал ко мне.

Так, шутки в сторону. Когда моя реакция ограничивается нахмуренным выражением лица, она произносит:

— Что?

— Джоэль не похож на других ребят, с которыми ты была, Ди...

Ребята, с которыми Ди была раньше, были готовы целовать землю, по которой она ходила. Она — коварная соблазнительница; как только они получают ее — постоянно будут хотеть большего. Ди получает удовольствие от их пристального внимания, а если этого не происходит, она делает всё возможное, чтобы добиться этого. Затем, как только подруга получает желаемое, они становятся ей неинтересны.

Проблема в том, что Джоэль не будет таким парнем. В его лице она встретила равного себе (правда, сомневаюсь, что догадывается об этом), и я понятия не имею, как Ди собирается справляться с этим, когда не является центром его Вселенной.

— Но и я не похожа на других девушек, с которыми *он был*, — отвечает она, уверенно ухмыляясь. Ее высокие каблуки цокают по полу вестибюля.

Мы идем по тихой парковке, и я останавливаюсь у пассажирской двери, глядя на Ди поверх лилово-фиолетовой крыши ее Civic.

— Ты же понимаешь, что в некотором роде он рок-звезда...

Рок-звезда, развратник, человек, который тащит всех шлюшек в дом. Забыватель имен, выбрасыватель телефонных номеров и, надеюсь, не тот парень, который сдетонирует драматическую бомбу моей лучшей подруги.

— Оу, он, несомненно, рок-звезда.

— Боже мой.

Я проскальзываю на переднее сидение, прежде чем из подруги и польются подробности её утех с моим диванным сожителем. Надеюсь, что Мейси удалось остаться с Лэти прошлой ночью, иначе бедная девочка будет травмирована на всю оставшуюся жизнь. Воспоминания о походе в выпускном классе, когда мне пришлось спать в одной палатке рядом с Ди и Мэтом Андерсоном, преследуют меня по сей день.

Ди смеется и присаживается рядом со мной. По дороге в АЙХОП я пытаюсь отвлечь себя от собственной потерпевшей крушение личной жизни, вместо этого беспокоясь о Ди. Я знаю, подруга права в том, что Джоэль никогда не был с такой девушкой, как она (потому что подобных Ди не существует), но не могу избавиться от тревожного чувства, когда думаю о них вместе.

— Если у вас с Джоэлем всё полетит к чертям, — предупреждаю я, после того как она закончила бранить меня за то, что я не предупредила её о проколе соски, о котором я никак не могла знать, — я не хочу быть втянутой в это, ладно?

Благодаря мне всё уже запуталось между мной и Адамом, и я не хочу, чтобы между мной и Джоэлем тоже испортились отношения. Если между ними всё закончится ядерной войной — знаю, меня зацепит взрывной волной.

Подруга усмехается мне.

— Каким образом всё может полететь к чертям?

Я не утруждаюсь отвечать, потому что в этом нет никакого смысла. Ди делает то, что хочет, и в данный момент она хочет плохого парня с ирокезом, проколотым соском и огромной славой, которую он не знает, как применить. Было бы бессмысленно пытаться остановить ее — и не то чтобы у меня больше не было, о чем беспокоиться.

Мы занимаем места в АЙХОП и делаем заказ, после чего Ди обхватывает пальцами стол и произносит:

— Ладно, пришло время выкладывать.

Я вздыхаю и потираю глаза, после чего наклоняюсь и концентрируюсь на царапинах на пластиковом столе.

— Адам доставил мне мой первый...

Я складываю пальцы в форме буквы О, и Ди ахает, возвращая мой взгляд к себе.

— У тебя был первый... БОЖЕ МОЙ. Ты всё ещё...

— ДА, — перебиваю ее, ссутулившись в кресле и нервно потирая висок. — То есть... я предлагала. Я хотела... но он отказал.

— Погоди-ка, он, — Ди поворачивает руку ладонью вверх и шевелит средним пальцем, от чего мое лицо практически плавится. — Или он, — она указывает пальцем вниз и опускает его под стол.

— И то, и другое, — отвечаю я, ее глаза в неверии расширяются.

— И после этого он *отказал тебе?*

Словно это было недостаточно унижительно, когда произошло, теперь мне ещё и говорить об этом приходится. Вслух. Со зрительным контактом. Я вздыхаю и роняю голову на подушку позади, предпочитая созерцать состаренный потолок, вместо полной растерянности в глазах Ди — словно ни один парень никогда не отказывал девушке после такого. Кроме случая, когда парень — Адам, а девушка — я.

— Да, — отвечаю. Отказал, разбил сердце — как хотите, так и называйте.

Ди берет меня за руку и тянет вперед, чтобы я вновь взглянула на неё.

— Расскажи мне всё.

Я прекращаю жевать внутреннюю сторону губы, чтобы умеренно детально рассказать, что произошло между мной и Адамом прошлой ночью, потому что надеюсь, что у нее есть все ответы, которых нет у меня.

Но у нее их нет.

— Ты действительно хотела дать ему? — спрашивает она о моей девственности, после того как нам принесли блинчики, добавляя ещё один вопрос в и без того длинный список. Но, по крайней мере, на этот я могу ответить.

— Да.

Я собиралась отдать ему всё, но он не захотел.

Адам сказал мне, что я буду жалеть.

Мое сердце болезненно бьется в груди, потому что я *уже* жалею об этом. Я должна была понимать, что Адам не хочет меня так же, как я его. Полагаю, я должна быть счастлива, что он достаточно заботливо отнесся ко мне и был честным до того, как мы пересекли черту, а не после.

Ди разрезает свои блинчики, тогда как я позволяю своим остывать. Она хмурится, пока пытается проанализировать всё сказанное мной.

— Хорошо, ни одно чертово слово не имеет никакого смысла. С чего бы ему отказывать тебе после того, как вы таким образом развлекались?

У меня есть ответ, но от этого его произнести не легче. Ди поднимает глаза, чтобы взглянуть на меня, и я тихонько вздыхаю.

— Потому что, по сути, я призналась ему в любви, — колюсь я.

Я едва не произнесла эти слова, а потом мои действия просто кричали об этом. И то, и другое говорило Адаму то, что он не хотел слышать. Он всегда относился ко мне иначе, чем к другим девушкам, а затем я просто повела себя так же, как и они. Я влюбилась в него точно так же, как и *все* они.

— Солнышко, — произносит Ди. Беспокойство в ее глазах вновь вынуждает меня отвернуться, — ты *любишь* его.

Я опускаю голову на стол и стону. Не знаю, когда и как это произошло, но то, как болит мое сердце, делает невозможным отрицать эти чувства. Единственное, что удерживает меня сейчас от распада, — надежда, что каким-то образом мне, возможно, удастся исправить всё прежде, чем станет слишком поздно.

Смс-рингтон громко раздаётся рядом с моим ухом, я поднимаю голову и вижу лицо Адама, появившееся на экране моего мобильного. Его идеальная улыбка тянет за потрепанные струны моей души, я смотрю на экран, пока Ди не приказывает мне прочесть.

Почему ты сбежала?

Я потираю пекущие глаза, ненавидя то, что он знает о моем поступке. Адам не спрашивает, где я, потому что, уверена, Джоэль сообщил ему, но он знает, что я избегаю его.

Потому что мы больше не будем друзьями, и это всё — моя гребаная вина.

— Роу, — произносит Ди мягким, но настойчивым голосом, — скажи ему о своих чувствах. Я видела, как он ведет себя с тобой, крошка. Не так, как парень с девушкой на одну ночь. Он не выбирает её, тогда как шалавы бросаются ему в ноги, и он не обнимает её каждую ночь, пока она не уснет. Ты *нравишься* Адаму.

Я игнорирую ее и набираю ответ:

Прости за прошлую ночь. Знаю, что тебе не нужны отношения. Я не хотела становиться одной из тех девушек.

Глядя на телефон, мы с Ди впадаем в нервное молчание, пока не приходит следующее смс от Адама.

Одной из тех девушек?

На этот раз я не жду ее советов. Вместо этого отвечаю честно.

Тех, которые хотят от тебя большего.

Когда секунды без ответа перетекают в минуты, я понимаю, что, должно быть, сказала глупость, и принимаю срочные меры, чтобы сгладить это.

Друзья?

Но Адам не отвечает и на это сообщение, и к тому моменту, как мы покидаем АЙХОП мне кажется, что конец света был бы менее страшным, чем возвращение обратно в его квартиру. Такое чувство, будто я бьюсь головой о неприятности, тогда как всё, чего я хочу, — бежать от них.

— Так или иначе, ты получишь ответ сегодня вечером, — напоминает Ди.

Мы должны пойти в Maуhem (Адам пригласил меня во время гастролей), но после прошлой ночи? Думаю, я предпочла бы прогуляться по Солнцу.

— Я не очень хорошо себя чувствую...

Ди сердито смотрит на меня, когда я проскальзываю на пассажирское сидение, и продолжает смотреть, когда сама садится в машину.

— Если ты собираешься вечно от него скрываться, между вами двумя действительно всё будет кончено. Это то, чего ты хочешь?

Я отрицательно качаю головой, и она лукаво улыбается в ответ.

— Замечательно, потому что я знаю, что ты наденешь.

Глава 28

Тем же вечером, после разрешения Третьей Мировой Войны у шкафа Ди, мы, в конце концов, достигли компромисса. На мне черная стрейчевая юбка и облегающий серебристый топ, любезно предоставленный Ди. Всё это я скомпоновала с парой черных леггинсов, серебристыми балетками и элегантным черным пиджаком.

— Перестань так волноваться, — приказывает она, наблюдая, как я дергаю ногой вверх-вниз. Я, скрестив ноги, сижу на ее кровати и грызу ноготь, откинув пиджак в сторону, потому что мне даже в собственной коже жарко.

— Я не волнуюсь.

Я капец как волнуюсь. Что подумает Адам, когда увидит меня? Он подумает, что я красивая? Отчаянная? Классная? Скучная? Он дождется окончания шоу, чтобы вышвырнуть меня или сделает это сразу?

— Ты охрененно *горячая*, — произносит Лэти, поднимая меня на ноги. Впрочем, как и он — на парне темные джинсы и идеально подогнанная рубашка цвета лаванды с пуговицами на воротнике. — Покружись немножко.

Я неохотно, осторожно кручусь, после чего плюхаюсь на кровать и смеюсь, когда Лэти берет Ди за руку и она проделывает то же самое, только более театрально. На ней кроваво-красное платье с кружевными вставками и разрезами во всех нужных местах и шикарные черные ботильоны, которые даже я была бы не против одолжить.

Ди всегда одета с иголочки, но прежде она никогда не тратила столько денег на обувь. Мы весь день провели, гуляя по магазинам, и она потратила свою недельную зарплату на них. Уверена, весь этот наряд для Джоэля, несмотря на то, сколько раз за последние несколько часов я предупредила ее о том, что он игрок. Я постаралась донести до нее все те непристойные вещи, которые творились в автобусе, но, полагаю, от этого она лишь ещё сильнее захотела Джоэля.

— Ты же знаешь, что Джоэль будет сегодня с другими девушками? — спрашиваю я, пытаюсь подготовить ее.

Подруга перекидывает волосы через плечо и выводит нас из комнаты, после чего выключает свет и ухмыляется мне.

— Увидим.

Сомневаюсь в этом, пока не вижу, как у парня отвисает челюсть, когда мы подходим к нему, стоящему у бара в Mayhem, и в этот момент я осознаю, насколько она талантливо играет в эту игру. Он стоит в обнимку с двумя девушками, но как только взгляд его голубых глаз падает на Ди, его руки спадают с их плеч. Джоэля тянет к ней так, словно он не может противостоять этой силе притяжения, и затем собственнически обнимает ее.

— Позволь мне показать тебе автобус, — мурлычет Джоэль, а Ди хихикает в ответ.

— Может быть позже. Где все?

Наконец Джоэль замечает меня, и его глаза едва не вылазят из орбит.

— Ого, Персик!

Боже, не *так уж* я и отличаюсь от обычной себя. Просто немного долбанных теней и магии Ди на моих волосах... и я сверкаю — охрененно сильно сверкаю... Ничего особенного!

Джоэль смеется и отступает назад, чтобы внимательнее взглянуть на меня.

— Черт.

Я краснею от корней волос до кончиков пальцев, когда Ди задает вопрос:

— Где Адам?

— Ага, — добавляет Лэти. — Разве вы, ребята, не должны быть на сцене?

Мы жутко опоздали из-за нашей с Ди борьбы у ее шкафа и возни с моими волосами. Я надеялась, что Адам будет на сцене, так что мне не придется переносить неминуемый, жуткий разговор с ним, сперва не выпив несколько коктейлей, но, конечно же, Бог немилостив ко мне.

— Он не пошел бы на сцену, пока Персик не появилась здесь, — отвечает Джоэль, набирая кому-то смс на телефоне.

Ди подмигивает мне, пока он занят, но внезапно я чувствую острую необходимость иметь поблизости мусорное ведро — на тот случай, если меня вырвет. Он не пошел бы на сцену, пока не появилась бы я? Ничего хорошего в этом нет...

Джоэль даже не успел закончить писать смс, как на другом конце бара материализовался Шон, остановившись, как вкопанный, когда заметил меня. Его взгляд такой же шокированный, как и у Джоэля, но он намного быстрее приходит в чувства.

— Я боялся, что ты не придешь.

— Почему ты боялся? — чувствую себя гораздо обеспокоенной, чем кто-либо.

Шон лишь улыбается мне, а затем бьет Джоэля по плечу.

— Время шоу.

Джоэль широко улыбается мне.

— Тебе же не нужно в туалет или что-то ещё?

Я удивленно поднимаю бровь.

— Нет...

— Хорошо.

Они с Шоном ведут меня к бару и усаживают на стул, каким-то образом убедив людей по обе стороны от меня освободить места, чтобы Ди и Лэти могли сесть.

— Оставайся здесь, ладушки? — спрашивает Джоэль, пятясь от меня.

— Ла...душки?

— Лучшие места в баре! — уходя, выкрикивает Шон, после чего они с Джоэлем растворяются в толпе.

— Что *это* было? — спрашивает Лэти, всё ещё глядя на то место, где только что исчезли Шон и Джоэль.

Понятия не имею. Всё, что я знаю — мне нужен чертов алкоголь. Я поворачиваюсь на стуле, заказываю клюквенную водку и делаю огромный глоток, отказавшись от соломинки. Пью коктейль и общаюсь о чем угодно, кроме Адама, пока толпа не начинает визжать, и я понимаю, что он вышел на сцену. Ди и Лэти тут же поворачиваются, чтобы посмотреть выступление, но я слишком занята игнорированием мурашек, бегущих по моей спине.

— Привет, МАУНЕМ! — кричит Адам, и толпа вознаграждает его хором оглушительных криков. — Как ваше настроение сегодня?

Его голос, словно пряный мед, обволакивает все мои внутренности, и, в конце концов, я поворачиваюсь к нему лицом. Мое сердце екает и переворачивается, когда я смотрю на его растрепанные каштановые волосы, рваные джинсы и уйму браслетов и напульсников на запястьях. Адам убирает волосы с глаз, расчесывая их пальцами с покрашенными черным лаком ногтями, пока они не ложатся на одну сторону. Парень выглядит совершенно неотразимо в своей черной приталенной рубашке с закатанными по локоть рукавами, и я ерзаю на стуле, вспоминая, что он делал со мной прошлой ночью.

Адам ждет, пока ребята закончат перекидывать ремни гитар через шеи, и толпа успокоится, после чего улыбается и произносит:

— Я хочу начать сегодняшнее шоу немного иначе... Понимаете, я встретил девушку...

Кровь отливает от моего лица, и, клянусь, я слышу, как вздыхает Ди, даже несмотря на умопомрачительный визг девушек в первом ряду.

— Ее зовут Роуэн, но я называю ее Персик, и этим утром она разбила мое сердце.

Ди кусает мою руку, но я уверена, чтобы действительно почувствовать это, моему телу потребовалась бы циркуляция крови, что в свою очередь требует сердцебиения, которого определенно нет. Я разбила ему сердце? Он, должно быть, шутит...

Адам улыбается мне своей знаменитой улыбкой, от которой мое сердце слетает с катушек.

— Прошлой ночью я уснул с ней в моей постели, а этим утром она ушла.

Уверена, девушки в первом ряду кричат, чтобы он забыл меня, но Адам игнорирует их и продолжает:

— С тех пор, как я встретил эту девушку, не могу перестать думать о ней.

Джоэль беретя рукой за голову и опускается на колени, воркуя в микрофон, отчего Адам смеется.

— Прошлой ночью я хотел сказать ей всё то, что никогда никому не хотел говорить, но я был идиотом. Я думал, что она хочет быть только друзьями.

— Что ты хотел сказать ей? — напоминает Шон, прильнув к микрофону и повернувшись лицом к Адаму.

— Эм... всё, — запинается Адам. — Прямо сейчас я хочу спросить у нее кое-что, — усмехнувшись, продолжает он.

Джоль наигрывает какую-то мелодию на гитаре.

— Чего же ты ждешь, чувак?

Адам глубоко, прерывисто вздыхает и говорит:

— Персик... ты знаешь, я никогда не даю обещаний, но я хочу дать тебе одно. Я обещаю, что *никогда* в жизни не сделаю тебе так больно, как твой бывший-мудак.

Улыбка Шона шире, чем у кого-либо.

— Это не вопрос, чувак.

— Я веду к этому, — ухмыляется Адам, нервно взъерошивая волосы. — Боже, чувствую себя школьником...

Толпа смеется, а Шон бурчит:

— И это тоже не вопрос.

— Я волнуюсь! — кричит Адам, тем самым зарабатывая визгливые признания в любви как минимум от пяти девушек у сцены.

Ди поворачивается ко мне с неподдельным выражением шока на лице. Она стоит, запустив руки в волосы, и, уверена, я была бы ошарашена точно так же, как и она, если бы не была в абсолютном, полнейшем, умопомрачительном онемении.

— Персик, я хочу быть с тобой.

Мое дыхание застревает в горле.

— Мы никогда не были друзьями, и я устал пытаться ими стать.

Мое сердце колотится в груди.

— Я хочу, чтобы ты была моей девушкой... Следовательно, мой вопрос: ты станешь моей девушкой?

Шок накрывает меня, а Джоэль делает движение, словно щелкает воображаемым бичом.

— Думаю, ты должен сказать «пожалуйста», чувак, — дразнится Шон.

Адам отмахивается от него, но затем нервно проводит рукой по волосам и произносит:

— Пожалуйста?

Я падаю в обморок, как и все девушки в этом здании.

— Подумай об этом, — добавляет он, — и дай мне ответ после шоу.

— Готов? — спрашивает Шон, и Адам кивает.

Они дают сигнал осветителю, и свет гаснет за секунду до того, как прожекторы заливают группу голубым свечением. Когда парни начинают исполнять свою первую песню, Ди хватает меня за руку и тянет в сторону туалетов, где мы сможем поговорить без необходимости кричать.

Она видимо не поняла этого, потому что без предупреждения поворачивается и кричит:

— ГОСПОДИ, ТВОЮ МАТЬ! РОУЭН!

Она хватает меня за плечи.

— РОУЭН! БОЖЕ МОЙ!

— Адам на самом деле предложил мне встречаться? — спрашиваю я, всё ещё слишком потрясенная, чтобы до конца осознать произошедшее.

— У ВСЕХ НА ГЛАЗАХ!

Внезапно мои ноги превращаются в желе, так что я опускаюсь на колени прямо там, где мы стоим.

— Боже мой.

Так как до меня невозможно дотянуться, Ди вцепляется в Лэти, и они прыгают вокруг меня, словно психи.

— Боже мой, — повторяю я, а затем мои глаза начинают жечь, и я не понимаю, что мне с собой делать.

Когда Ди и Лэти опускаются ко мне, замешательство отражается на их лицах.

— Почему ты плачешь? — спрашивает Ди, проводя большим пальцем по моей щеке, а затем смотрит на мокрую кожу так, словно это какое-то чужеродное вещество, а не настоящие слезы.

— Адам предложил мне встречаться.

— Знаю! Ты не рада?

Я поднимаю глаза и отвечаю ей:

— Я люблю его, Ди.

— Ух, понятное дело!

Она смеется и притягивает меня в объятия.

— Я же говорила, детка! По тому, как вы ведете себя, когда вместе, даже слепой бы это понял. Вы идеально подходите друг другу.

— Что, если он передумает?

— Разве ты не слышала, что он сказал? — спрашивает Лэти, потирая мое плечо. — Парень всему миру рассказал, что он *твой*.

Улыбка пробивается сквозь облако слез, когда я осознаю, что он прав. Адам — это не Брейди. Парень у всех на глазах дал мне обещание, и он никогда бы не сделал этого, если бы на самом деле так не считал. Адам Эверест никогда не делает того, чего не хочет, — он сам мне это сказал.

— Я собираюсь стать девушкой Адама, — смеюсь я.

Ди визжит и поднимает меня на ноги, притягивая в групповые объятия, что делает этот вечер еще более идеальным.

Я иду за кулисы лишь после того, как группа исполняет финальную «последнюю песню». Все ребята улыбаются мне, покидая сцену, но человек, которого я жду, идет самым последним. Они дают нам немного личного пространства, и Адам подходит ко мне, выглядя в тысячу раз более взволнованным, чем был на сцене перед толпой кричащих фанатов.

— Я разбила твое сердце? — спрашиваю я, и он грустно улыбается в ответ.

— Я подумал, что зашел слишком далеко. Я волновался, что ты не вернешься.

Из меня вырывается смешок, и, увидев то, как он смотрит на меня, тороплюсь объяснить:

— Я думала, ты *не захочешь*, чтобы я вернулась.

— С чего бы это?

— Потому что я хотела быть твоей девушкой, — шепчу я. От моего признания сердце бьется ещё сильнее, даже несмотря на то, что Адам на глазах у сотни человек признался, что тоже этого хочет.

Он улыбается и обнимает меня за талию.

— Ты всё ещё хочешь этого?

Я смотрю в его серо-зеленые глаза, которые украли мое дыхание ещё до того, как я узнала его имя. До того, как он утешил незнакомку на крыльце, пригласил одногруппницу в поездку, держал друга в объятиях и предложил стать парой девушке, о которой заботился.

— Уверен, что это то, чего хочешь ты?

— Я гораздо сильнее уверен в том, чего я *не* хочу, — отвечает он. Искренность в его глазах трогает меня до глубины души. — Не хочу тебя потерять.

Я скольжу руками по его рукавам, потом обнимаю за шею и становлюсь на носочки, желая поцеловать прелестный рот, сказавший мне всё то, что я так хотела услышать. Адам прижимается своими губами к моим, и весь мир исчезает. Пустое место в моем сердце, где я хотела хранить его, заполняется, пока не разрывается на части. Я запускаю пальцы в волосы Адама, и он отрывает меня от пола. Хочу, чтобы он отнес меня куда-то, где мы будем наедине, и я смогу целовать его так долго, как захочу, но затем позади нас раздается пронзительный свист и аплодисменты, и я смеюсь у его губ.

Он ставит меня на ноги и одаривает улыбкой, согревающей мою душу.

— Так это «да»?

— Оу, — хихикаю я, осознавая, что не дала ему ответ. Перебираю пальцами его мягкие волосы на затылке и улыбаюсь Адаму со всей любовью, которую хранила глубоко в своем сердце. — Да, Адам. *Конечно же*, это «да».

Глава 29

Когда мы возвращаемся из-за кулис, меня поглощает хаос. Все желают знать, я ли печально известный Персик и я ли — новая девушка Адама. Каждый раз, когда подтверждаю это, Адам освещает помещение своей улыбкой и ещё крепче прижимает меня к себе. Он позирует для фото с фанатами и отказывается отводить от меня взгляд, пока я исполняю роль фотографа. Вместо того чтобы смотреть в камеру, он всегда улыбается мне, и от этого мои бабочки сходят с ума.

В баре я сижу на стуле в окружении моих любимых людей. Ди занята ссорой с Майком из-за отсутствия у него вкуса в выборе одежды, Джоэль подначивает их, Лэти смеется над ними тремя, Шон медленно потягивает коктейль, наблюдая за разворачивающимся шоу, а Адам прижимается ко мне сзади и незаметно водит пальцами по голому телу под топом. Я двумя руками сжимаю стакан, понимая, что он *совершенно точно* знает, что делает со мной.

Адам шепчет мне на ухо, отчего по моей спине бегут мурашки:

— Меня просто убивает то, что я не могу поцеловать тебя сейчас.

— Почему не можешь? — шепчу в ответ, ощущая призрак его губ на моих.

— Потому что я не остановлюсь на поцелуях.

Его пальцы скользят выше, пока не достигают косточек бюстгальтера, отчего сжимаются пальцы в моих блестящих балетках. Мне отчаянно нужно убрать его руки из-под моего топа, или я на самом деле потеряю девственность на барной стойке или на полу, или прямо здесь, на этом дурацком стуле.

Ласково убираю его руки, и он стонет мне на ухо, но я не заставляю его долго ждать. Чувствуя себя безрассудной, поворачиваюсь к нему и предлагаю:

— Шоты?

Его взгляд вспыхивает в предвкушении.

— Какого рода шоты?

Я машу бармену и заказываю текила-шоты для всех. Когда их приносят, я беру с подноса дольку лайма и поворачиваюсь лицом к Адаму. Всю поездку он пытался убедить меня выпить с ним текила-шот, и теперь я наконец-то собираюсь сделать это.

— Открой.

Я борюсь с искушением закусить губу, когда его великолепные губы размыкаются по моей команде, а в его глазах бушует ураган, обещающий поглотить нас обоих. Чувствую на себе взгляды других людей, но игнорирую их и кладу лаймовую дольку ему в рот.

Адам смыкает губы вокруг моих пальцев, и от ощущения теплой влаги на моих пальцах становится влажно между моих бедер. Провожу языком по впадинке его шеи, и прежде чем окончательно потеряю самообладание, сыплю соль на влажную кожу и медленно-медленно слизываю. Его пальцы сильнее сжимаются на мне, когда я слизываю остатки соли с его шеи и залпом выпиваю рюмку текилы. Огненная жидкость обжигает мое горло и живот, когда я наклоняюсь, чтобы взять губами дольку лайма из его уст.

Адам позволяет ей выпасть из его рта, прежде чем мне удастся перехватить ее. Его губы обрушиваются в поцелуе на мои, а пальцы впиваются в затылок, чтобы удерживать на месте. Я сжимаю в руках его рубашку, а он вплотную становится между моих ног, притягивая меня ближе к себе, пока не упирается в центр моего возбуждения. Я хнычу, и Адам разрывает наш поцелуй, чтобы прижаться губами к моему уху.

— Здесь или в автобус? — мурлычет он.

Последний раз, когда он так целовал меня и предложил пойти в автобус, я сказала ему, что желаю остаться друзьями. В этот раз я говорю:

— В автобус.

Секундой позже Адам снимает меня со стула. Берет за руку и что-то шепчет на ухо Шону, когда мы уходим, а каждому фану, пытающемуся заговорить с ним на нашем пути, он дает односложные ответы.

— Что ты сказал Шону? — спрашиваю, когда мы выходим наружу, на то же крыльцо, где Адам успокаивал меня тем вечером, в день нашей первой встречи.

Он обнимает меня за плечи, чтобы уберечь от холода, пока мы практически бежим к автобусу.

— Сказал, что в автобус вход воспрещен всем, кому не надоело жить.

— Что?! — потрясенно выговариваю я, тем самым вызвав смех Адама. Он открывает дверь и придерживает ее для меня, после чего заходит следом и сразу же притягивает меня к себе, проводя руками по передней части ног.

— Знаешь, чем я хотел заняться здесь? — спрашивает он.

— Ммм?

Его пальцы вновь пробираются под мой топ, осторожно скользят по животу и накрывают бюстгальтер. Он собственнически хватается за мою грудь, сжимая и массируя, пока я не откидываю голову на его грудь. Чуть позже его губы ласкают изгиб моей шеи, и я обвиваю его руками, опьяненная желанием мужчины, который исцелил мое сердце и наконец-то заполучил меня.

— Бля, — выдыхает Адам, когда я прижимаюсь к нему попкой. Парень наклоняется ниже, чтобы удерживать меня неподвижной, и я понимаю, что он сдерживается.

Адам сказал, что боялся зайти слишком далеко, так что беру инициативу в свои руки, переплетаю наши пальцы и оттягиваю его от двери. Я не останавливаюсь, пока мы не оказываемся в атласно-черной спальне.

— Персик, — произносит Адам, стоя в дверном проеме. Его голос срывается.

Я оборачиваюсь и прижимаюсь ладонями к его груди, глядя в те же глаза, в которые влюбилась, стоя в очереди в Маунтем.

— Десять.

Он в замешательстве выгибает бровь, а я продолжаю смотреть на него. Первый раз, когда Адам привел меня в эту комнату, он попросил меня считать в обратном порядке от десяти, чтобы доказать, что я всё ещё достаточно трезвая, чтобы он не воспользовался мной. Мне нужно, чтобы он понимал: я точно знаю, что делаю, и делаю именно то, чего хочу.

— Девять.

Понимание медленно озаряет его лицо, а я продолжаю считать:

— Восемь.

Самая сексуальная улыбка появляется на его губах, и он делает шаг навстречу мне. Я отступаю назад.

— Семь, — упираюсь коленками в край кровати, и Адам ползет ко мне. Сдержанность в чертах его лица исчезла, сменившись хищной улыбкой, от которой мое сердце барабанит по грудной клетке, пока я медленно двигаюсь по кровати.

— Шесть, — Адам поднимает мой топ, пока не стягивает его через мою голову, после чего швыряет за спину. Он касается губами шеи, и мое дыхание ускоряется.

— Пять, — выдыхаю я, тянусь руками за спину и расстегиваю бюстгальтер.

Адам нежно задевает пальцами мои плечи, стягивая лямки вниз. Он бросает бюстгальтер на пол, и я произношу:

— Четыре.

Он прокладывает невидимую тропу из поцелуев между моими грудями и вниз по животу, после чего снимает мою обувь и нежно целует голень, а затем хватается за пояс моей юбки, леггинсов и трусов. Одним медленным движением стягивает их вниз и садится на колени, чтобы тщательно изучить каждый дюйм моего тела. Он проводит языком по губам, и я чувствую, как становлюсь влажной.

— Три, — произношу я, возвращая его к реальности.

Он снимает рубашку, и я быстро говорю:

— Два.

Адам вновь заползает сверху на меня, его волосы щекочут мое лицо, пока губы не оказываются на расстоянии вдоха от моих. Я провожу пальцем по татуировке «Шар судьбы» на его груди, после чего скольжу по его животу, наслаждаясь возможностью прикоснуться к нему где угодно и как угодно мне.

— Чего ты ждешь, Персик? — спрашивает Адам, и я так и не произношу «один».

Яростно целую, вызывая его стон. Он двигается бедрами навстречу мне, и я стону в ответ. Адам запускает пальцы в мои волосы, облокотившись о подушку под моей головой, и целует меня, пока я не начинаю путаться в мыслях. Я извиваюсь под ним, нуждаясь в гораздо большем, чем он дает мне.

Я протягиваю руку между нами и расстегиваю его джинсы, а затем стягиваю их так низко, насколько мне удастся это сделать. Цепляюсь пальцами за его боксеры, но Адам оказывается вне зоны моей досягаемости. Он, тяжело дыша, упирается головой в мою грудь.

— Персик, мы не обязаны довести это до конца прямо сейчас. Богом клянусь, я просто хотел целоваться с тобой.

Провожу пальцами по его волосам, понимая, что Адам не хочет давить на меня. Но это

кажется *таким* правильным, и мне нужно, чтобы он понял, насколько я готова.

— Я бы не пожалела об этом, — произношу я, и его прекрасные глаза смотрят на меня из-под густых темных ресниц. — Прошлой ночью... ты сказал, что я бы пожалела об этом, но это не так...

Я сглатываю стоящий в горле ком, отвлекая себя расчесыванием его мягких волос кончиками пальцев. Вновь встречаюсь с ним взглядом и осмеливаюсь произнести то, что вертится в моей голове:

— Я хочу, чтобы это был ты, Адам... я твоя, если ты хочешь меня.

Когда он целует меня в этот раз, всё ощущается совершенно иначе. Это медленный и нежный поцелуй, но от него точно так же кружится голова. Адам снимает джинсы и боксеры, а затем достает из кошелька презерватив и надевает его. Когда его кончик вплотную прижимается ко мне, я всасываю язык Адама в свой рот. Низкий стон зарождается в его груди, а затем он берет контроль в свои руки, покусывая мой язык и губы, пока я не становлюсь совершенно мокрой от желания.

— Персик, — произносит он, и я открываю наполненные вожделением глаза, чтобы взглянуть на него. — Спроси, почему я хочу тебя.

Он хотел, чтобы я спросила об этом прошлой ночью, но я была слишком напугана. Всё ещё напугана (да я, черт возьми, в ужасе), но доверяю ему. Он пообещал, что не сделает больно, и я знаю, что так и будет.

— Почему ты хочешь меня, Адам?

Одной рукой удерживая себя на весу, пальцем другой он нежно ласкает мое ушко, смотрит на меня и отвечает:

— Потому что я люблю тебя.

Губы следует за словами — он жадно целует меня, двигаясь бедрами вперед. Резкая жгущая боль возникает между ног, я задыхаюсь и впиваюсь пальцами в его плечи. Адам останавливается, отстраняется, а затем так настойчиво целует меня, что всё, что я могу чувствовать — его губы, сминающие мои. Боль между ног ослабевает, сменяясь подавляющим ощущением его губ, он вновь входит в меня, на этот раз немного глубже, а я царапаю его плечи. Адам продолжает осторожно двигаться, пока полностью не погружается в меня, и мне удается ослабить свою хватку.

— Ты в порядке? — тяжело дышит он, но я всё ещё грежу словами, которые он произнес до того, как разрушил последний барьер между нами.

— Ты любишь меня? — спрашиваю я, слезы счастья застилают мои глаза.

Озабоченность на лице Адам сменяется теплой улыбкой.

— Больше всего на свете.

Он целует меня до тех пор, пока вся комната не начинает вращаться, и затем возобновляет толчки. Жгущая боль внутри меня понемногу заменяется ощущениями, заставляющими меня стонать от удовольствия на ухо Адаму. Его нежные губы исследуют каждый дюйм моего тела: мой рот, подбородок, шею, грудь, пока лава внутри меня не начинает вновь закипать, угрожая затопить всё вокруг.

Я так крепко сжимаю его, что удивлена, что он вообще может шевелиться, но его бедра неустанно движутся. Наши сердца бьются в унисон, бисеринки пота собираются на нашей коже. Адам вновь и вновь входит в меня, покусывая мое ухо, и я лечу в пропасть. Я выкрикиваю его имя, и самый сексуальный звук вырывается из его груди, когда Адам следует за мной. С каждым толчком тело становится тяжелее, и я крепко держу его. Мое

сердце стучит в одном ритме с его толчками, пока я пытаюсь отдышаться.

Когда Адам приподнимается на локтях, чтобы взглянуть на меня, мне едва удается сдерживать слезы. Я считала, что любила Брейди, но это была любовь девушки, едва знающей себя. Она не знала, чего хотела от жизни, и на что она способна. Моя любовь к Брейди была порождением жертвенности — я пожертвовала своими собственными целями, нуждами и собой ради него. С Адамом же совершенно иначе — мы оба готовы отдать друг другу всё.

— Спроси меня, почему я хочу тебя, Адам, — произношу я, и он смотрит на меня с такой любовью в глазах, что я едва сдерживаюсь, чтобы не признаться ему, не дожидаясь вопроса.

— Почему ты хочешь меня? — спрашивает он, и тысячи причин витают в моих мыслях.

Я хочу его из-за глаз, улыбки, смеха и сердца. Хочу из-за грез, целей, чувства юмора и его света. Потому что Адам дал мне обещание, несмотря на то, что никогда не дает обещаний. Из-за того, что он смотрит на меня так, как не смотрит ни на кого другого. Хочу его из-за того, как чувствую себя рядом с ним, и как — без него. Но всё это в действительности лишь одна причина, которую следует произнести, и я больше не боюсь признаваться в этом, потому что знаю, что он хочет услышать это.

С Адамом в сердце и моих объятиях я, в конце концов, произношу слова, в которых больше не боюсь признаться ни ему, ни себе, ни кому-либо другому:

— Потому что я люблю тебя.

Эпилог

Адам

Когда тем утром, два месяца спустя после того, как мы с Персиком официально объявили себя парой, срабатывает мой будильник, я игнорирую его, крепко обняв Роу, чтобы ей было уютно. Зарываюсь лицом в ее длинные светлые волосы, вдыхая аромат клубничного шампуня, надеясь, что она, как и я, проигнорирует будильник.

— Адам, — стонет Роу сонным голосом.

Я крепче обнимаю ее, пряча лицо в пространстве между ее шеей и подушкой. Будильник продолжает орать.

— Адааам.

Когда я продолжаю игнорировать ее, ухмылка появляется на моем лице, потому что знаю, что будет дальше — Персик ворчит и переворачивается. Она переворачивает меня на спину, пытаясь дотянуться через меня к будильнику. Не достает — у нее никогда не получается дотянуться до него, потому что я — гениальный стратег, воодушевленный поощрением. Персик переползает через меня, чтобы выключить будильник, после чего падает на мою грудь, уткнувшись лицом в подушку.

Подловив удобный момент, я убираю волосы с ее шеи и целую. Нежно, зная, что это сводит ее с ума. Я вознагражден невольным ерзанием, от чего становлюсь твердым и запускаю пальцы под ее мягкий хлопковый топ. Я вывожу линии по спине, пока под моими пальцами не появляются мурашки; обожаю, как ее тело реагирует на меня.

Когда губы Роу находят мои, я оказываюсь *тем*, кто стонет, что, вероятно, до чертиков смутило бы меня, не будь я так сконцентрирован на том, чтобы в прямом смысле этого слова держать себя в руках и не сорвать тонкий топ и очаровательные шортики с ее маленького, хрупкого тела. Не знаю, как ей это удастся, но она всегда так делает — нахрен сводит меня с ума от желания быть к ней настолько близко, насколько это возможно. Никто, *никто* и

никогда не заставлял меня чувствовать себя таким отчаянным. Я, вероятно, ненавидел бы это, если бы так чертовски сильно не любил ее.

Три с половиной секунды спустя я получаю больше, чем могу выдержать. Она позволяет мне перевернуть ее. Я целую ее шею, находя губами местечко, которое заставляет Персика стонать ещё громче, чем я, тем самым восстанавливая толику моего чувства собственного достоинства. Она выгибает спину, когда я провожу языком по ключице, от чего ее кожа приобретает мой любимый оттенок розового. Роу обвивает руками мои обнаженные лопатки, царапая кожу и угрожая украсть остатки моего самообладания. Если я в ближайшее время не войду в нее, уверен, эти милые шортики обречены на гибель.

— Адам, — стонет она, и это вконец убивает меня.

Мое имя на ее губах звучит как *сладкая смерть*... Да, я не чертов святоша, и она не хуже других знает это. Секунду спустя ее шортики оказываются на полу, а затем я показываю ей, почему тот несносный будильник — самое охуенное устройство из когда-либо изобретенных человечеством.

Позже она сопит, крепко уснув в моих объятиях, а я вспоминаю первый раз, когда вот так вот держал ее. Она дремала в моих объятиях тем вечером, когда я едва не врезал кулаком ее придурку-бывшему. Я был просто в ужасе. Обнимал девушку, чтобы ей было спокойнее, но единожды ощутив ее в своих руках, больше не мог отпустить. Всю ночь у меня была возможность отодвинуться от нее (и я понимал, что должен был), но не смог заставить себя это сделать. Вместо этого я ещё крепче обнял Роуэн, насмерть испугавшись своих чувств к ней и того, что могу всё испортить и потерять ее. Не уверен, в ту ли ночь я влюбился в нее, но именно тогда я начал понимать, что сделаю всё что угодно, лишь бы она осталась рядом.

— ТВОЮ МАТЬ! — внезапно вскрикивает Персик, вырывается из моих объятий и встает с постели. — БУДИЛЬНИК, АДАМ!

— Да? — произношу я, передвигаясь на кровати, пока не устраиваюсь удобнее на теплом матрасе.

— Я обещала Ди, что встречусь с ней в АЙХОП! Почему ты не...

Персик выжидающе смотрит на меня, когда я начинаю смеяться. Это не моя чертова вина, что девушка настолько неотразима, и она должна была бы понимать, что мне нельзя доверять в том, чтобы делить ее с кем-либо (даже с ее лучшей подругой), когда я предпочел бы оставить её себе.

Она рычит, читая мои мысли, а затем нападает и бьет подушкой. Когда я хватаю Роуэн за запястья и валю на кровать, она визжит и судорожно пытается сбежать. Я борюсь с ней, подмяв под себя, одаряя ее ухмылкой, которой она не может противостоять. Мои волосы спадают на ее лицо, и Персик делает вид, что не хочет меня. Несмотря на то, что у нас было менее полчаса назад, у нее не очень хорошо получается.

Персик хихикает, когда я подмигиваю ей и быстро целую в нос, прежде чем отпустить. Она не возражала бы, если бы я ещё на несколько часов задержал ее здесь, но Ди... эта девушка — совершенно другая история, и я прекрасно понимаю, что мне не следует злить ее. Спустя несколько дней после того, как мы с Персиком объявили себя парой, я случайно завел разговор о том вечере, когда мы с ней встретились в *Mayhem*. Я не знал, что не должен был упоминать об этом перед Ди, потому что понятия не имел, что Персик держала в секрете то, что произошло между нами тем вечером. У девушки был катастрофический нервный срыв, и я удивлен, что он не уничтожил всё Восточное побережье. Персик сутки напролет писала и звонила ей. Она даже пыталась выведать какую-то информацию у

Джоэля, который был единственным из нас, с кем всё ещё общалась Ди. Персик даже подумывала заставить его доставлять ей цветы и конфеты, пока я не предупредил ее, что он, скорее всего, припишет все заслуги себе. В конце концов ей надоела вся эта драма вокруг Ди, и она попросила меня высадить ее у общежития. Двадцать четыре часа спустя они вели себя так, словно ничего и не было, и мне хватило ума не пытаться разобраться во всем этом.

Я наслаждаюсь видом, когда Персик наклоняется, чтобы вытащить пару джинсов из нижнего ящика нашего шкафа, и испытываю разочарование, когда она покидает комнату, чтобы принять душ. Я бы испытывал соблазн попытаться присоединиться к ней, если бы уже не был изнурен. С другими девушками секс был просто сексом, но с Персиком каждый раз, словно... Боже, даже не знаю. В какой-то мере так выматывает, но оставляет удовлетворенную улыбку на моем лице и тяжесть в костях. С ней я вхожу во вкус. Впитываю каждую секунду, отдавая взамен столько же, сколько получаю, потому что с ней секс — это не просто секс. Это гораздо больше, и, если бы я попытался описать это, уверен, парни оторвали бы мои яйца.

Первый раз мы практически дошли до конца... что же, вся ночь была до ужаса сбивающей с толку. Сначала, когда я поинтересовался, почему она хочет меня, и Персик смолкла в середине предложения, которое началось с «Потому что я...», я подумал, что она собиралась признаться мне в любви. Мое сердце гремело в груди в равной мере от страха и надежды. Я хотел услышать это, но оглядываясь на прошлое, не знаю, был ли готов. Потому что, когда девушка отказалась ответить мне, я начал сомневаться. Мы оба делали вид, будто ничего не произошло, пока я не надел презерватив и не толкнулся в нее, а она сообщила мне, что девственница, и взорвала мой гребанный разум.

Я до сих пор не понимаю, как или почему ее недоумок-бывший встречался и жил с ней три гребанных года и ни разу не переступил черту, но рад, что он не сделал этого.

Когда я нашел ее спящей на полу ванной, почувствовал себя самым главным мудаком в мире. Я взял Роуэн на руки и отнес в свою комнату, и до меня с ослепляющей ясностью дошло, почему мне захотелось надрать зад самому себе за то, что смутил ее. И почему мысль о том, чтобы лишить ее девственности (то, чего я *всегда* избегал делать с другими девушками), внезапно стала единственной вещью, о которой я вообще мог думать.

Я любил Персика и хотел сказать ей об этом, но боялся потерять, если она не чувствовала то же самое ко мне. Так что вместо того, чтобы признаться, сказал ей спросить меня, почему я хочу ее. Если бы она хотела знать, я бы ответил ей, но если нет — не стал бы на нее давить и всё рушить. Мне должно было быть больно, когда она отказалась спрашивать, но затем Персик поцеловала меня и сожгла мой мозг. Я опустил вниз, потому что хотел дать ей всё, и когда она таяла у меня во рту, смаковал каждую каплю.

Роу сказала мне достать презерватив, и мое сердце поскакало, словно премированная клейдесдальская лошадь, но одного взгляда в глаза было достаточно, чтобы понять, что девушка всё ещё была на пике оргазма, и если бы я толкнул ее дальше, то лишь воспользовался бы ею.

Я слишком сильно любил Роуэн, чтобы так поступить, даже несмотря на то, что был уверен, что к утру умру от стояка. Так что я перекатился на ее половину кровати и крепко прижался к ней, держа в своих объятиях, пока она не провалилась в сон.

Следующим утром я запаниковал, когда проснулся и обнаружил, что она ушла. Я выбежал из спальни и обнаружил Джоэля на диване. Он рассказал мне, что Персик ушла вместе с Ди. Запустив пальцы в волосы, я снова и снова спрашивал его, сказала ли она что-то

перед уходом, и что он знает. Парням было интересно, почему я так схожу с ума, но что я мог сказать им? Я слишком далеко зашел, и теперь она даже не захочет смотреть на меня?

Я сел на полу своей спальни и пялился на телефон, пока не набрался смелости написать ей сообщение. Спросил, почему она сбежала и секунду спустя самое странное сообщение, когда-либо виданное мною, появилось на экране.

Прости за прошлую ночь. Знаю, что тебе не нужны отношения. Я не хотела становиться одной из тех девушек.

Она *просила прощения? У меня?* Мой мозг был не в силах переварить это сообщение, так что я написал ответ: «*Одной из тех девушек?*»

Тех, которые хотят от тебя большего.

В течение нескольких секунд я косился на телефон, после чего позвал Шона и Джоэля. Затем рассказал им, что произошло с Персиком (минувя приятную часть и то, что она была девственницей, так как это был секрет, которым она поделилась со мной, и я унесу его с собой в могилу), и спросил их, означало ли это сообщение то, что я думал. Означало ли оно, что Персик хотела быть моей девушкой?

Они сказали мне, что я хренов идиот, раз мне понадобилось сообщение, чтобы понять это, и я медленно осознал, каким мудаком был. Она думала, что я не хотел отношений, и в некотором роде так и было. Другие девушки хотели встречаться со мной по уйме ебанутих причин, но они не были Персиком. Я не хотел девушку — я хотел лишь ее, во всех смыслах этого слова.

Пришло ещё одно сообщение, в котором она интересовалась, были ли мы по-прежнему друзьями, но, черт возьми, нет, мы не были друзьями. Я так устал притворяться, что не хочу абсолютно всего от нее. Проснувшись без Роуэн рядом со мной, я заволновался, что больше никогда не смогу уснуть вместе с ней снова. Это вбило немного здравого смысла в мою голову, и я понял, что мне нужно набраться смелости и сделать всё возможное, чтобы быть с ней.

Когда несколько недель спустя она спросила меня, почему я предложил ей стать моей девушкой со сцены Maуhem, я ответил, что хотел, чтобы весь мир знал о моих чувствах к ней, но это была лишь часть правды. Также в моей голове звенело слово «друзья», и мне было страшно быть отвергнутым, что, кажется, было бы в сотый раз в моей жизни. И все сто раз это была одна и та же девушка, владеющая силой разбить мое сердце. Я завершил выступление и покинул сцену. Сердце пульсировало в горле, когда увидел ее, ждущую меня.

Я полагал, что услышанное от нее «да» сделает меня самым счастливым мужчиной на земле, но это даже не идет ни в какое сравнение с тем, что я испытал, когда она призналась мне в любви. До Персика «любовь» была простым словом, которое девушки выкрикивали мне из толпы, но теперь я знал его истинное значение.

Это — безумие. Это — навсегда.

Это — она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

итальянский бутерброд или сэндвич, где булочка разрезается вдоль, а внутрь кладут ветчину, сыр и др. начинки.

[
←2

] маленькая сумочка с набором принадлежностей для туалета

[
←3

] The International House of Pancakes (Интернэшнл хауз ов панкейкс) — фирменное название сети экспресс-блинных

[
←4

] кеды

[
←5

] бытует мнение, что француженки не бреют подмышки

[
←6

] Брoни (англ. Brony — слияние слов англ. brother — брат и англ. pony — пони, во мн. ч. англ. Bronies) — субкультура, фэндом поклонников сериала My Little Pony

[
←7

] специальная аудитория со звукотехнической и проекционной аппаратурой, способствующей овладению навыками устной иноязычной речи

[
←8

] жанр т. н. тирольск. народных песен у альпийских горцев «Йодл — ай — ИИИ — уууу»

[
←9

] В оригинале звучит “French fries”